

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Ю.М. Гончаров, С.В. Скобликов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Барнаул
2023

ББК 63.3(2)

УДК 930

Г657

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Н.Д. Ростов*
(Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова);

кандидат исторических наук, доцент *В.И. Баяндин*
(Новосибирский государственный педагогический
университет)

Гончаров Ю. М., Скобликов С.В.

Повседневная жизнь нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: монография / Ю.М. Гончаров, С.В. Скобликов; – Барнаул: АЗБУКА, 2023. – 311 с.: ил.

ISBN 978-5-6049400-5-1

Монография посвящена повседневной жизни нижних воинских чинов (рядовых и унтер-офицеров) российской армии второй половины XIX – начала XX в. В книге рассматриваются: социально-правовое положение нижних воинских чинов; система комплектования нижними чинами русской армии; роль унтер-офицерского корпуса; условия действительной воинской службы; санитарное состояние и медицинское обеспечение нижних воинских чинов в мирное время; система поддержания дисциплины и система наказаний в российской армии; обучение и воспитание, культурный уровень нижних воинских чинов; ценностные ориентации и традиции сибирских солдат.

Издание адресовано студентам, аспирантам, преподавателям и всем тем, кто интересуется военной историей и историей Сибири.

ISBN 978-5-6049400-5-1

© Ю. М. Гончаров, С.В. Скобликов, 2023

***Памяти воинов-сибиряков,
защищавших наше Отечество***

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Формирование категории нижних военских чинов	
1.1. Социально-правовое положение и комплектова- ние нижними чинами русской армии.....	40
1.2. Состав и численность нижних военных чинов Западной Сибири.....	71
1.3. Унтер-офицерский корпус в жизни армии	90
ГЛАВА 2. Повседневность и быт нижних военских чинов	
2.1. Условия действительной военной службы.....	111
2.2. Санитарное состояние и медицинское обслуживание	160
2.3. Военная дисциплина и система наказаний в русской армии	180
ГЛАВА 3. Культура, мировоззрение и традиции	
3.1. Обучение и воспитание	214
3.2. Традиции и ценностные ориентации	247
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	279
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	284
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	308
ПРИЛОЖЕНИЯ	309

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, – время серьезных геополитических вызовов, стоящих перед Россией, – периода сложной внешнеполитической обстановки, российская армия становится важным объектом реформирования. Выработка новых принципов военного строительства невозможна без обращения к историческому опыту взаимоотношений государства, общества и армии.

Кроме того, в отечественной историографии в целом недостаточно разработана проблема изучения отдельных социальных страт и сословных состояний Российской империи. В советские годы историки уделяли внимание, прежде всего, процессам классообразования, оставляя в тени сословную специфику населения. Среди российского социума наиболее изученными являются сословия дворян и крестьян. В последние десятилетия интенсивно изучается купечество и мещанство. В то же время, некоторые значительные слои населения долгие годы оказывались вне внимания исследователей.

Интерес к изучению военных, наметившийся в последние годы, как раз и продиктован тем, что историческая наука до сих пор уделяла этой категории явно недостаточное внимание.

В постсоветские десятилетия наметилась переоценка этих позиций, что проявилось как в переосмыслении социально-экономических процессов, протекавших в русском пореформенном обществе, так и в изменении взглядов на военных и их роли в обществе.

Изучение истории нижних воинских чинов Западной Сибири, обладавших «своим лицом», определявшимся спецификой региона, позволит более полно выявить общее и особенное в жизни русского провинциального общества

второй половины XIX – начала XX в. Очевидно, что необходимо комплексное изучение нижних воинских чинов, как особой социальной группы, выявление особенностей их повседневной жизни.

В исторической литературе можно найти лишь отдельные сюжеты и публикации, касающиеся нижних воинских чинов Сибири.

Изучение истории русской армии находилось главным образом в сфере внимания военных историков. В дореволюционный период изучались лишь отдельные проблемы образа жизни солдат. Внимание исследователей было в основном сосредоточено на таких проблемах, как история войн, военных реформ, военного искусства. Лишь в отдельных работах, носящих в основном публицистический и воспитательный характер, рассматривались некоторые социокультурные аспекты жизни армии: традиции, элементы военной культуры, офицерство как социальный слой и т.д.¹

Особо можно отметить такое издание, как «Военный сборник» – ежемесячный военный журнал, официальный орган Военного министерства, издававшийся с 1858 по 1917 г. Это серьезное издание, содержание которого отвечало запросам самой образованной части армии. Фактически с момента своего основания здесь публикуются статьи и очерки, посвященные армейскому быту. Как отмечает С. Карпущенко: «Военный сборник» предлагая ряд публикаций об армейском быте ставил именно эту цель: раскрыть перед будущими реформаторами весьма противоречивую, сложную картину полкового хозяйства, солдатских нужд,

¹ Риттих А.Ф. Русский военный быт в действительности и в мечтах. СПб., 1893; Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 72–112; и др.

описать характер уставных и неуставных взаимоотношений воинов»¹.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТИ

№ 11 НОЯБРЬ 1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Мокшана. 40.
1912.

Рис. 1. Военный сборник

Авторов журнала занимал широкий круг проблем повседневности нижних чинов. В большинстве своем они были людьми, прекрасно знавшими быт казарм, – профессиональными военными, офицерами, которых немало тревожило бытовое устройство подчиненных.

Значительный интерес для нашей работы представляет многотомная «Военная энциклопедия», издававшаяся известным издателем И.Д. Сытиным в 1911–1915 гг. под редакцией полковника Генерального штаба В.Ф. Новицкого.

¹ Карпущенко С. Как оберегали армию // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 7.

В связи с Первой мировой войной и последующей Октябрьской революцией, издание осталось не завершено, всего вышло 18 томов, последнее слово 18-го тома – «Порт-Артур». Каждый том сопровождался большим количеством схем, географических и топографических карт, планов, портретов и рисунков, включённых как в основной текст, так и расположенных на вклейках. Композиционно энциклопедия составлена по алфавиту статей, однако составители выделили четыре главных отдела по содержанию энциклопедии: первый отдел – специальных военных знаний (стратегия, тактика, военная история, военная статистика, военная география, военная топография, воспитание и обучение войск, сведения о вооружённых силах иностранных государств), второй отдел – военно-технических знаний и специальных родов войск (артиллерия, стрельба, баллистика, взрывчатые вещества, материальная часть артиллерии, ручное оружие, военно-инженерное дело, фортификация и т.д.), третий отдел – общих военных знаний (военная администрация, военное право и законодательство, военное хозяйство и служба тыла, военно-санитарное дело, спорт и военная литература, выдающиеся военные деятели и ученые, четвертый отдел – военно-морских знаний¹.

«Военная энциклопедия» ставила целью объединить и органически связать воедино все важнейшие сведения по различным отраслям военного и военно-морского дела, которые в преемственной связи настоящего с прошлым осветили бы все вопросы, связанные с бытием вооруженных сил, популяризируя знания, необходимые как воину, так и гражданину. Таким образом энциклопедия Сытина предназначалась не только для военных, но и для каждого интересующегося военным делом, в ней был заметно расширен круг военных вопросов. Особое значение придавалось

¹ Военная энциклопедия. Т. I–XVIII. СПб., 1911–1915.

включению сведений, воспитывающих любовь к военному делу, армии и флоту.

Быт сибиряков, в том числе и солдат в дореволюционной историографии изучался в основном усилиями местных краеведов. Их работы носили преимущественно описательный характер и способствовали, в основном, лишь накоплению источникового материала. Одним из ярких примеров является Н.А. Абрамов, которого впоследствии называли «неутомимым летописцем Сибири»¹. Сибиряк по рождению, живший и работавший во многих городах региона, Н.А. Абрамов опубликовал около сотни работ, посвященных родному краю.

В своей книге «Описание Западной Сибири» И.И. Завалишин приводит разнообразные сведения о регионе середины XIX в. Обращался И. Завалишин и к сословному составу населения².

Во второй половине XIX в. сибирское краеведение активно развивалось. Краеведы работали во всех значительных городах региона (можно назвать А.В. Адрианова, Н.И. Виноградского, Г. Колмогорова, Н.С. Щукина и многих других). Ими был охвачен широкий тематический спектр.

Работы авторов, которых в советской историографии было принято относить к официально-правительственному направлению, а именно К. Голодникова, Н. Кострова, Н. Турчанинова, Н. Путинцева³, были написаны в связи со

¹ Беспалова Л.Г. Живое прошлое: писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987. С. 30.

² Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. С. 82.

³ Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882; Он же. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк. Тобольск, 1887; Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872; Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. I.

служебной деятельностью авторов. Так, например, К. Голодников заведовал Tobольским губернским статистическим комитетом, Н. Костров – Томским, Н. Путинцев собирал сведения для изыскательских работ при строительстве Сибирской ж.д. Главным источником для них служили данные официальной статистики. Кроме того, эти авторы использовали сведения городских переписей, податной статистики, собственные наблюдения. Главной целью их работ было дать фактическую сводку о населении и состоянии экономики Западной Сибири, что обусловило в определенной степени их описательность, отказ от сопоставления и анализа фактического материала.

Отсутствие у авторов научной методологии привело к непониманию описывавшихся ими социально-экономических процессов. Большой фактический материал, содержащийся в данных работах, позволяет их рассматривать также в качестве источников.

Областники отражали в своих исследованиях различные стороны развития Сибири. Однако для них была характерна обличительная направленность, истоки всех бед областники видели в «колониальном» положении Сибири, в «мануфактурном иге Москвы», в злоупотреблениях властей. Они недооценивали уровень экономического развития региона, результаты его промышленного освоения и, наоборот, переоценивали специфические черты сибирского населения.

В частности, Г.Н. Потанин, при характеристике сибирских городов, писал об Омске как типичном военно-чиновничьем городе. Преобладание военных в городском населе-

СПб., 1914. С. 285–360; Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892.

нии, по мнению Потанина, предопределило отсталость экономической жизни города, состав верхушки городского общества и даже своеобразие архитектурного облика¹.

В это время формируется локальное направление в истории, уделявшее главное внимание к истории региона². На рубеже XIX–XX вв. усиливается интерес к прошлому Сибири. В газетах, а также отдельными изданиями, уже в массовом порядке появлялись работы о церквях, монастырях, учебных заведениях, выдающихся сибирских деятелях, зарисовки бытового характера³.

В дореволюционный период исследование образа жизни военных и их роли в жизни региона было связано с изучением истории различных воинских частей и воинских учебных заведений Западной Сибири, которые чаще всего осуществлялись в рамках самого военного ведомства⁴. Такие издания подготавливались, как правило, к юбилеям воинских формирований и учреждений по инициативе командования или отдельных офицеров. Авторами обычно выступали офицеры и военные чиновники. Источниковой базой таких изданий служили официальные документы (приказы, формулярные списки, отчеты и т.п.). Часть таких работ представляли собой только краткое изложение основных фактов истории воинской части, некоторые были более пространны. В этих трудах описывались главные этапы истории части, описывались быт, традиции, состав и «духовный

¹ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 234–259.

² См. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.

³ Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске в связи с историей города. Томск, 1904 и др.

⁴ Мамеев С.Н. Краткий исторический очерк Тобольского резервного пехотного батальона (с 1711 г.). Тобольск, 1886; Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса 1813–1913. Омск, 1913; и др.

облик» солдат и офицеров, помещались различные статистические таблицы и списки военнослужащих¹.

Названными авторами не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении истории нижних воинских чинов Сибири. Однако большинство дореволюционных публикаций представляют собой довольно поверхностные очерки, основанные на ограниченной документальной базе. Тема сословий вообще, и нижних воинских чинов, в частности, практически не изучалась, хотя, отдельные ее аспекты и были затронуты. В этот период шло накопление и обобщение архивных документов и личных наблюдений.

В 1920–1950-е гг. работы, посвященные истории Сибири, затрагивали лишь отдельные аспекты истории региона, такие как революционное движение и политическая ссылка, и нередко носили популяризаторский или пропагандистский характер. Усилилась тенденция рассматривать «бытовую историю» как нечто второстепенное. Невысокий уровень знаний этого периода по истории населения региона отразила четырехтомная «Сибирская советская энциклопедия» (Новосибирск, 1929–1932).

В советской военной историографии этого периода история нижних воинских чинов практически не изучалась. Это было связано в основном с тем, что в официальной идеологии и общественном сознании русская армия рассматривалась как часть аппарата угнетения рабочих и крестьян и ассоциировалась с контрреволюционными, буржуазными силами.

Частичная реабилитация истории русской армии происходит в историографии 1940-х гг., что было связано, в

¹ См., например: Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. 131 с.

первую очередь, с Великой Отечественной войной, обусловившей новую идеологическую политику государства, востребованность идей патриотизма, необходимость опоры на воинские традиции, уходящие своими корнями в дореволюционное прошлое¹.

С середины 1950-х гг. начинается новый этап отечественной историографии, формируются новые подходы к исследованию, расширяется источниковая база, повышается уровень научных работ². Работы этого времени по своим теоретическим подходам, по богатству фактического материала выгодно отличаются от работ предыдущего периода.

Необходимо отметить монографию Л.Г. Бескровного «Очерки военной историографии России», в которой исследователь проанализировал труды по военной истории, подготовленные русскими офицерами, и сделал вывод об их значительном вкладе в отечественную историографию³. Л.Г. Бескровный был автором ряда фундаментальных работ, посвященных российской армии. Однако в работах историка военное дело в азиатской части империи практически не рассматривалось.

На роль и место военных в социальной структуре населения Сибири обращали внимание такие исследователи как Р.М. Кабо, А.Д. Колесников, И.А. Коновалова, М.Г. Рутц⁴.

¹ Баяндин В.И. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода // [Пишем времена и случаи](#) материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2008. С. 31–33.

² См.: Советская историография. М., 1996. С. 349–400.

³ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

⁴ Кабо Р.М. Города Сибири. М., 1949; Колесников А.Д. Рост, словный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 231–252; Коновалов И.А. Население Омска в первой половине XIX в.

В эти годы возникают несколько направлений и в сибиреведении: собственно историческое, экономико-географическое, историко-архитектурное и др. Уровень изученности многих проблем региональной истории продемонстрировали соответствующие главы пятитомной «Истории Сибири» (Л., 1968). И хотя интересующая нас проблематика на страницах «Истории Сибири» практически не нашла отражения, однако подготовка этого издания в значительной степени активизировала изучение региональной истории в целом и сибирского социума, в частности¹.

Эта активизация отчетливо проявилась в 70–80-х гг. прошлого века, когда появляется ряд работ, посвященных социально-экономическому и культурному развитию Сибири. Для этого периода можно отметить расширение источниковой и историографической базы исследований, повышение теоретического уровня работ. В эти годы исследователи обращались к различным сюжетам истории населения региона. Большой вклад в изучении сибирского региона внес В.А. Скубневский².

// Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Омск, 1991. С. 28–30; Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1977. С. 91–105; Сигутов П.Т. Население Омска в конце XIX в. // Известия Омского отделения географического общества СССР. Омск, 1966. Вып. 8 (15). С. 31–38.

¹ См.: Горюшкин Л.М., Кудрявцев Ф.А., Тюкавкин В.Г. Изучение истории Сибири эпохи капитализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 175–189.

² Скубневский В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 84–97; Он же. Города Алтая – центры торговли // Города Алтая. Барнаул, 1986. С. 135–149; Он же. Грамотность городского населения Сибири // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Вып. 3. Барнаул, 1994. С. 242–248; и др.

В 1970–1980-е гг. в отечественной науке начинает складываться направление, посвященное историко-этнографическому изучению региона, представители которого рассматривали в своих работах различные стороны бытовой культуры сибиряков. Происходило постепенное преодоление представления об истории сословий, культуры и быта как второстепенной проблематике. Однако работы этого направления были посвящены преимущественно европейской части страны¹.

В целом отечественными историками был накоплен определенный опыт в изучении населения: определены основные источники, методы и подходы, создано достаточно четкое представление о характерных чертах быта и культуры различных сословий².

Советская историография, несмотря на ее значительные достижения, вынуждена была развиваться в жестких идеологических рамках, и, в силу этого, базировалась на концепциях и терминологии, разработанных во второй половине XIX в., в отличие от западной науки, где вопросы социальной стратификации, терминологии и моделей социальных изменений были предметом постоянных дискуссий.

В центре внимания советской историографии были проблемы классовообразования в буржуазном обществе и разложения сословной структуры³, при этом сами термины

¹ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Некрылова А.Н. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конеч XIX – начало XX в. Л., 1988; и др.

² См.: Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989. С. 7–12; Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. № 3; и др.

³ См.: Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. 1955. С. 239–250; Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре

«класс» и «сословие» использовались в том же понимании, какое в них вкладывали классики марксизма более сотни лет назад. Кроме того, следуя концепциям марксизма, советские ученые неохотно употребляли юридические термины для описания социальных и экономических групп и ввели гибридный термин «класс-сословие» чтобы подвести «экономический фундамент» под традиционную сословную модель общества.¹ Исследователи обращали внимание, прежде всего, на «разложение сословий», нередко относя этот процесс еще к дореформенному периоду².

Вплоть до начала 1990-х гг. интерес к социокультурным и бытовым аспектам истории русской армии в целом, и образа жизни нижних чинов, в частности, не получил развития. Затрагивались в основном лишь отдельные проблемы истории офицерского корпуса³. Особый вклад в изучения русского офицерства внес П.А. Зайончковский. Помимо изучения социальных характеристик офицерства, заслугой историка можно признать то, что он обратился к исследованию идеологии и морали, военного образования,

городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312–340.

¹ См., например: Ерошкин Н.П. Крепостное самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 25–26; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1979. С. 54. «Ленинское происхождение» этого термина обосновано в: Блаватский М.Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете Ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия история. 1970. № 2. С. 68.

² Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800–1861) // Исторические записки. Т. 102. М., 1978. С. 153–182.

³ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

быта, досуга, образа жизни¹. Проблема же собственно истории нижних воинских чинов Сибири в эти годы поставлена не была.

В 90-е гг. прошлого века начинается новый этап отечественной историографии, что проявилось, в числе прочего, и в расширении проблематики исследований. В последние годы историки обращают внимание и на специфику быта таких социальных групп дореволюционной Сибири как чиновники², духовенство³, интеллигенция⁴. Активно начинает

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973; Он же. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21–29.

² См., например: Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1985; Она же. Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX века: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 13–17 и др.

³ Бабушкина О.Ю. Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... к.и.н. Курган, 2002; Гончаров Ю.М. Материальное положение городского духовенства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. Барнаул, 2003. С. 184–188.

⁴ Лисичникова А.В. Образ жизни учительской интеллигенции Иркутска второй половины XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Вып. 2. Иркутск, 2000. С. 98–110; Шиловский М.В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2: История повседневности. Барнаул, 2004. С. 88–101.

изучаться общественный быт¹. Различные аспекты повседневной жизни рассматриваются исследователями в курсе изучения культуры городов Сибири².

Из монографических работ этого периода можно выделить монографию А.И. Куприянова «Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири» (М., 1995). В центре внимания автора – житель Сибири в его повседневной общественной жизни. Новизна проблематики книги нашла отражение в расширении традиционного для советской историографии круга источников, в частности, в широком привлечении нарративных материалов. Несомненным достоинством книги является и попытка синтезировать исследовательские подходы, которые в отечественной исторической науке сложились на базе историко-этнографического и историко-культурного изучения русского города. А.И. Куприянов осветил вклад военных в праздничную культуру городов Западной Сибири.

В целом, можно констатировать, что в исторической науке в постсоветский период значительно усилился инте-

¹ Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... к.и.н. Иркутск, 2002; Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002; Бутакова Н.В. К вопросу изучения общественного быта горожан Алтая (вторая половина XIX в.) // Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 101–108; и др.

² Резун Д.Я. Новации и традиции в городской культуре Сибири XVIII – начале XX вв. // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации. Новосибирск, 2001. С. 3–14; Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001; Он же. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начала XX вв.). Омск, 2002; Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков: Очерки истории и быта. Омск, 2003; и др.

рес к различным сословным группам как к объекту исторического изучения¹. В последние годы появились и работы, специально посвященные отдельным категориям населения, например, статьи и диссертации Л.В. Останиной, В.П. Ключевой, И.М. Богдашева². Активизируется изучение населения и сословного быта в других регионах.

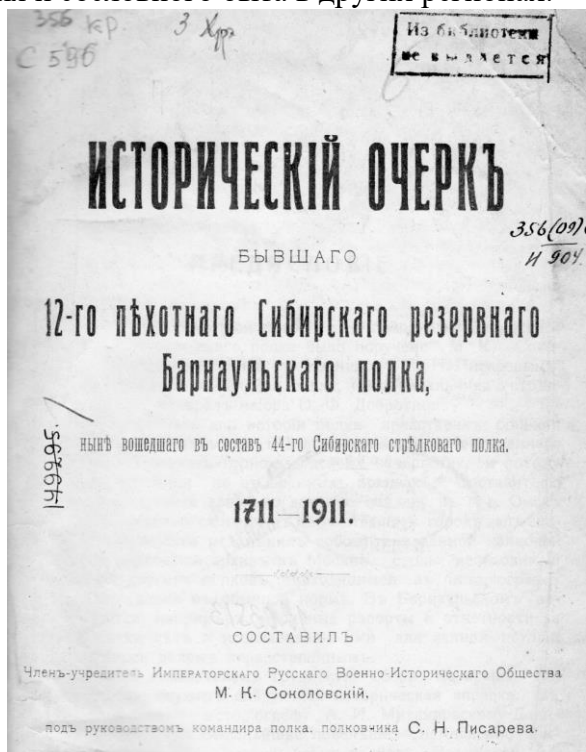

Рис. 2. Исторический очерк 12-го Барнаульского полка

¹ См. Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 23.

² Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII–60-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1996; Ключева В.П. Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дис. ... к.и.н. Тюмень, 2000.

Для современной историографической ситуации характерно повышение интереса к истории русской армии. Это связано с изменением политической и идеологической ситуации в стране, с необходимостью переосмысления роли государства и его основных институтов в истории, с расширением источниковой базы исследования, публикацией многочисленных документов и материалов, мемуаров военных, большей доступностью архивных источников¹. Как справедливо отмечает В.И. Баяндин: «В начале XXI в. в российском обществе заметно усилился интерес к вопросам и темам, связанным с военной историей... здесь совпало несколько моментов: это и процессы, связанные с модернизацией вооруженных сил страны, наличие внешних военных угроз, присутствие России в горячих точках мира, где наше присутствие является сдерживающим, стабилизирующим фактором. Поэтому вполне естественным видится стремление профессиональных исследователей дать ответы на вопросы, которые интересуют наших сограждан»².

Происходит расширение проблемного поля исследований. Все большее внимание историков привлекают социокультурные аспекты жизни армии: быта, традиций, менталитета³. Внимание исследователей привлечено к проблемам места военных в структуре общества, системы взаимоотношений с гражданским населением, с властью⁴.

Одним из важных итогов развития отечественной военно-исторической науки рубежа XIX–XX вв. стала поста-

¹ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 6.

² Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи). Новосибирск, 2021. С. 7.

³ Гончар А.Е. Традиции русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: сущность, традиции, уроки.: автореф. дис. ... к.и.н. М., 1994.

⁴ Арзамаскин Ю.Н., Шеин И.А. Российские самодержцы и армия // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 72–76.

новка проблемы влияния военных на развитие отечественной культуры. В работах историков содержатся выводы о духовной, «культуроносной» функции русской армии¹. Например, в 1995 г. в Новосибирске состоялась Всероссийская научная конференция «Армия и книга», на которой рассматривалась деятельность военных в сфере просвещения и книгоиздательства². Роли военных в образовании и просвещении сельского населения Сибири посвящен ряд работ В.А. Зверева³.

С 1992 г. издается журнал «Армия и культура». Однако подавляющее большинство историков уделяют внимание, прежде всего, офицерскому корпусу, военным – выдающимся деятелям науки, литературы, просвещения.

Начиная с 1997 г. в Омске периодически проводится Всероссийская научная конференция «Катанаевские чтения», на которой традиционно большое внимание уделяется жизни военных⁴.

Отдельно хочется отметить ряд работ последних лет, посвященных истории Сибирского военного округа. Так, например, в работах В.А. Копылова, В.П. Милюхина,

¹ Золотарев О.В. Армия и культура. М., 1991; Лютов С.Н. Книга в русской армии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2001; Лукьянова Л.С. Военные библиотеки Тобольской губернии // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 152–154; и др.

² Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995.

³ Зверев В.А. «Бравы ребяташки». Землякам в святцы // Советский воин. 1993. № 2. С. 63–65; Зверев В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 109–112.

⁴ Алисов Д.А., Томилов Н.А. Проблемы истории, культуры и условий жизни военных на «Катанаевских чтениях – 98» // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 164–165.

Ю.А. Фабрики, В.И. Баяндина реконструированы основные вехи военной истории Западной Сибири: военное управление, выдающиеся военные деятели, роль военных в социокультурной жизни региона¹. Так, например, в вышедшей в 2021 г. монографии известного военного историка из Новосибирска Владимира Ильича Баяндина очень подробно рассматривается система комплектации армии нижними чинами².

В целом, в современной сибирской историографии существуют лишь немногочисленные публикации, посвященные повседневной жизни нижних воинских чинов региона. В частности, в наших работах, посвященных повседневной жизни, быту, сословиям Сибири неоднократно упоминались сюжеты, посвященные нижним воинским чинам³. Од-

¹ Копылов В.А., Миллюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995.; Фабрика Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001; Баяндин В.И. Военное управление Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 39–43; и др.

² Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи). Новосибирск, 2021.

³ Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. С. 77–86; Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004; Гончаров Ю.М., Скобликов В.А. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 50–52; Скобликов С.В. Воинские праздники и церемониалы в жизни нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1. С. 21–23; и др.

ним из авторов в 2017 г. была защищена кандидатская диссертация по данной проблеме, ставшая основой для представленной монографии¹.

В русле изучения образа жизни и быта сибиряков отдельные сюжеты, касающиеся нижних воинских чинов, упоминались в работах бийских историков Е.А. Дегальцевой и А.В. Литягиной².

В последние годы появляется ряд научных публикаций, посвященных особенностям воинской службы в Западной Сибири, касающихся отдельных сюжетов избранной темы, что подтверждает ее актуальность³.

В.О. Дубинин специально занимался проблемами воспитания нижних воинских чинов в Западной Сибири в пореформенный период. Историк защитил кандидатскую диссертацию по этой проблеме⁴.

¹ Скобликов С.В. Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX – начале XX века (по материалам Западной Сибири): дис. ... к.и.н. Барнаул, 2017. 194 с.

² Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 187 с.; Литягина А.В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 99–110; Литягина А.В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 157–163; Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 331 с.; и др.

³ Дубинин В.О., Печенкина А.А. Особенности военной службы в Западной Сибири в период 1865–1906 г. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 125. С. 712–723.

⁴ Дубинин В.О. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири: 1865–1906 гг.: Дис. ... к.и.н. Омск, 2006. 246 с.

Особо необходимо упомянуть работы омского историка Ольги Викторовны Гефнер. Многочисленные публикации автора и ее кандидатская диссертация¹, подготовленная под научным руководством известного сибирского историка Д.А. Алисова, посвящены вкладу военных в культуру региона. В связи со спецификой подходов О.В. Гефнер, в основном она уделяет внимание офицерскому корпусу. Тем не менее, в ряде работ историка были достаточно подробно рассмотрены нижние чины армии. В частности, она изучала такие моменты, как: просвещение нижних чинов², патриотическое воспитание³, участие солдат в воинских праздниках⁴, военные библиотеки Омска⁵, досуг солдат региона⁶ и др. Определенным итогом ее исследовательской работы стала монография «Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в.» (Омск, 2004), в которой содержатся отдельные сюжеты о повседневной жизни солдат региона. В 2018 г. автор

¹ Гефнер О.В. Военные в социокультурном пространстве г. Омска :1870-е - 1903 гг.: Дис. ... к.и.н., Омск, 1999. 287 с.

² Гефнер О.В. Просвещение нижних чинов Омского гарнизона в конце XIX – начале XX вв. // Народная культура Сибири. Омск, 1998. С. 189–193.

³ Гефнер О.В. Патриотическое воспитание нижних чинов в русской армии (конец XIX начало XX в.в.) // Русский вопрос: история и современность. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2005.

⁴ Гефнер О.В. Воинские праздники в Омске (конец XIX – начало XX вв.) // Катанаевские чтения-98. Омск, 1998. С. 178–181.

⁵ Гефнер О.В. Военные библиотеки г. Омска в конце XIX – начале XX в. // Современное общество. Вып. 1. Омск, 1999. С. 196–197.

⁶ Гефнер О.В. Солдатский досуг в гарнизонах Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17 ноября 2011 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. С. 143–148.

также опубликовала статью, непосредственно посвященную интересующей нас проблеме¹.

Несомненной заслугой О.В. Гефнер является разработка новаторской для региона проблематики, привлечение широкого круга источников, продолжение традиций школы омской историографии по социокультурному изучению населения Сибири. Ее работы являются серьезной основой историографической базы для нашей работы. В то же время нельзя не отметить, что исследователь уделяла внимание лишь отдельным моментам, повседневной жизни.

Весьма значительный вклад в историографическое освоение истории военных Сибири и Дальнего Востока внес В.И. Баяндин. Новосибирский историк в своих многочисленных работах исследовал проблемы историографии и источниковедения военной истории, вопросы комплектации армии, доставки рекрутов к месту службы, систему образование военных, питание русского солдата и др.² Одна из монографий автора подробно рассматривает систему комплектования армии³.

¹ Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 138–147.

² Баяндин В.И. Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 24–29; Он же. Обучение нижних чинов специальных частей Российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 31–36; Он же. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX – начале XX в. // Философия образования. 2011. Т. 38. № 5. С. 304–310; Он же. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии дореволюционного периода // Пишем имена и случаи. Новосибирск, 2008. С. 31–33; Он же. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–75; и др.

³ Баяндин В.И. От Крымской войны до первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи). Новосибирск, 2021.

Таким образом, современная историографическая ситуация делает изучение истории такой категории как нижние воинские чины армии второй половины XIX – начала XX вв. актуальной и научно значимой, в том числе и на материалах Сибири. Повседневная жизнь данной категории изучена недостаточно, что диктует необходимость специального исследования.

Объектом исследования являются нижние воинские чины (солдаты и унтер-офицеры) российской армии во второй половине XIX – начале XX в.

Вот как определял понятия нижних чинов «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона»: «Нижние чины – первая, или низшая, степень военных чинов. Группа нижних чинов имеет два главные подразделения: рядовые и унтер-офицеры (в артиллерии фейерверкеры, в казачьих войсках урядники). Ефрейторы относятся в категории рядовых, фельдфебели – к категории унтер-офицеров. Нестроевые нижние чины делятся на разряды: младший и старший»¹.

Предмет исследования – специфика образа жизни нижних воинских чинов и их роль в экономических, демографических и социокультурных процессах, протекавших в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Необходимо сделать оговорку, что такая категория, как казачество, нами не рассматривалась, в силу, во-первых, значительной специфики данной группы, а во-вторых, в силу того, что история казачества Сибири, в различных ее аспектах, изучена достаточно хорошо.

Цель работы состоит в комплексном изучении повседневной жизни такой категории населения, как нижние чины армии как особой социальной группы.

Хронологические рамки исследования: 60-е гг. XIX в. – начало Первой мировой войны. Выделять в качестве рубежа

¹ Кузьмин-Караваев В.Д. Нижние чины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXI. СПб., 1897. С. 49.

начало 1860-х гг. стало традицией в отечественной историографии. В эти годы Сибирь, как и страна в целом, вступает в новый период развития. Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. обусловили значительные изменения во всех сферах жизни общества.

В это время Сибирь становится объектом массовых миграций, постоянно увеличивается приток населения в города, претерпевают изменения экономические, правовые, социокультурные основы жизнедеятельности населения.

Ключевым моментом в жизни армии стало проведение военной реформы, отмена рекрутских наборов и введение всеобщей воинской повинности. Для социальной сферы армии эти реформы означали, прежде всего, демократизацию ее структуры. Введение воинской повинности и другие реформы сделали границы, отделяющие армию от общества, более открытыми, прозрачными. Армия и прежде всего, это касается нижних чинов, стала менее замкнутым институтом, ее связи с обществом стали более разносторонними, более многообразными. Верхняя граница исследования – начало Первой мировой войны, резко изменившей жизнь армии.

Регион исследования охватывает Западную Сибирь. Конкретные территориальные границы региона «Западная Сибирь» в исторической литературе достаточно вариативны. В традиционном понимании историков, занимающихся социально-экономической историей региона второй половины XIX – начала XX в., обычно употребляется такое определение, как: Западная Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, а также Омского уезда Акмолинской области.

Специфика предмета нашего исследования предопределяет дефиницию территориальных границ с учетом военно-территориальной организации. В 1864 г. в русской армии была введена военно-окружная система. В ходе реализации

реформы в 1865 г. был создан Западно-Сибирский военный округ, с центром в Омске. Округ включал в себя территории Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей.

Округ неоднократно менял свое название. В 1882–1899 гг. он именовался Омским военным округом и включал в себя также территорию Семиреченской области. В 1899–1906 гг. во время очередной реорганизации, округ был переименован в Сибирский (Семиреченская область была исключена, зато добавлены некоторые территории упраздненного Иркутского военного округа). В 1906 г. округ вернулся к своим прежним границам и названию. Он вновь стал называться Омским и включал в свой состав территории Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Главное военно-стратегическое значение округа заключалось в его пограничном положении с Западным Китаем¹.

Таким образом, определяя территориальные рамки нашего исследования как «Западная Сибирь» мы ориентируемся, во-первых, на границы военных округов (Западно-Сибирского, Сибирского и Омского, в разные годы), во-вторых, на значительную специфику службы военных, в том числе нижних чинов, на территории современной Республики Казахстан.

В силу вышесказанного, территориальные границы нашей работы определяются как: Западная Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, а также Омского уезда Акмолинской области, при этом данные по нижним чинам других уездов Акмолинской и Семипалатинской области мы также будем использовать.

¹ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. VI. С. 522.

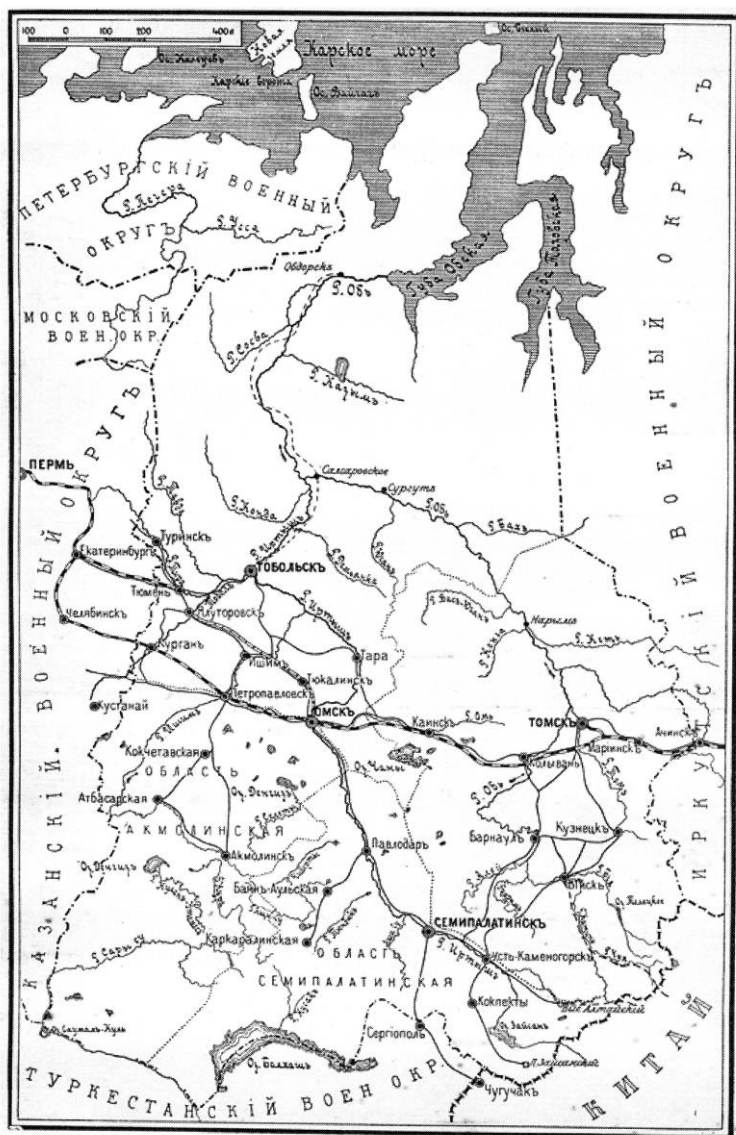

Рис. 3. Омский военный округ, 1906–1917 гг.

Регион исследования представляет значительный интерес, поскольку в указанный период являлся районом интенсивной колонизации и быстрого роста городского населения, особенно после строительства Сибирской железной дороги. В связи с этим демографические и социально-экономические процессы, протекавшие в регионе, имели существенные особенности.

Поставленные задачи потребовали привлечения широкого круга архивных и опубликованных источников, часть которых была введена в научный оборот впервые.

В зависимости от происхождения, формы отражения исторических реалий, характера информации, можно выделить следующие их виды: законодательные акты, делопроизводственная документация, акты учета населения, статистические материалы, справочные издания, материалы личного происхождения (мемуары¹, дневники, письма путевые заметки и записки путешественников), а также материалы периодической печати².

Группа законодательных и нормативно-правовых источников очень обширна и многообразна. Достаточно подробная характеристика этого вида источников представлена в работах Л.Г. Бескровного³.

¹ Баяндин В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. В мемуарах современников // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 30–33.

² Баяндин В.И. Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российской армии и флота (вторая половина XIX – начала XX в. // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве* материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 58–61.

³ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

Из законодательных источников в работе использовались акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, а также в других сводах законов, прежде всего в Своде законов Российской империи (СПб., 1900. Т. IX: Законы о состояниях; Т. X: Свод законов гражданских). Использовались и различные тематические сборники законов, например: «Свод законов о состояниях» (СПб., 1911). Большой интерес представляет также собрание «Российское законодательство X–XX вв.» (М., 1984–1994).

Особо необходимо отметить «Сборник военных постановлений 1869 г., неоднократно переиздававшийся вплоть до 1915 г. В нем содержатся общие сведения о структуре и функциях окружных и местных военных управлений и заведений, устройстве и составе войск, прохождении службы нижними чинами, наказаниях, призрении военнослужащих и т.д.¹

Кроме того, ежегодно издавались «Приказы по Военному ведомству» и «Приказания по Военному ведомству». «Приказы...» были посвящены вопросам военно-административного характера, а «Приказания...» относились к области хозяйственно-экономической деятельности.

Источниковая ценность законодательных актов заключается в том, что они позволяют судить об изменениях в правовом положении различных категорий военных и о переменах в политике государства.

Чрезвычайно информативна делопроизводственная документация, которая представляет собой один из самых многочисленных и разнообразных типов исторических источников. Она представлена различными отчетами, рапортами, разъяснениями, запросами, протоколами, журналами,

¹ Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. Ч. 1–6. СПб., 1879–1912; Свод военных постановлений 1869 г. 3-е изд. Кн. 1–24. СПб., 1900–1915.

перепиской и т.д. Это документы местных органов управления, полиции, местного самоуправления (городских дум и управ), деятельность которых охватывала различные стороны хозяйственной, общественной, культурно-бытовой и повседневной жизни.

Делопроизводственная документация военных учреждений включает в себя своды приказов по военному ведомству, приказы по военному округу, воинским частям и заведениям, отчеты о составе и деятельности воинских частей, официальную переписку, личные дела и послужные списки военнослужащих и другие документы.

Часть источников делопроизводственного характера была опубликована еще в дореволюционный период¹. В данных источниках отражена информация о внутренней жизни военных учреждений Западной Сибири. В них содержится информация о личном составе, быте, традициях, нравственном облике и воспитании нижних чинов.

Важной группой документов являются статистические источники. Состав их довольно разнообразен. Данные о динамике численности и составе городского населения содержатся в широком круге изданий. Ценными источниками являются опубликованные материалы Центрального статистического комитета, например, серия «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (СПб., 1897–1905). К числу статистических материалов относятся и опубликованные материалы однодневных городских переписей². С середины 1860-х гг., под влиянием насущных по-

¹ Приказы по войскам Омского военного округа № 1-200 за 1887 г. Омск, 1887; ... № 1–248 за 1896 г. Омск, 1896; Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1873 г. СПб., 1873; и др.

² Цепляев Л.Н., Шипилов Б.П. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 45–51.

требностей экономического развития, в России начали проводиться «однодневные» переписи населения в городах. До Первой мировой войны в стране их было проведено не менее 200¹. В Западной Сибири однодневные переписи проводились в Омске в 1877 г., Тобольске в 1882 г., Томске в 1866, 1880 и 1912 гг., в Барнауле в 1895 гг., в Мариинске в 1876 г. К сожалению, сохранились только обработанные и опубликованные материалы этих переписей².

К статистическим материалам относятся также различные ведомости некоторых государственных учреждений: например, о числе жителей по сословиям, а также различные статистические отчеты. Эти источники отложились в фондах губернских статистических комитетов, городских дум и управ, полицейских управлений.

Статистические материалы периода капитализма имеют значительное число недостатков, которые проявляются как в достоверности, так и в полноте, представительности и сопоставимости источниковой информации. Для того, чтобы правильно обрабатывать и использовать статистические материалы, необходимо тщательно производить отбор и проверку данных, сопоставлять их с информацией других источников.

Сохранился широкий круг справочно-статистических изданий, например, «Памятные книжки» и «Обзоры» губерний, составлявшиеся губернскими статистическими комитетами. Они содержат информацию о численности, сословном

¹ Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 10.

² Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 351–408; Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. Томск, 1880.; Швецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т. 2. Вып. 1–2. Барнаул, 1898; Мультановский П.М. Население г. Томска по данным переписи 2 декабря 1912 г. Томск, 1915.

и конфессиональном составе горожан и некоторые другие сведения. Среди изданий губернских статкомитетов по своим информационным возможностям выделяются работы Н. Кострова, руководившего статкомитетом Томской губ., в особенности «Историко-статистическое описание городов Томской губернии» (Томск, 1872). Среди прочих изданий ценный статистический материал содержится в книге «Экономическое состояние городских поселений Сибири» (СПб., 1882) и некоторых других.

Существенную роль в исследовании играла периодическая печать. Информационные возможности периодической печати как источника очевидны. Существовал достаточно широкий круг дореволюционных периодических изданий, содержащих информацию по военной проблематике. Издавались журналы и газеты, предназначенные специально для военных, в том числе и для нижних чинов.

Одним из наиболее популярных тематических журналов являлся «Военный сборник», издававшийся по инициативе известного военного деятеля (историка, теоретика, военного министра) Д.А. Милютина с 1858 г. вплоть до 1917 г. Журнал выходил ежемесячно и состоял из 4 отделов: 1) официальный (извлечения из Высочайших приказов, приказы военного министра и прочие официальные документы; 2) военные науки (тактика, военная администрация, фортификация и артиллерия); 3) литературный (рассказы из военного быта, мемуары, путешествия, биографии); 4) смесь (открытия и опыты разного рода, библиографические известия и прочее). «Военный сборник» был подчинён общей цензуре; предписывалась обязательная подписка для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов. На страницах журнала нередко были и материалы, относящиеся к азиатским частям империи, в том числе и Западной Сибири.

На страницах общегражданских периодических изданий также достаточно часто появлялись различные материалы, связанные с жизнью российской армии, деятельностью вооруженных сил страны, их ролью в общественной и политической жизни общества. Так, в Сибири издавалось довольно большое количество газет, содержащих информацию о разных сторонах жизни горожан. Среди частных изданий можно отметить газеты «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая» и др. В периодической печати содержится богатый материал по истории региона. Для нас наибольший интерес представляют материалы статистического характера, сведения о быте военных, участии их в общественной жизни городов и т.п.

Достаточно важным источником работы послужила мемуарная литература. К сожалению, сами нижние чины, в силу низкого уровня образования и даже элементарной неграмотности не оставили таких источников. Одно из немногих произведений – воспоминания известного журналиста и публициста В.А. Гиляровского «Мои скитания», на страницах которого отразились и его впечатления о службе вольноопределяющимся в 1870-е гг.¹ Тем не менее, сведения о повседневной жизни солдат, как Сибири, так и Российской империи в целом, содержатся в воспоминаниях офицеров, служивших в регионе², а также других современников³. Особенно можно выделить информативность мемуаров офицера Генерального штаба Е.А. Никольского «Записки о

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., 1928.

² Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912; Белов, И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852.

³ О. Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.

прошлом»¹ и генерала А.И. Деникина «Старая армия»², в которых содержится интересный материал жизни казармы.

Рассмотренные источники по истории нижних воинских чинов Сибири второй половины XIX – начала XX в. содержат информацию о различных сторонах жизни солдат. Информация различных групп документов дает ценный материал для комплексного изучения образа жизни данной категории. Характер рассмотренных исторических источников разнообразен. Многообразие видов, характера, обстоятельств происхождения, информационного потенциала использованных источников позволяет считать источниковую базу исследования достаточно широкой.

Кроме того, необходимо отметить, что существует обширный круг литературы по истории Сибири второй половины XIX – начала XX в.³ В этой литературе содержится значительный фактический материал, который также может быть использован для решения наших исследовательских задач.

В целом можно отметить, что изучение научной литературы и источников по истории нижних воинских чинов Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. позволяет сделать вывод о возможности рассмотреть образ жизни солдат в различных аспектах.

Вопросы методологии и методики исторического исследования в наши дни являются весьма важной и сложной проблемой. Утрата марксизмом монопольного положения в общественных науках ставит эти вопросы по-новому. Однако полный отказ от теоретических наработок отечественной историографии советского периода, на наш взгляд не

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007.

² Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.

³ См.: Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири... С. 6–24.

является конструктивным. Не стоит отрицать и ряд марксистских положений, имеющих не идеологический, а общенаучный характер. Задача современного исследователя состоит, как справедливо заметил А.Р. Ивонин, в том, «чтобы на основе синтеза достижений различных школ и направлений выработать собственное методологическое видение проблем и путей их решения»¹.

В частности, весьма плодотворным подходом для нашего исследования, на наш взгляд, является «новая научная история» – подход, сформировавшийся в 1970–1980-х гг., и одно из его направлений «новая история», которая являлась проявлением формировавшегося в то время междисциплинарного подхода на основе взаимодействия истории, социологии, демографии и экономики. Представители этого направления сосредоточили свои усилия на анализе социальных групп населения и связей внутри общества.

При этом в исторических исследованиях сформировалось два подхода к изучению социальных общностей. Первый заключается в рассмотрении проблемы со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность, и имел предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе «социального жизненного пространства».

Второй отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования самой социальной среды, микромира семьи, общины, корпорации, всего многообразия городских сообществ и малых групп и выявляет их соотношение между собой. В целом, бурный рост, как новой истории, так и всей «новой исторической науки» происходил

¹ Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений. Автореф. дис. ... д.и.н. Барнаул, 2000. С. 5.

на достаточно эклектической методологической основе, что проявлялось и в конкретных исследованиях и в многочисленных методологических дискуссиях¹.

В отечественной исторической науке в последние годы становится популярным модернизационный подход. Вышли в свет крупные работы, рассматривающие историю России последних трех столетий в свете теории модернизации. Под модернизацией в исторической литературе понимается переход от традиционного общества к современному. Существенными признаками модернизма историки называют: возникновение современной личности, утверждение светской системы ценностей, формирование малой демократической семьи, индустриальный и урбанистический образ жизни, гражданское общество, рыночная экономика, складывание нации и т.д.² Активно используют модернизационный подход и сибирские историки.

Однако абсолютизировать модернизационные процессы, особенно если речь идет об отдаленной провинции, которой являлась Сибирь, не следует. Так, например, Б.Н. Миронов в своей «Социальной истории России периода империи» (СПб., 1999), показал не только модернизационные процессы, протекавшие в России, но и незавершенность социальной модернизации в начале XX в., что проявлялось в различных сферах жизни общества, в том числе в сохранении сословного строя и сословной парадигмы в общественном сознании, традиционности менталитета и т.д.

¹ См. подробнее: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 18–20.

² См.: Крупина Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX вв. // История СССР. 1971. № 1. С. 191–205; Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сборник образов. М., 1985; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–206.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ НИЖНИХ ЧИНОВ

1.1. Социально-правовое положение и комплектование нижними чинами русской армии

Различные категории военных имели свой специфический правовой статус и нередко составляли значительную часть населения городов. Вторая половина XIX – начало XX в. – это время быстрого развития капитализма и, как следствие, разложения сословий и формирования классов буржуазного общества. Тем не менее, существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось тем сословием, к которому он принадлежал. Несмотря на то, что сословный строй в значительной степени был разрушен преобразованиями 1860–1870-х гг., самодержавие наперекор объективному ходу событий до конца поддерживало сословную парадигму в российском обществе с помощью законодательных мер.

Законодательство Российской империи (IX том Свода законов, «Законы о состояниях») определяло четыре главных сословия – дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне)¹. Однако сословных категорий было значительно больше. Особой группой населения были «военные» или, другими словами, солдатское со-

¹ Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 84.

словие. Оно состояло из нижних чинов армии, как состоящих на службе, так и бессрочноотпускных и отставных солдат с их семьями, а также кантонистов.

Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в. При введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий. Нормы рекрутского набора изменялись по годам, но в среднем ежегодно набирали по одному человеку с 200 ревизских душ. Поскольку действительная служба была сначала пожизненной, с 1793 г. ограничивалась 25 годами, с 1834 г. – 20 годами, с 1855 г. – 12 годами, то люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним сословием, переходили в состав воинского сословия и свой новый статус передавали жене и детям. Военная служба для этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат¹.

Дети солдат с 7-летнего возраста забирались из семей и отдавались в специальные военные школы, попадая в категорию кантонистов. Фактически, достигнув 7-летнего возраста, солдатские дети становились собственностью военного ведомства, которое и заботилось об их воспитании и образовании. Достигнув совершеннолетия, солдатские дети

¹ Скобликов С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 215.

поступали на военную службу. Преимущественно из кантонистов заполнялись унтер-офицерские должности в армии.

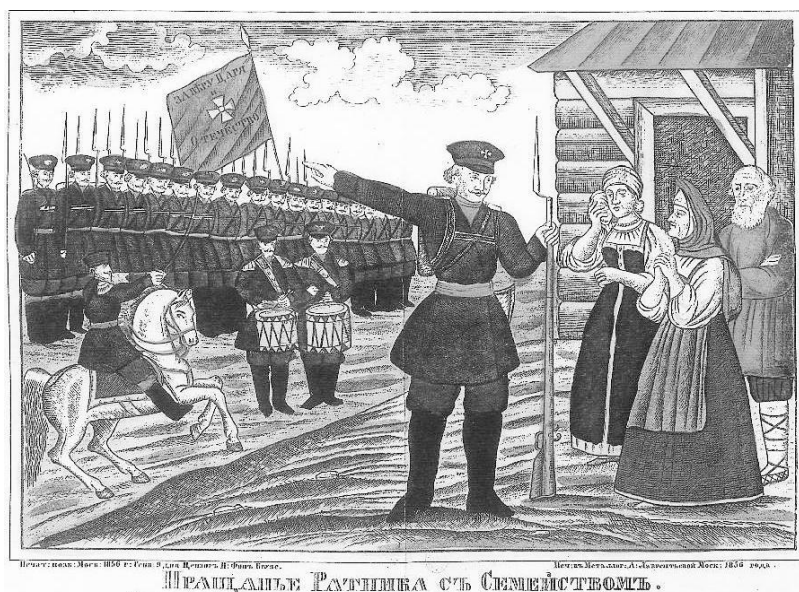

Рис. 4. Лубок «Прощание ратника с семейством», 1856 г.

В силу действовавшего законодательства, существовал целый ряд категорий населения, относящихся к военному сословию, которые выделялись отдельно в дореволюционной статистике: нижние воинские чины регулярных войск, члены их семей, бессрочноотпускные солдаты с членами семей, отставные солдаты с членами семей, солдатские дети и кантонисты, обучавшиеся в специальных учебных заведениях.

Численность армии колебалась в отдельные годы, находясь в зависимости от международной обстановки, масштабов военных действий, соответственно изменялась и численность военного сословия. Однако общая тенденция состояла в уменьшении, как численности армии, так и доли военного сословия в населении. В 1858 г. военное сословие

в европейской части России насчитывало 4 млн. 694 тыс. чел., что составляло 7,9% от всего населения, при этом в составе собственно вооруженных сил всего числилось 927 тыс. В 1870 г. – 4 млн. 685 тыс. – 7,1%¹.

Доля горожан, относившихся к различным категориям военных в городах Западной Сибири, была весьма значительной. Так, в 1860 г. в Tobольской губернии насчитывалось 22588 чел., или 31,7% горожан. Наиболее «милитаризованным» было население Омске – 12380 чел. (в том числе 5945 чел. – регулярная армия), или 63,3%. В Томской губ. в 1864 г. военные составляли 15,6% городского населения (7864 чел.)². В 1880 г. доля военных в городах Западной Сибири составляла 20%³.

До середины XIX в. русская армия комплектовалась по принципу рекрутского набора податного сословия, который ввел Петр I своим указом 1705 г. Последующие изменения его носили лишь незначительный характер. При введении рекрутской повинности все сословия (кроме духовенства) обязаны были отбывать службу или по рекрутскому набору, или как дворяне поголовно, все годные к службе, до самой старости, начиная службу с рядовых. В начале царствования императора Николая I были освобождены от воинской повинности – дворяне, купцы и большое число лиц, принадлежащих к семействам священнослужителей. Причем не только от личной, но и денежной. Кроме освобождений сословных, существовал еще целый ряд привилегий по правам

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999. С. 129.

² Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 79.

³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 7–204.

образования, семейному положению. Иногда освобождались от повинности даже целые области. Военная повинность теперь всей тяжестью ложилась на беднейшие классы населения и в 1848 г. из 24475000 чел. жителей Европейской России, без Царства Польского, Финляндии и Кавказа, около 5 миллионов, или 20% имели право на освобождение от повинности¹.

Еще в 1847 г., Николай I хотел распространить воинскую повинность на всех свободных граждан, но наступившая «Восточная война» (1853–1856) и некоторые другие обстоятельства, оставили этот вопрос нерешенным. Рекрутская повинность податных сословий носила характер не личной, а общинной ответственности и в рекруты призывались лица различных возрастов, так как рекрута выставляла очередная семья, которая могла не иметь новобранца требуемого возраста (колебался он в основном от 20 до 35 лет).

Такой порядок был неудобен для войск, потому что поступающие на службу уже в зрелом возрасте с большим трудом усваивали требования службы. В связи с этим, в 1854 г. порядок рекрутской повинности был несколько изменен для мещан и государственных крестьян. Сущность его заключалась в следующем: все призывные участки разделялись на три разряда, по числу работников в семьях, затем в участке составлялся призывной список молодых людей, достигших 21 года, который также подразделялся на три разряда – в зависимости от того, в каком разряде состояли сами семейства, к которым принадлежали эти молодые люди. На службу они назначались по жребию, начиная с тех, кто был записан в первый разряд.

Как отмечает В.И. Баяндин, процесс приема в рекруты был тщательно разработан и прописан в законе². Раздетого

¹ Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 423.

² Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой мировой... С. 83.

догола человека осматривали члены рекрутского присутствия, проверяя правильность указанных в документах возраста, роста и удостоверяясь в отсутствии болезней и недостатков. Удовлетворяющему всем этим требованиям рекруту председатель рекрутского присутствия говорил: «Лоб!». Это слово затем повторял унтер-офицер, который выводил новобранца из присутствия и передавал его нижним чинам, которые вели принятого в особую комнату, где другие чиновники записывали имя и приметы. Принятым на действительную службу брили лбы, а непринятым – затылки¹.

Кроме рекрутов, которым подошел возраст и очередь идти на военную службу, сельское или городское общество выставляло так называемых «подставных». «Подставные» – это молодые люди, которые при необходимости могли заменить назначенных рекрутов, если в рекрутских присутствиях комиссия отклоняла очередных из-за физических или иных причин. «Подставные» назначались из очередных семейств в той же очереди, что и рекруты. В том случае, если из подставных никто не был взят на военную службу, то в очередной рекрутский набор их заменяли другие подставные, т.е. молодые люди, которым в этот год пришла их рекрутская очередь².

Если в первой половине XIX в. законодательство требовало выставлять подставных в том же количестве, что и рекрутов, то впоследствии разрешалось представлять в рекрутские присутствия подставных вполупину меньше, чем рекрутов. Как отмечает В.И. Баяндин, для Сибири это имело особое значение, т.к. установленная половинная доставка к местам приема на военную службу подставных означала

¹ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. Назрань, 1996. С. 132.

² Военно-статистический сборник. Вып. 4. СПб., 1871. С. 7.

значительное сокращение расходов на транспортировку и питание¹.

Правила рекрутской повинности широко допускали также и замену одних лиц другими и поставку за себя охотников, по частному соглашению. Охотники, или как их прозвал народ «наемщики», в нравственном отношении, представляли ненадежный контингент для войск. В то время существовал даже особый промысел – поставка «охотников». К началу набора, почти в каждый город являлись поставщики, которые за ничтожное вознаграждение, заручившись согласием нескольких «охотников» поступить на службу, большей частью, из числа людей, которым нечего терять, предлагали заменять ими не желающих быть призванными в солдаты. За это они получали значительные деньги (150–200 руб.). Нередко, принятый «охотник», попав в часть, бежал и в следующий призыв, являлся «охотником», чтобы проделать то же самое.

Рекрутские наборы объявлялись приказом по войскам Западного Сибирского военного округа, предшествовал ему Высочайший Манифест о производстве рекрутского набора. Прием рекрутов по Западной Сибири производился во всех постоянных рекрутских присутствиях, а именно: по губерниям Тобольской – в Тобольске, Таре, Туринске, Кургане, Ишиме, Ялуторовске и Тюмени. Томской: в Томске, Каинске, Бийске, Кузнецке, Барнауле, Мариинске и Колывани. Акмолинской области: Омске и Петропавловске. Семипалатинской области: в Семипалатинске и Усть-Каменогорске. Определялись места и количество рекрутов, а также места их дальнейшей службы.

¹ Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой мировой... С. 81.

Рис. 5. Униформа рядовых пехотных полков, 1855 г.

Например, в 1878 г. рекрутировано 1485 чел. в Томской губернии велено было направить в Иркутск и Красноярск. 500 чел. из Тобольской губернии в Томский губернский батальон и т.д. в местах рекрутирования не служили. В рекрутские присутствия назначались военными приемщиками лица, которые указывались в прилагаемой к приказу ведомости. К военным приемщикам для переписки бумаг командировались грамотные нижние чины от частей войск, расположенных в местах рекрутских присутствий. Наблюдающими за производством набора назначались из числа чиновников окружного штаба¹.

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–16.

С целью улучшить качество призывников из числа «охотников», Николай I ввел в практику наем по частным договорам. Всякий желающий служить добровольно, принимался на службу и получал за это установленное вознаграждение от правительства, затем, по числу, добровольно поступивших к определенному сроку на службу, выдавались так называемые зачетные квитанции. Стоимость такой квитанции устанавливалась ежегодно центральными военными инстанциями и представляла весьма значительную сумму: от 400 до 800 руб. Купить квитанцию мог позволить себе только достаточно состоятельный человек. Приобретавший выкупную квитанцию, получал право в любое время заменить лично себя, брата, сына или любого другого члена семьи, состоящего с ним в одном семействе по сказкам последней ревизии¹.

Эти квитанции можно было даже передавать или продавать другим лицам. Но малое число поступающих добровольно на службу только отчасти повело к сокращению числа наемщиков, которых, все-таки, поступало ежегодно в войска армии – около 10–12 тыс. чел.²

Перед очередным рекрутским набором спрос на такие квитанции значительно возрастал, и за них платили существенно больше их официальной стоимости. Например, А.В. Федоров приводит примеры скупки квитанций в Сибири по цене от 600 до 2000 руб. для последующей перепродажи в Европейской России по цене до 3000 руб.³

В 1868 г. была предпринята еще одна попытка ограничить вольный наем, правительство снова установило прием

¹ Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1872 и 1873 годы. СПб., 1874. С. 22.

² Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. С. 424.

³ Федоров А.В. Русская армия в 50–70-е гг. XIX в. Л., 1959. С. 261.

на службу заместителей. Заместителями могли быть частные лица и нижние чины, которые за свое добровольное поступление на службу или отказ на год от увольнения в бессрочный отпуск, получали единовременное денежное вознаграждение в 200 руб. На все число заместителей составлялись выкупные квитанции, которые, как и зачетные, продавались правительством, но по ним освобождались от службы только в один набор. Мера эта, также не имела большого успеха, вследствие незначительного числа, желавших служить заместителями.

С целью равномерного распределения воинской повинности на все податное население государства, был установлен ряд правил, касающихся порядка производства наборов. Он разделил государство на две половины, сначала – северную и южную, а с 1838 г. – западную и восточную, каждая должна была поставлять рекрут через год. Для пополнения армии, ежегодно требовалось около 80000 чел. (только в последний набор 1874 г. население выставило 150000 чел.) по числу жителей этих полос, ежегодно приходилось выставить в каждой из них около 2,5 рекрут с тысячи, что не должно было излишне обременять население. Набор с одной полосы назывался частным, с обеих – общим¹. Во время очередной русско-турецкой войны России пришлось выставить небывало большое число войск, и потому в три года войны, произведено было 8 наборов. По окончании войны населению предоставлен был отдых: до 1863 г. рекрутских наборов вовсе не производилось. Затем, в последующие годы, наборы стали производиться ежегодно со всей империи в числе пяти или шести человек с тысячи.

О порядке и времени отправления и о числе партий главный воинский начальник должен был сообщать своевременно с приложением маршрутов: «Окружному интен-

¹ Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой мировой... С. 77.

данту, надлежащим губернаторам, а об отправленных в Восточную Сибирь Начальнику Штаба Восточного Сибирского Округа и Енисейскому Губернскому Воинскому начальнику. По окончании же набора ГВН были обязаны и Штабы войск Акмолинской и Семипалатинской областей, а также и все военные приемщики немедленно доставить в Окружной штаб ведомости по прилагаемой при сем форме № 1 о числе рекрут, принятых в предстоящий набор. Наблюдающим же за набором по окончании оного доставить в окружной штаб копии с отчета, который будет представлять ими Военному Министру. Отправляющих партии и партионных начальников обязан доставлять к Начальнику Штаба вверенного командующего Округа все донесения какие установлены Временным руководством и дополнением к оному и препровождении рекрутских партий. Выписки всем донесениям прилагалась к приказу. Начальникам войск, в которые рекруты поступали необходимо было доставлять в Окружной Штаб об отправлении рекрут в войска и распределении на службу, числовые ведомости»¹.

Весьма продолжительные 25-летние сроки службы нижних чинов еще в 1834 г. сокращены были с 25 лет действительной службы (в гвардии 22 года) некоторым до 20 лет (музыканты и солдаты из евреев и солдатских детей), а большей части до 15 лет (все строевые и некоторые нестроевые) действительной службы. Все же остальное время, до истечения 25 лет службы, нижние чины числились в бессрочном отпуске. Уволенные в бессрочный отпуск за 15 лет службы, ежегодно собирались к 1-му сентября, на месяц, для «учебных упражнений», а прослужившие 20 лет, от этих учебных сборов совершенно освобождались. Подобная система прохождения службы, впервые создала в русской армии запас.

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

С 1859 г. для увеличения запаса, введены были временные отпуска, в которые нижние чины увольнялись ранее выслуги установленных сроков в бессрочный отпуск. Для увольнения во временный отпуск, не требовалось выслуги определенного числа лет, – это производилось ежегодно, в зависимости от соображений военного министерства. Новое постановление сократило срок действительной службы до 10 лет.

В этом же году последовало снова изменение сроков службы – общий срок службы определен в 20 лет, из них на действительной службе 15 лет для всех принятых на службу до 8-го сентября 1859 г., а для поступивших после этого – полный срок в 15 лет, из которых на действительной службе 12 лет. А уже в 1868 году состоялось распоряжение об увольнении в бессрочный отпуск поступивших до 8-го сентября 1859 года за выслугу 13 лет, а после этого числа 10 лет. В то же самое время, во временные отпуска стали увольняться люди, прослужившие всего 8 лет¹.

Чрезвычайные обстоятельства войны 1853–1856 гг. заставили военное ведомство, призвать государственное ополчение. Манифестом от 29-го января 1855 г. было определено выставить ополчение великороссийским, малороссийским и белорусским губерниям (всего 31) по 43 чел. с тысячи. Сбор ратников производился на основании особого Положения, согласно которому призыву в ополчение подлежали только податные сословия, а купечество, колонисты и евреи, от поставки ратников хотя и освобождались, но участвовали в денежных сборах на его формирование. В ратники принимались лица от 20 до 45-летнего возраста. Всего было призвано 361487 ратников².

¹ Военное дело в России... С. 426.

² Там же.

В царствование Николая I получили развитие военные поселения, образованные при Александре I. Однако, несмотря на ряд преобразований, поселения не освободили государство, как то предполагалось при образовании их, от расходов по содержанию расположенных в них войск, и в 1857 г., по повелению Александра II, поселения были уничтожены¹. Тяжелые условия частной жизни поселян, жестокое обращение с ними и их семьями, непосильные работы и постоянные строевые занятия, лишали их возможности заниматься собственным хозяйством, совершенно разоряли.

До отмены рекрутской повинности в 1874 г., принятых в уездных городах рекрут полагалось «довольствоваться пищей от обывателей, с уплатою кормовых денег населению». В приказах по округу утверждалось: «При несогласии обывателей довольствоваться на кормовые деньги или когда Губернские Военные Начальники найдут более удобным довольствоваться их из общего котла, то довольствие устраивать при местных командах. Рекрут, принятых в губернских городах, а также прибывающих в эти города из Округов довольствоваться пищей непременно из общего котла при сборных командах под ведением хозяйственных комитетов по установленной раскладке.

Рекрут, подлежащих отправлению в войска в собственной одежде принимать, по возможности, в исправной теплой одежде, соответствующей зимнему времени и в исправной обуви. Тем же рекрутам, которые не будут иметь собственной одежды, достаточной для предстоящего похода, выдавать обмундирование, при соблюдении правил, указанных в приказах по Военному ведомству 1867 г. № 353 и 407. Кроме того, отправляемым рекрутам на основании приказа

¹ Военные поселения // Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 608–611.

1870 г. № 170 выдавать суконные портянки и шерстяные носки»¹.

Рис. 6. Экипировка солдата армейского пехотного полка, 1880-е гг.

Комплектование армии унтер-офицерами, при продолжительных сроках службы, и при тех немногочисленных и несложных требованиях, которые существовали, не встречали никаких затруднений в армии, особенно до Восточной войны. Комплектование войск офицерами производилось в основном выпусками из кадетских корпусов и артиллерийского и инженерного специальных училищ, а также производством поступивших, на службу добровольно дворян.

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 14–15.

Производились в офицеры и нижние чины из лиц податных сословий, поступивших на службу по наборам. Они могли быть произведены, по выслуге установленного числа лет в унтер-офицерском звании, если притом не подвергались телесному наказанию, и выдерживали при дивизионных штабах несложный экзамен.

Введение Устава 1874 г. о всеобщей обязательной воинской повинности составляет наиболее значимое явление в истории развития вооруженных сил России, со времени учреждения регулярных войск императором Петром I¹. Основной провозглашаемой идеей нового закона послужил принцип, защиты престола и Отечества, как священной обязанности каждого русского подданного, а потому воинской повинности подлежало все мужское население без различия состояний.

К этому времени вся тяжесть военной службы лежала на податных сословиях крестьян и мещан, из которых до 1874 г. и комплектовался, исключительно, состав нижних чинов русской армии. Эта часть населения была наиболее бедной и наименее образованной, а при тех строгих требованиях, которые необходимы были каждому рядовому в армии при современном состоянии военного дела, представляла большие затруднения для подготовки из них хороших солдат.

Кроме того, в виду тяжелых условий прежнего военного быта, солдатская служба считалась не священной и почетной обязанностью гражданина, а тяжким наказанием для людей порочных. Помещики, крестьянские и мещанские общества, чтобы отделаться от беспокойных и ненадежных личностей, спешили сдать их в солдаты или, как говорили тогда, – «забрить им лоб». Таким образом, армия являлась

¹ Скобликов С.В. Социально-правовое положение ... С. 215.

собранием наиболее ненадежных, в нравственном отношении, элементов¹.

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности, лица, призывавшиеся в армию всего на несколько лет, на время службы и после нее уже оставались в своем прежнем сословии. По новому закону ежегодно в армию призывались лица 20-летнего возраста всех сословий. Срок службы для них назначался не более 6 лет, после чего они зачислялись на 9 лет в запас, а затем, достигнув 40 лет, числились в ополчении. Срок службы сокращался в зависимости от образования, могла даваться отсрочка призыва по семейному положению².

Как отмечает Б.Н. Миронов, после введения всеобщей воинской повинности отношение к ней изменилось от абсолютно негативного во времена рекрутчины («В некрутку, — что в могилу»), до нейтрально-позитивного, когда служба стала относительно короткой и ее условия улучшились («На службу не набивайся, а от службы не отрекайся!»)³.

Новый порядок означал, что отдельное воинское сословие перестало существовать. Однако вплоть до конца XIX в. продолжали существовать многочисленные категории отставных солдат с членами их семей, что и отмечалось в материалах учета населения. Поскольку эти категория больше не пополнялась, к концу XIX в. она растворяется среди других групп населения. Перепись 1897 г. уже не выделяла военных в отдельное сословие.

¹ Состояние вооруженных сил России со времени введения общей обязательной воинской повинности // Русская военная сила. М., 1897. С. 533.

² Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18–21.

³ Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2015. С. 585.

По новому закону, военные силы государства, должны были состоять из армии, ее запаса и ополчения. Срок службы солдата был определен в 15 лет, из них 6 лет действительной службы «под знаменами в рядах армии», и девять лет в запасе. По выслуге этого срока каждый солдат, до сорокалетнего возраста, числился в государственном ополчении, сюда же, и до того же возраста, зачислялись и все лица, почему-либо не попавшие в ряды армии, но способные носить оружие. Призывной возраст был определен в 21 год¹.

Как было отмечено, при рекрутской системе в 1840–1873 гг. средний возраст новобранцев равнялся 23,2 года, в том числе 22% были старше 24 лет, то с 1874 г., после введения всеобщей воинской повинности, в армию призывались преимущественно ровесники – мужчины, которым к 1 октября призывного года исполнялся 21 год, а также небольшое число ранее получивших отсрочки; средний возраст составлял 21,3 года².

Вот как определял категорию нижних воинских чинов «Новый энциклопедический словарь»: «Нижние чины – первая или низшая степень военных чинов. Группа нижних чинов имеет два главные подразделения: рядовые и унтер-офицеры (в артиллерии фейерверкеры, в казачьих войсках урядники). Ефрейторы относятся к категории рядовых, фельдфебеля — к категории унтер-офицеров. Нестроевые нижние чины делятся на разряды младший и старший. В фельдъегерском корпусе нижние чины именуются фельдъегерями старшими и младшими. Нижние чины унтер-офицерского звания, состоящие на службе, как на общих, так и

¹ Баяндин В.И. Изменение срока службы в русской армии в XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2007. № 2. С. 79.

² Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 472–473.

на сокращенных сроках, могут быть оставляемы по окончании обязательного срока действительной службы — на сверхсрочную службу (сверхсрочные унтер-офицеры, фейерверкеры и урядники). Поименованные чины могут быть — по пробывтии двух лет на сверхсрочной службе и по успешном окончании курса особой войсковой школы производимы в подпрапорщики (подхорунжие). Сверхсрочным нижним чинам предоставлены различные льготы (добавочное жалованье, права вступать в брак, пенсия, единовременные пособия). Подпрапорщики имеют форму одежды, присвоенную унтер-офицерам, шашку с офицерским темляком, погоны фельдъегерского образца и головной убор офицерского образца. При обращении к подпрапорщикам обязательно употреблять выражение «вы»¹.

При общей обязательности воинской повинности установлены были также многочисленные льготы, частью продиктованные военной необходимостью, частью общегосударственными интересами. Освобождались от службы, прежде всего, все лица, неспособные к ней по физическим недостаткам, по болезни, малому росту и др. Не принимались в ряды армии все люди, не имеющие достаточный нравственный облик, а именно, лишенные всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных.

В интересах государственных и общественных, пользовались различного рода льготами, в виде освобождения от службы в мирное время, отсрочек призыва и сокращенных сроков службы, лица, занимающие определенные должности. Например, преподаватели правительственных учебных заведений, лица, нуждающиеся в отсрочке для окончания образования и занятые в различных предприятиях торгового и промышленного дела, а также все лица, получившие

¹ Нижние чины // Новый энциклопедический словарь: в 48 томах. Т. 28. Пг., 1916. Стб. 483–484.

образование в указанных Уставом учебных заведениях. Льготы, дающие право на освобождение от службы в мирное время, предоставлялись также по семейному положению членам тех семей, которые обладали ограниченным числом рабочих рук¹.

Среди специалистов того времени высказывалось мнение, что требование к физической годности новобранцев после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. постепенно понижались вследствие того, что свыше половины лиц ежегодного контингента призывных молодых людей, причем наиболее здоровой ее части, освобождались от службы по семейным льготам. Чтобы получить необходимое число новобранцев, медицинским комиссиям приходилось сильно понижать требования к их физической годности².

Освобождены были также от службы еще населения различных местностей, где введение воинской повинности представило бы большие трудности: среди кочующих племен на севере Архангельской губернии, отдаленных местах Сибири и т.д. В некоторых же местностях, как в Финляндии и на Кавказе, которые первоначально также освобождены были от обязанности выставлять людей для комплектования армии, впоследствии введены особые условия отбывания воинской повинности³.

Но, и при льготах, число лиц, подлежащих призыву и способных встать в строй, ежегодно в значительной мере превосходило потребность пополнения армии. Вопрос о том, кто из них должен поступить на действительную

¹ Баяндин В.И. Узаконенное уклонение от военной службы в русской армии в XIX столетии // Восток–Запад: проблемы взаимодействия. Новосибирск, 2011. С. 99–107.

² Миронов Б.Н. Благосостояние населения... С. 475.

³ Состояние вооруженных сил России со времени введения общей обязательной воинской повинности // Русская военная сила. М., 1897. С. 534.

службу, решался жребием, все не вынувшие жребия зачислялись прямо в ополчение.

Устав о всеобщей обязательной повинности устранил, таким образом, сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Невозможно стало и освобождение от нее за деньги, так как служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, и никто от нее откупиться не имел права. Тем не менее «уклонисты» от службы были на протяжении всего периода¹.

Кроме чисто государственного значения воинской повинности, она, повливая и на состояние самой армии, улучшив ее состав, как в качественном, так и в количественном, отношениях. В ряды войск стали поступать как бедный, малоразвитый, неграмотный крестьянин, так и человек, получивший высшее образование. Таким образом, образовательный уровень армии стал выше общего уровня всего населения государства. Если же взять во внимание меры, принятые в частях войск для обучения нижних чинов чтению и письму, число грамотных среди солдат оказывалось порой значительно выше, чем среди крестьян и мещан.

Однако, как указывалось, в одной из публикаций журнала «Витязь»: «... за последнее десятилетие на военную службу в большинстве случаев попадают молодые люди, совершенно недоразвитые, физически хилые и слабые», что привело к созданию при Главном Штабе особой комиссии, которой поручалось «разработать вопросы о подготовке с юношеского возраста сельского и городского населения к военной службе»².

¹ Баяндин В.И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX – начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2013. № 3. С. 58–63.

² Витязь. 1909. 14 мая. № 119.

Число людей, получивших основательную военную подготовку, которое может выставить государство, в случае войны, также значительно возросло. В предыдущий период, при значительной продолжительности службы, число людей, увольняемых ежегодно в запас или в бессрочный отпуск было не очень значительно. При сокращенных сроках службы по новому Уставу, предоставлявшего еще военному министру право увольнять в запас старший из состоявших на службе возрастных категорий людей и до выслуги срока, число это значительно возросло, составив от 1/6 до 1/5 всего наличного числа нижних чинов.

В целом же, в императорской России вплоть до начала XX в. доармейская подготовка молодых людей к военной службе практически отсутствовала. По традиции считалось, что воинская подготовка начиналась лишь с момента прибытия рекрута/новобранца в воинскую часть. Как отмечает В.И. Баяндин, «В этом компоненте российская армия сильно отставала от ведущих европейских стран: Англии, Германии и Франции... Лишь незадолго до начала Первой мировой войны в России была принята государственная программа, предусматривающая подготовку молодых людей к будущей службе в армии. Однако достигнуть каких-либо успехов в реализации этой программы так и не удалось»¹.

Вместе с тем, в виду продолжительного нахождения в запасе лиц, прошедших ряды армии, увеличилось и число заключавшихся в нем возрастных категорий, всего их было девять. Но так, как и при этом условии в запасе не было достаточного числа людей для укомплектования всей армии по штатам военного времени, то впоследствии призывались ежегодно в ряды войск несколько десятков тысяч новобранцев, сверх комплекта, с тем, чтобы увольнять их по выслуге одного только года в запас на 17 лет.

¹ Баяндин В.И. От Крымской войны до Первой Мировой... С. 9.

В сравнении с положением 1874 г., в последующем – срок службы в армии был изменен, таким образом, что вся продолжительность его определена была в 18 лет, из которых 5 лет необходимо было прослужить в рядах войск и 13 в запасе. Причем военному министру предоставлялось право увольнять в запас людей, прослуживших «под знаменами» только 4 года, что и делалось в пехоте и пешей артиллерии. Эта мера привела к большому накоплению людей, получивших военную подготовку, так как, сокращая срок действительной службы, она увеличила число увольняемых ежегодно в запас, и, с другой стороны, увеличивая время нахождения в запасе, доводила количество числящихся в нем возраст нужных категорий до 13 или 14.

Сокращенные сроки службы, существенно увеличили запас людей, подготовленных к военной службе, однако имели и негативную сторону. Так как в течение 4–5 лет сложно было из простого крестьянина подготовить человека, могущего, как в мирное время, так и в особенности в боевых условиях, более или менее самостоятельно управлять вверенными ему людьми, они затрудняли комплектование армии достаточным количеством хорошо подготовленных унтер-офицеров. Если, при необходимых усилиях, это и удавалось, то, как раз к концу службы, когда унтер-офицер уже собирался уходить в запас и когда он мог бы приносить пользу службе своими знаниями и опытом.

Правительство, хорошо осознававшее это, постоянно принимало меры к тому, чтобы удержать достойных из числа выслуживших полный срок службы унтер-офицеров на сверхсрочной службе. Меры эти заключались в добавочном содержании, единовременных денежных выдачах, пенсиях по выслуге лет и различного рода знаках отличия, в виде нашивок (шевронов) и медалей.

Для подготовки будущих унтер-офицеров, учреждены в пехоте и кавалерии, так называемые, учебные команды¹. В команды эти назначались люди младших сроков службы с тем, чтобы они, по окончании курса, как можно дольше оставались на службе в частях войск.

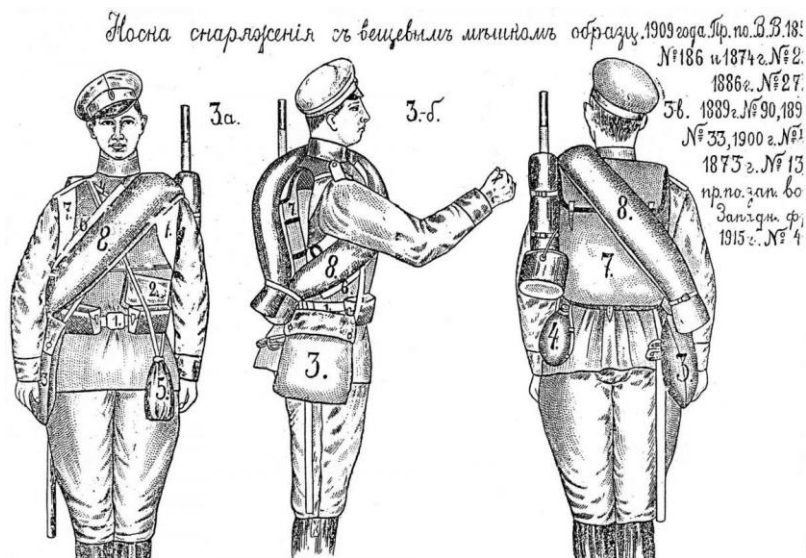

Рис. 7. Инструкция по носке снаряжения с вещевым мешком

Так как в числе поступающих в войска новобранцев встречалось немного людей, достаточно развитых и грамотных для поступления в учебную команду, то, с целью предварительной их подготовки, учреждены были еще, так называемые, ротные школы.

¹ Скобликов С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 135–139.

На подобных же основаниях, как в пехоте и кавалерии, подготавливались фейерверкеры и унтер-офицеры в артиллерии и инженерных войсках. Только, исходя из более сложных требований службы в этих родах войск, программа обучения будущих унтер-офицеров в них была обширнее.

Источники комплектования русской армии офицерами остались, в общем, те же, что и до 1874 г., а именно, главным образом, военные и юнкерские училища. Кроме того, в виду недостатка запаса офицеров, на случай приведения армии на военное положение, разрешено было нижним чинам, как из вольноопределяющихся, так и жеребьевых, обладающим общим образованием не ниже среднего, экзаменоваться на чин прапорщика запаса, по особой, сокращенной программе.

Нужно отметить, что состав нижних чинов, поступавших по всеобщей воинской повинности, введенной в 1874 г., к концу XIX столетия по разным причинам ухудшился. Прежде всего, послужили причиной различные льготы по семейному положению, данные населению. Число пользующихся льготами дошло почти до половины состава всех достигающих призывного возраста. В числе льготных по семейному положению дома оставалось много отлично физически развитых людей и приходилось быть снисходительными при приеме из остальной половины контингента, подлежащего призыву. «Число бракованных по физической негодности к службе в армии составляло к концу XIX в. 17% в то время, как в Австрии и в Пруссии, где население физически развито не хуже нашего, бракуют в Австрии 50% и в Пруссии – 37%»¹.

В этот период наблюдалось понижение достатка в деревне, которая была основным поставщиком солдат в армию, что стало причиной снижения физических качеств

¹ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии // Военное положение России в конце XIX века. СПб, 1910. С. 121.

населения, уменьшения роста, замедления физического развития, большей восприимчивости к болезням. Как писал военный министр А.Н. Куропаткин, – «Усилились процессы перехода крестьян в город, в деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик. Число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом. Очень возросло и заболевание глазами»¹.

При обязательной повинности состав нижних чинов в армии начал, в общем, соответствовать национальному составу всего населения России: «В армии и ее запасе, русских оказалось 75%, из остальных 25%, наиболее видное место занимали поляки – несколько свыше 7% и евреи – 5,5%. Таким образом, только в мирном составе армии находилось свыше 200 тыс. инородческого элемента, да в запасе их было в несколько раз большее число. При долгих сроках службы, армия справлялась с этим элементом и сообщала ему русский характер, прививала русскую речь и русские мысли». При коротких сроках службы исполнение этой задача становилось все труднее, особенно в условиях, появившихся в это время «защитников особых прав окраинного населения», которые добились усиления его обособленности и уменьшения преподавания там русского языка. «С ростом сепаратных стремлений разных народностей задача армии по обращению каждого инородца, прежде всего в русского воина стала непосильною»².

Наименее пригодными для военной службы из всех национальностей в этот период считались евреи. Хотя при мобилизации (особенно в северо-западных областях) число их в некоторых частях войск, расположенных там, доходило по количеству «...до той цифры, что начальники с основанием тревожились, предвидя понижение боевой

¹ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии... С. 122.

² Там же.

годности вверенных им частей, слишком обильно укомплектованных евреями»¹.

В их числе находилось и наибольшее количество уклонистов. «Одной из важных причин уклонения являлось существование таких народностей, которые в силу своего характера, как евреи, или религиозных убеждений, как молокане, — заведомо убегают с военной службы и тем увеличивают процент уклонившихся для всего государства. Наиболее резкий пример этого виден у нас в России, где рядом с незначительным процентом уклонившихся вообще, всего 2,8 всех призывных, уклонение среди собственно евреев доходит почти до 1/3 призываемых; в среднем за восемь лет (1876–1883 г.) уклонившиеся составили 31,7%»².

Евреи представляют столь ненадежный, столь дурной контингент для комплектования армии, столь резко выделяются из всех других национальностей, комплектующих нашу армию, что достаточно знать о присутствии их в той или другой губернии, чтобы быть убежденным, что она одна из худших по проценту уклоняющихся. «Уклонения среди евреев настолько велики, что, уже спустя два года по введении общеобязательной военной повинности, начали принимать против них исключительные меры, и в то же время с 1876 года для них ведется специальный учет уклоняющихся, так что только по отношению к ним и имеются вполне обстоятельные данные). Из них оказывается, что в среднем за восемь лет (1876–1883 гг.) процент уклонившихся евреев доходил до небывало огромной цифры — 31,6, т.е. из трех призываемых евреев являлись к жеребью только два»³.

¹ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии... С. 122.

² Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 136.

³ Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 138.

Другой наиболее существенной, причиной уклонений от военной службы была тяжесть военной повинности на конкретное население определенной территории в зависимости от количества призываемых лиц, в ряды войск, а также от размера и характера имеющихся льгот. Влияние это тем значительнее, чем более нуждалось население в льготах от службы, в зависимости от характера деятельности населения и от степени его экономического обеспечения.

Третьей существенной причиной уклонения служила обстановка, в которой жило население, и возможность уклонения от службы. В этом отношении наиболее существенное значение имело проживание населения в городах или в селах и деревнях. «Поселяне представляли всегда более нравственный элемент; отсюда, уже ввиду этого, случаи уклонения между ними должны быть реже; кроме того, для них, прикрепленных к земле и находящихся под большим контролем, для них уклонения и более затруднительны. Обратно, горожане вообще менее нравственны, более подвижны, и для них уклонения сравнительно гораздо легче. Для нашей армии в среднем за 10 лет (1874–1883 г.) уклонившиеся в России вообще составили 2,85% всех жеребьевых. Из отдельных же географических частей России наибольший процент их был в Привислянском крае – 4,96%, в собственно Европейской России – 2,88 и в Азиатской России – 2,24%. Еще больше разнообразия представляют в этом отношении отдельные губернии»¹.

Наименее часты уклонения в северо-восточных, северных и центральных губерниях Европейской России; наиболее же часты они в северо-западных, западных и юго-западных губерниях и в окраинных – Якутской и Дагестанской.

¹ Там же.

Также о высоком проценте уклоняющихся говорят статистические данные в отношении румын, литовцев и поляков. Другой причиной уклонения являлись области России, где преобладало в местностях городское население, это касалось Дагестана, Кубанской и Якутской областей, и хотя менее, но тоже значительно, в степных областях: Акмолинской, Семипалатинской и в области Терской. «Расположенные или вблизи малодоступных Кавказских гор с их весьма разноплеменным населением, или в огромных, иногда пустынных, степях Средней Азии, или же разбросанные на огромной площади далекого северо-востока Сибири, в них не только контроль, но и отбывание военной повинности гораздо тяжелее, уклонение же гораздо легче...», – высоким также был процент уклоняющихся в столичных городах Санкт-Петербурге и Москве, где горожане составляли большинство населения, – «...За исключением же указанных, все остальные части России отличаются гораздо меньшим процентом уклонившихся: в самой худшей из них, Иркутской, он доходит лишь до 2,5, т.е. ниже среднего для всей России вообще»¹.

В архивах Западной Сибири отложилось большое число документов, содержащих переписку между различными учреждениями по поводу набора².

Характерное мнение о сибирских солдатах оставил в своих воспоминаниях офицер Е.А. Никольский: «Сибирские стрелки комплектовались из южных сибирских губерний, все были как на подбор рослые, здоровые, румяные красавцы – один другого лучше... Сибиряки южной части Сибири отличались, кроме внешнего вида, своим прирожденным умом и смышленостью. Потому несложную военную науку они очень легко и скоро воспринимали, и из них

¹ Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. СПб, 1889. С. 140.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–51.

получались прекрасные солдаты. Японская и Великая войны показали, как были хороши сибирские стрелки первоначального состава»¹.

Еще одну проблему для войск представляла необходимость проведения хозяйственных работ силами нижних чинов. Это затрудняло поддержание дисциплины в частях. Чрезмерные караульные наряды, препятствовали также качественному обучению нижних чинов по программам подготовки солдат. «Но в особенности вредное влияние на войска производило частое, иногда совершенно бесцельное, командирование войск для усмирения разных беспорядков»².

Если к концу XIX в. качественный состав нижних чинов русской армии требовал от военного ведомства принятия соответствующих мер, чтобы остановить его возможное дальнейшее ухудшение, то состав унтер-офицеров к концу XIX в. внушал еще большие опасения со стороны военных чиновников.

Развитие в России заводской и фабричной промышленности увеличило число новобранцев, работавших уже несколько лет на фабриках и заводах. Увеличилось и количество новобранцев из городского населения. По физическому развитию и нравственным качествам они были хуже новобранцев из крестьян. Но, живя в городах, на фабриках и заводах, они представляли больший процент грамотных и оказывались более способными осилить программу обучения, необходимую для производства в унтер-офицеры. Поэтому часто в унтер-офицеры назначались солдаты из их числа. Попытки же военного министерства подготовить достаточное количество сверхсрочнослужащих унтер-офицеров также не были успешны.

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 55.

² Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии // Военное положение России в конце XIX века. СПб, 1910. С. 122.

Рис. 8. Нижние чины – георгиевские кавалеры
12-го пехотного Барнаульского полка, 1904 г.

К концу XIX столетия русская армия имела лишь 8,5 тысяч сверхсрочных унтер-офицеров, в то время, как в германской армии их было 65000, а во французской – 24000 чел.¹

При сокращенных сроках службы без значительного числа сверхсрочнослужащих армии уже трудно было обходиться. Но даже, при улучшении условий материального содержания нижних чинов на сверхсрочной службе – в народе к ней относились как наемной. Перед военным ведомством стояла задача переломить отношение к сверхсрочнослужащему «фельдфебелю и унтер-офицеру не только в материальном, но и в духовном отношениях». Опыт ведения войн

¹ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии // Военное положение России в конце XIX века. СПб, 1910. С. 123.

XIX столетия показал, что огромные расходы военного ведомства, связанные с содержанием войск в мирное время, не гарантируют успешных боевых действий при отсутствии достаточного количества обученного состава нижних чинов, находящихся в запасе, которыми возможно было пополнить армию в короткий срок. Военные чиновники это хорошо осознавали и пытались принимать для этого необходимые меры. «При нормальных условиях наши заботы в армии должны клониться к тому, чтобы нижний чин, уволенный в запас, прибыл в свою родную деревню или город хорошо дисциплинированным, знающим дело, при котором состоял, гордящимся частью, в которой служил, уважающим начальство, которое им командовало» – так писал в отношении улучшения состава запасных А.Н. Куропаткин¹.

Одной из мер было проведение уездных сборов запасных для нескольких учений, в своем уезде, в наиболее свободное от полевых занятий время (в зависимости от местности). Уездным воинским начальникам, которые были заняты в значительной степени канцелярской работой, предписывалось стать ближе к запасным, «...которые должны видеть в них своего начальника, советника и заступника». Осознавалось также, что улучшения состава запасных возможно достигнуть улучшением жизненных условий всего населения.

Таким образом, всеобщая воинская обязательная повинность, введенная в 1874 г., устранила сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, что исключало освобождение от нее за деньги, обеспечила русскую армию значительным запасом для пополнения штата армии нижними чинами в военное время. Короткие сроки службы не лишали возможности на долгий срок отрывать

¹ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии... С. 374.

значительную часть мужского населения от привычного экономического уклада жизни. Вместе с тем, обозначились некоторые проблемы, связанные с военной подготовкой нижних чинов, комплектованием армии качественным унтер-офицерским составом.

1.2. Состав и численность нижних воинских чинов Западной Сибири

Освоение и заселение Западной Сибири, изначально связанное с военными и колонизационными нуждами российского государства привело к формированию на этой территории значительного контингента военных.

В 1864 г. в русской армии была введена военно-окружная система. Военно-окружная реформа входила в состав комплексного плана преобразования российских вооруженных сил, основной идеей которого была децентрализация и упрощение системы военного управления. Западно-Сибирский военный округ был создан на третьем этапе реформы в 1865 г. Центром округа стал г. Омск. Территориально округ совпадал с соответствующим генерал-губернаторством.

Созданный в рамках общероссийской реформы округ с достаточно удачно адаптированной к местным условиям системой военного управления приходилось постоянно реформировать, преобразовывать и по мере возможности, усиливать, следуя за постоянно меняющейся внешнеполитической обстановкой¹.

Округ неоднократно менял названия и территориальные границы. В 1882–1889 гг. он именовался Омским воен-

¹ Авилов Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 3–10.

ным округом и включал в себя также территорию Семиреченской области. В 1899–1906 гг. во время очередной реорганизации, округ был переименован в Сибирский (Семиреченская область была исключена, зато добавлены некоторые территории упраздненного Иркутского военного округа). В 1906 г. округ вернулся к своим прежним границам и названию. Он вновь стал называться Омским и включал в свой состав территории Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей.

Как отмечал А.В. Ремнев, результатом географического положения региона явилось то, что особенностью административно-территориального устройства Сибири была высокая степень милитаризации управления, значительная его зависимость от военно-политических задач, когда на первый план выходили интересы комплектования и содержания вооруженных границ, а также планы имперской экспансии¹.

Разнообразные военные учреждения округа сосредотачивались в городах региона. О.В. Гефнер отмечала, что «военная инфраструктура региона представляла собой целостную систему»². «Военная энциклопедия», изданная в 1911–1914 гг., классифицировала все военные учреждения на следующие виды: военные управления, военные части, военные заведения (учебные, врачебные, тюремные, хозяйственные)³.

В Западной Сибири была организована сеть учебных военных заведений, многие из которых находились в Омске⁴.

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 6.

² Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 26.

³ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. III. С. 110.

⁴ ИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–11; Д. 246. Л. 1–8; Д. 296. Л. 1–109; и др.

Для нашей темы, прежде всего, представляют интерес военные части. Основная масса нижних чинов несла службу в местных и конвойных командах, линейных батальонах, резервных батальонах (полках). Войска дислоцировались в основном в городах. В Западной Сибири это были местные и конвойные команды¹. Местные команды были созданы в Тобольской и Томской губернии в 1864 г. из бывших инвалидных команд, а в Акмолинской и Семипалатинской областях только в 1880 г., одновременно с реорганизацией местных частей. Задачами местных команд были: охрана порядка в городах, караульная служба, конвойная служба по сопровождению казенных транспортов, этапирование ссыльных. О состоянии местных команд полагалось составлять ежемесячные отчеты по губерниям².

Местные команды размещались в уездных и окружных городах. Например, в 1880 г. в Западной Сибири насчитывалось 26 местных команд: в Тобольской губернии – 8 (Голотуповская, Ишимская, Курганская, Тарская, Туринская, Тюкалинская, Тюменская, Ялуторовская); Томской – 8 (Барнаульская, Бийская, Вознесенская, Каинская, Каргатская, Колыванская, Кузнецкая, Мариинская); в Акмолинской области насчитывалось 4 местных команды, в Семипалатинской – 6. По штатам в команде полагалось от 1 до 3 офицеров и от 33 до 431 нижнего чина. Количество местных команд постоянно менялось: в 1895 г. в округе числилась 31 команда, в 1906 г. – 24, в 1914 г. – 25³.

Конвойные команды занимались сопровождением арестантов всех категорий на поездах, пароходах и этапных трактах, конвоировании арестантов при следовании от мест

¹ Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. СПб., 1907. Ч. 2. Кн. 5. С. 26.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–70.

³ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 31.

заклучения к станциям и пристаням, препровождении арестантов в суды, охране мест заключения гражданского ведомства¹. В 1880 г. в Западной Сибири насчитывалось 9 конвойных команд: 1 в Тобольской губернии – Тюменская пароходно-конвойная, и 8 – в Томской: Ишимская, Итатская, Краснореченская, Подъельничная, Почитанская, Сусловская, Томская, Халдеевская. По штатам в них полагалось от 1 до 4 офицеров и от 65 до 95 нижних чинов.

В степных областях находились линейные батальоны, главной функцией которых являлась пограничная служба. В 1876 г. в регионе числилось 3 линейных батальона, в 1894 г. – 2, в начале XX в. – 1. Они дислоцировались в разное время в Семипалатинске, Усть-Каменогорске и Зайсане².

Крупнейшие воинские части, которые квартировали исключительно в городах региона, – это резервные батальоны. Главные задачи резервных батальонов – обучение и обмундирование новобранцев, также в их функции входило несение конвойной службы по сопровождению арестантов, казённого транспорта, выполнение караульной службы по охране порядка и важных объектов в городах.

Тобольский резервный батальон «вел свое старшинство» от Санкт-Петербургского гарнизонного полка, сформированного еще в 1711 г. в г. Тобольске. Томский резервный батальон – от Московского гарнизонного полка, также сформированного в 1711 г. в Тобольске. В Томске эта воинская часть разместилась с 1816 г. под наименованием Томский гарнизонный батальон. Омский пехотный резервный батальон № 71 был сформирован в 1865 г. В этот же год Томский и Тобольский батальоны были переименованы в губернские батальоны, под номерами, соответственно 51 и 50.

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–62.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 32.

В дальнейшем эти части неоднократно переименовывались. С 1882 г. они назывались резервными кадровыми пехотными батальонами. В этом году в Западной Сибири насчитывалось 4 резервных батальона: в Омске, Семипалатинске, Тобольске и Томске. В 1899 г. из местной команды был сформирован резервный батальон в Барнауле. С 1902 г. резервные батальоны Западной Сибири получили новую нумерацию: Томский резервный батальон стал именоваться 8-м Томским резервным пехотным батальоном, Тобольский – 9-м, Омский – 10-м, Семипалатинский – 11-м, Барнаульский – 12-м¹.

Резервные батальоны были крупнейшими по численности нижних чинов военными частями. Например, в 1882 г. по штатному расписанию в резервных батальонах полагалось: в Тобольском – 22 офицера и 1080 нижних чинов, Томском – 23 офицера и 1096 нижних чинов, Омском – 24 офицера и 1302 солдата. Кроме того, ежегодно к батальонам прикомандировывалось значительное количество новобранцев, обучавшихся здесь военному делу, которые пополняли впоследствии другие части, – это была одна из основных функций резервных батальонов. Например, О.В. Гефнер указывает, что через Омский резервный батальон проходило до 1200 новобранцев, в основном из Семиреченской области².

В связи с началом Русско-японской войны в 1904 г., произошла кардинальная реорганизация войск, квартировавших в регионе. 3-я Сибирская резервная бригада была развернута в 3-ю Сибирскую пехотную дивизию, в составе которой из резервных пехотных батальонов были сформированы Сибирские пехотные полки. Дивизия вошла в состав

¹ Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 177.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 33.

4-го Сибирского армейского корпуса, штаб которого располагался в Омске¹.

По окончании войны, в 1906 г. 4-й Сибирский армейский корпус был расформирован. 3-я Сибирская пехотная дивизия была преобразована в 3-ю Сибирскую резервную бригаду. Сибирские пехотные полки вновь получили название резервных, и вернулись в места прежней дислокации: Барнаул, Омск, Тобольск, Томск².

Впоследствии, в 1910 г., по инициативе военного министра В.А. Сухомлинова, в России была проведена очередная реформа по реорганизации русской армии. По этой реформе, резервные войска были признаны слабыми в военном отношении и расформированы, а их состав был использован при формировании новых пехотных и стрелковых дивизий. В том числе, в Западной Сибири были расформированы: 3-я Сибирская пехотная резервная бригада, Сибирские резервные полки и другие специальные воинские части (саперные, инженерные, артиллерийские). Вместо них была учреждена 11-я Сибирская стрелковая дивизия в составе 41-го, 42-го, 43-го и 44-го Сибирских стрелковых полков, различные подразделения которых располагались в Барнауле, Новониколаевске, Омске, Семипалатинске, Тобольске и Томске³.

¹ Краткое расписание сухопутных войск, исправленное по 1 марта 1904 г. СПб., 1904. С. 20.

² Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Сибирского военного округа, исправленное к 1 февраля 1906 г. Омск, 1906. С. 4.

³ Гефнер О.В. Военные и культура... С. 35–36.

Рис. 9. Нагрудный полковой знак¹ 42-го
Сибирского стрелкового полка (Томск), 1911 г.

Нижние воинские чины, конечно же, составляли большую часть военных. При этом большинство нижних чинов происходили из крестьянского сословия. После принятия закона о всеобщей воинской повинности 1874 г. служба в армии стала обязательной, всеобщей и личной, т.е. в соответствии с законом все сословия в отношении воинской повинности уравнивались. В силу этого доля лиц некрестьянского происхождения в армии стала постепенно увеличиваться. Тем не менее, в силу значительного преобладания крестьян в населении империи, подавляющее большинство нижних чинов составляли выходцы из крестьян.

¹ Полковой знак – официальное название юбилейных знаков полков русской армии. В 1907 г. появились офицерские золотые и серебряные знаки, в 1909 г. начат выпуск бронзовых полковых знаков для нижних чинов. Знаки утверждались высочайшими приказами, преимущественно в связи с полковыми юбилеями.

О.В. Гефнер указывает, что в Западной Сибири среди призывников крестьяне составляли в 1872 г. 96,2%, в 1877 г. – 95,2%, в 1881 г. – 94%¹.

По своей конфессиональной принадлежности большинство нижних чинов были православными. Например, в Омском резервном батальоне в 1877 г. православными были 96,8%, в 1887 г. – 94,5, а в 1897 г. – 85%. Среди солдат-сибиряков были представители и других конфессий: католики, лютеране, иудеи, однако их удельный вес был незначительным. Постепенно происходило уменьшение доли православных за счет увеличения доли мусульман. В указанной части мусульмане составляли в 1877 г. – 1,8%, в 1887 г. – 5,3, в 1897 г. – 11,1%².

В 1899 г. в Томском резервном батальоне из числа проходивших службу нижних чинов 23,9% были татарами. Это объясняется, на наш взгляд, не только потребностями армии в личном составе, но и национальной политикой империи, направленной на аккультурацию, ассимиляцию и русификацию. При этом армейская служба рассматривалась как один из инструментов русификации многочисленных народов Российской империи.

¹ Там же. С. 62.

² Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. С. 333–334.

Таблица 1

Военные в городах Тобольской губ. в 1860 г.

Город	Регулярные войска		Прочие категории военных*		Всего военных	Всего населения	% военных
	муж	жен	муж	жен			
Омск	4913	1032	3536	2899	12380	19565	63,3
Тобольск	1189	274	1019	836	3318	16977	19,5
Тюмень	224	105	630	543	1502	11436	13,1
Тара	143	63	233	172	611	5113	11,9
Туринск	184	97	298	433	1012	4249	23,8
Курган	210	151	222	127	710	3471	20,5
Ишим	299	230	106	109	744	2924	25,4
Ялуторовск	285	61	121	124	591	2901	20,4
Тюкалинск	—	—	134	92	226	1424	15,9
Березов	—	—	279	292	571	1458	39,2
Сургут	—	—	505	394	899	1334	67,4
Всего	7447	2013	7083	6021	22564	70852	31,8

* Иррегулярные войска, казачество, бессрочноотпускные и отставные с членами семей, солдатские дети и кантонисты.

Источник: РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 557.

Возрастной состав нижних чинов в Западной Сибири определялся, конечно же, исходя из условий призыва. Призывной возраст по закону 1874 г. составлял 21 год, продолжительность службы для большинства призываемых – 6 лет до 1888 г., впоследствии – 5, а с 1906 г., в зависимости от рода войск, 3–4 года¹. В силу этого, основная масса нижних чинов попадала в возрастную категорию 21–30 лет. Например, в Омске в 1877 г. среди нижних чинов 90,1% относились к этой категории².

¹ См.: Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 18–21.

² Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Т. 2. Омск, 1880. С. 30.

По месту рождения нижние чины происходили преимущественно из селений региона. Основную массу новобранцев, призывавшихся в войска, составляли уроженцы Западной Сибири и Степного края. Например, в 1877 г. в Омске таковых насчитывалось 68,1% (64,4% из Тобольской губернии), а 31% солдат происходили из губерний Европейской России¹.

В 1860-е гг. военные являлись второй по численности после мещан категорией населения в городах региона. На примере этой категории населения, которая, кстати, не относилась ни к одному из юридически существующих четырех сословий, можно продемонстрировать сложность и разнообразие социальных категорий населения страны. В таблицах 1 и 2 приведена численность военных по категориям во всех городах региона в 1860/63 гг.

Самая большая численность военных была в это время в Омске – 12380, Тобольске – 3314, Барнауле – 2851 и Томске – 2834. Именно эти города имели в регионе наибольшее административное значение: центры генерал-губернаторства, двух губерний и горного округа. Большая часть военных Западной Сибири была сосредоточена в городах Тобольской губ. – 22588 чел., что составляло почти треть городского населения губернии – 31,7%. Наиболее «милитаризованным» было население Сургута (79,3%), Омска (63,3%) и Березова (38,5%). Однако в Сургуте и Березове высокая доля военных объясняется значительным количеством казаков, где казаки по традиции были практически единственным видом вооруженных сил, кроме того, многие из них службы не несли и относились к данному сословию в силу традиции.

¹ Словцов И.Я. Материалы по истории... Т. 1. С. 80.

Таблица 2

Военные в городах Томской губ. в 1863 г.

Город	Регулярные войска		Прочие категории военных*		Всего военных	Всего населения	% военных
	муж	жен	муж	жен			
Томск	1771	460	341	316	2888	21182	13,6
Барнаул	—	—	1285	1566	2851	10312	27,6
Бийск	—	—	197	124	321	5152	6,2
Мариинск	—	—	184	87	271	4470	6,1
Каинск	243	110	362	128	843	3244	26,0
Колывань	46	21	18	32	117	2879	4,1
Кузнецк	247	112	92	112	563	1915	29,4
Нарым	—	—	54	10	64	1381	4,6
Всего	2307	703	1916	2375	7918	50535	15,6

* Иррегулярные войска, казачество, бессрочноотпускные и отставные с членами семей, солдатские дети и кантонисты.

Источник: Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. С. 3–76.

Омск же был настоящим военным лагерем. Только к регулярной армии здесь относилось 5945 чел. Самой многочисленной в регионе была в Омске и категория казаков – 3610 чел. Как отмечали современники, военные играли главенствующую роль в жизни города: «Военные являлись, так сказать, «первым сословием», державшим в руках власть. ... Офицерство и военное чиновничество составляли «общество», которое создавало «общественное мнение» города;¹ «население его (Омска) почти все состоит из служащих или имеющих прикосновение к служащим – вот громадная разница между ним и всеми прочими губернскими

¹ Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн.1. Путешествие в прошлое. М., 1964. С.40.

городами сибирскими»¹. Омск в середине XIX в. был главным опорным пунктом русского продвижения в Среднюю Азию, что и объясняет его военизированность.

В городах Томской губ. различных категорий военных насчитывалось 7864 чел. или 15,6% городского населения. Наибольшую долю горожан военные составляли в Кузнецке – 29,4%, Барнауле – 27,8% и Каинске – 26,0%. При этом в Барнауле, по-видимому, доля военных была на самом деле выше, поскольку в использованном источнике не приводятся данные о численности регулярных войск в городе, а их в центре Алтайского горного округа было несколько сотен человек. Имеющиеся у нас данные по Барнаулу расходятся с цифрами за 1860 г., которые приводит в своей статье В.А. Скубневский (всего 1462 чел., что составляло 12,6% населения города)².

Как показывают данные за последующие годы (см. таблицу 3), доля различных категорий военных в населении Барнаула была весьма значительной, более 1/4 населения и горнозаводской центр можно отнести к числу «милитаризованных» городов. Наибольший процент населения Барнаула военные составляли в 1876 г. Тогда в городе числилось регулярных войск (с членами семей) – 758 чел., казаков – 13, бессрочноотпускных – 671, отставных – 2520, солдатских детей – 17, всего военных 4079 чел. или 29,6% населения³.

В целом в городах Западной Сибири проживало в начале 1860-х гг. более 30 тыс. военных, что составляло 25% всего населения. Для сравнения можно сказать, что в

¹ Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 150.

² Скубневский В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 122.

³ Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 81.

городах Европейской части страны в 1858 г. процент военных составлял 14,1%¹. Однако, необходимо признать, что средние цифры по региону сильно поднимал военизированный Омск, а в городах Томской губ. доля военных была немногим выше, чем в среднем по стране. Это объясняется тем, что Томская губ. была внутренним районом Западной Сибири, значительно удаленным от возможных театров военных действий и держать здесь крупные воинские формирования не имело смысла².

В отношении второй по численности в городах сословной группы – военных, к 1880 г. положение изменилось незначительно. Можно отметить, что за 20 лет общая численность военных немного выросла, но их доля в населении городов региона упала с 25 до 20%. По-прежнему наибольшее число лиц военного сословия сосредотачивалась в Омске (13319), Тобольске (4054), Барнауле (3988) и Томске (2701). Однако доля военных заметно снизилась. Так, в Омске они составляют уже меньше половины населения – 45,1%. На снижение доли военных в Омске, по-видимому, повлиял вывод ряда частей омского гарнизона в 1870-х гг. в Среднюю Азию.

По данным статистики, в первой половине 1870-х, вследствие перевода воинских частей на юг, численность жителей в Омске заметно сократилась. Так, если в 1863 г. в нем проживало 19,5 тыс., в 1870 г. – 30,5 тыс., то в 1877 г. – лишь 25 тыс. чел.³ При этом, хотя по данным однодневной городской переписи 1877 г., в Омске к военному сословию относились 5447 мужчин и 2848 женщин (33,4% населения),

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. С. 120.

² Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 129–130.

³ Миненко Н.А., Федоров С.В. Омск в панораме веков. Омск, 1999. С. 164.

а казаков начитывалось соответственно 1115 муж. и 1150 жен. (9,1%), значительная часть их была представлена отставными, солдатскими и казачьими вдовами и детьми¹.

Таблица 3

**Доля военных в составе населения городов
Западной Сибири в 1880 г.**

Город	Военные		Всего населения
	абс.	%	
Томск	2701	8,0	33800
Омск	13319	45,1	29546
Тобольск	4054	23,2	17503
Тюмень	1128	6,8	16664
Барнаул	3988	27,3	14594
Бийск	1020	15,0	6797
Тара	616	9,4	6571
Мариинск	714	12,9	5550
Каинск	513	9,4	5450
Курган	799	14,7	5430
Ялуторовск	735	14,2	5182
Туринск	726	17,0	4265
Колывань	307	7,9	3900
Кузнецк	582	19,3	3020
Ишим	680	22,7	3001
Нарым	60	3,0	2000
Березов	671	35,5	1888
Сургут	757	57,9	1308
Тюкалинск	116	9,9	1170
Итого:	33486	20,0	167639

Источник: Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 7–204.

Из других городов региона высокой долей военных в населении в 1880-м выделялись в Тобольской губ.: Сургут (57,9%), Березов (35,5%), Тобольск (23,2%), Ишим (22,7%).

¹ Состав населения трех наиболее значительных городов Сибири по последним однодневным переписям // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1880. Кн. 2. С. 63.

Сургут и Березов по-прежнему выделялись благодаря высокой численности казаков. Однако уже в 1882 г., «высочайше утвержденным 19 мая» мнением Государственного Совета казачьи команды в Сургуте, Березове и Нарыме были упразднены, казаки же этих городов, не желающие зачислиться в Сибирское казачье войско, должны были перейти в мещане тех городов, «где они имеют оседлость»¹. Казачьи команды в других городах региона были ликвидированы еще в 1868 г., а сами казаки причислены к городским (а отчасти и сельским сословиям)². В Томской губ. в 1880 г. наиболее «военизированными» были города Алтайского горного округа: Барнаул (27,3%), Кузнецк (19,3%) и Бийск (15,0%). Средняя доля военных в городах Тобольской губ. снизилась до 16,3%, Томской губ. – до 13,2%.

Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. означала отмену правовой базы для существования особого военного сословия, так как призывавшиеся в армию всего на несколько лет на время службы и после нее сохраняли свое прежнее сословное звание. Категории отставных и бессрочноотпускных солдат, солдатских детей и кантонистов перестают пополняться и к концу XIX в. почти исчезают из документации по учету населения. Так, в переписи 1897 г. эти категории уже не учитывались.

Остатки военного сословия растворились среди городского населения. Тем не менее, в отдельных городах региона различные категории военных продолжали существовать и учитываться в административном учете населения.

¹ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 70.

² Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского линейного казачьего войска. Омск, 1891. С. 229.

Рис. 10. Нагрудный полковой знак 44-го Сибирского стрелкового полка (Барнаул), 1911 г.

Так, например, в «Обзоре Акмолинской области за 1896 г.» по городу Омску значилось казаков служилых и в запасе – 1630 (151 муж. и 1452 жен.), отставных казаков с женами и детьми – 1384 (629 муж. и 755 жен.), регулярных войск – 2928 (все – мужчины), нижних чинов запаса – 806 (все – мужчины), отставных нижних чинов с семьями – 2632 (736 муж. и 1896 жен.), всего военных – 9380 чел. или 19,7% от населения города (47576).¹ В 1909 г. в Омске числилось казаков 5602 (3128 муж. и 1934 жен.) и солдат (без разделения по категориям) – 5635 (2700 муж. и 2935 жен.), всего военных 10697, удельный вес – 12,2%².

В российской пореформенной армии существовала также категория военнослужащих (нижних чинов), именуе-

¹ Обзор Акмолинской области за 1896 г. Омск, 1898. (Приложение 3).

² Статистические сведения по г. Омску. Омск, 1911. С. 3.

мая в законе как «вольноопределяющиеся». К этой категории относились молодые люди, которым закон предоставлял освобождение от военной службы, но они, тем не менее, могли поступить на службу добровольно. При этом состоящие под судом или следствием, а так же признанные по суду виновными в краже или мошенничестве в вольноопределяющиеся не допускались. Вольноопределяющиеся несли службу наравне с прочими солдатами, не привлекались лишь к хозяйственным работам¹.

Известный публицист Василий Гиляровский, сам служивший, писал в свих воспоминаниях: «Слово «вольноопределяющийся» еще не вошло в обиход, и нас все звали по-старому юнкерами, а молодые офицеры даже подавали нам руку. С солдатами мы жили дружно, они нас берегли и любили, что проявлялось в первые дни службы, когда юнкеров назначали начальниками унтер-офицерского караула в какую-нибудь тюрьму или в какое-нибудь учреждение. Здесь солдаты учили нас, ничего не знавших, как поступать, и никогда не подводили»².

По Первой всеобщей переписи 1897 г., в Западной Сибири отмечено 384 офицера, 238 военных чиновников и 11602 чел. нижних воинских чинов³.

В начале XX в. военного сословия как такового уже не существовало. К категории военных в эти годы относились, кроме офицерства, только нижние чины воинских команд, расквартированных в городах региона. Численность их была небольшой.

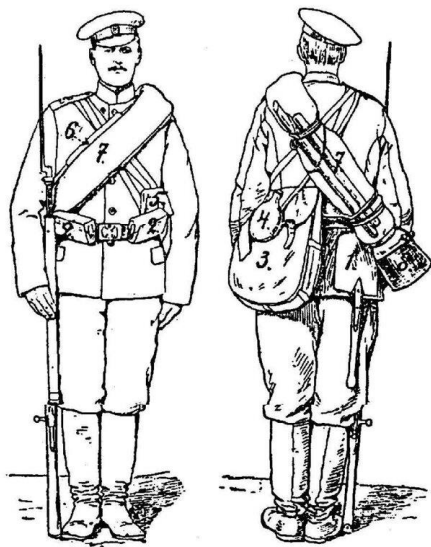
¹ Беловинский Л.В. Вольноопределяющийся // Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2007. С. 116.

² Гиляровский В.А. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., 1928. С. 77.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам. СПб., 1905. Т. IV. С. 66-67, 82-83, 226-227, 246-247, подсчет.

ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ АРМЕЙСКОГО СОЛДАТА

(въ походномъ мундирѣ).

1) Флага.— 2) Патронныя сумки.— 3) Вещевой мѣшокъ.—
4) Нагрудный патронташъ.— 5) Пинзель, за-
тканная въ полотнище походной палатки.

Всѣхъ снаряженій, вооруженій и одежды, надѣтой и. чиномъ—
около 1 п. 30 ф.

Число носимыхъ на себѣ и. чиномъ патроновъ—**120.**

Рис. 11. Походное снаряжение армейского солдата

Так, например, в 1910 г. в городах Тобольской губ. насчитывалось 2354 солдат, что составляло 2,8% от общего числа горожан¹.

¹ Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 83.

Согласно «Ведомости о числе жителей г. Бийска по сословиям и вероисповеданиям за 1915 г.», в городе насчитывалось: военных: регулярные войска 1456 (только муж.), чины запаса: 778 (муж.), 755 (жен.), отставных нижних чинов: 490 (муж.), 473 (жен.)¹.

«Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г.» указывал следующую численность военных в регионе: офицеры – 685, военные чиновники – 219, нижние чины – 17037².

Интенсивная колонизация Западной Сибири, протекавшая в начале XX в. не могла не повлиять на роль и место военных в жизни региона. Новые волны массовой миграции, развитие экономики, быстрый рост городов делали роль военным все менее значимой. Даже в самом военизированном городе региона, – Омске, – как показывают подсчеты О.В. Гефнер, доля военных в населении достаточно быстро сокращалась: с 1875 по 1914 г. процент военных снизился: среди мужского населения с 13,3 до 3,5, среди всех горожан – с 7,4 до 3,5³. Это замечали и современники. Так, Г.Н. Потанин писал в 1908 г.: «Из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакгауз, дробь барабана хочет смениться щелканьем счет»⁴.

Таким образом, введение всеобщей воинской повинности, которая ознаменовала переход от старой крепостнической рекрутской системы комплектования армии к ново – буржуазной, законодательное уравнивание всех сословий в выполнении воинской повинности, сокращение сроков

¹ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 141. Л. 60.

² Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 19–25.

³ Гефнер О.В. Военные и культура... С. 50.

⁴ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1908. С. 251.

службы нижних чинов в значительной степени сблизило армию и общество. Один из современников, – известный военный деятель генерал-лейтенант Н.Н. Головин отмечал: «Стена, разделявшая армию от народа, таким образом, рушилась, и социальная связь устанавливалась между ними чрезвычайно тесная»¹.

Социальный состав нижних чинов армии становился все более разнообразным, включал представителей практически всех слоев населения. Благодаря военной службе расширялась включенность различных социальных страт в новую систему отношений, усвоение новых норм и ценностей, что оказывало влияние на формирование общественного сознания и мировоззрения. Возрастало влияние армии на жизнь общества.

1.3. Унтер-офицерский корпус в жизни армии

В период середины XIX – начала XX вв., несмотря на отмену крепостного права, Россия оставалась преимущественно крестьянской, малограмотной страной, комплектование армии которой ложилось, прежде всего, на плечи деревенской общины. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности нижние чины армии также представлялись в основном выходцами из крестьян. А это означало необходимость в начальном обучении новобранца первичной грамоте, подготовке его в общеобразовательном отношении, а уже затем только непосредственном обучении воинскому делу. В свою очередь для этого требовался подготовленный унтер-офицерский состав в армии, которому требовалась соответствующая подготовка.

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 71.

Первые унтер-офицеры в России появились еще при Петре I. Воинский устав 1716 г. к унтер-офицерам относил: сержанта в пехоте, вахмистра в кавалерии, каптенармуса, подпрапорщика, капрала, ротного писаря, денщика и ефрейтора. Согласно уставу им вверялось первоначальное обучение солдат, а также контроль за соблюдением нижними чинами внутреннего порядка в роте. В XIX в. появились также звания вице-унтер-офицера, младшего унтер-офицера и старшего унтер-офицера¹.

С 1764 г. законодательство закрепило за унтер-офицером обязанность не только обучать нижних чинов, но и воспитывать их. Однако говорить о полноценном воинском воспитании в тот период нельзя, поскольку в большинстве своем унтер-офицерский корпус был слабо подготовлен и преимущественно неграмотен. Кроме того, основой воспитательного процесса в армии того периода была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого общения с солдатами. В процессе обучения и воспитания преследовалась лишь цель слепого их повиновения. Дисциплинарная практика строилась на жестокости, часто применялись телесные наказания.

Среди унтер-офицерского состава русской армии выделялся фельдфебель. Это – высшее унтер-офицерское звание и должность в пехотных, артиллерийских и инженерных частях. Обязанности и права фельдфебеля в русской армии на тот период были гораздо шире, чем в европейских армиях. Вышедшая в 1883 г. инструкция определяла ему в обязанностях быть начальником всех нижних чинов роты. Он под-

¹ См.: Скобликов С.В. Роль унтер-офицерского корпуса русской армии середины XIX – начала XX в. // Материали за XIII международна научна практична конференция «Ключови въпроси в съвременната наука – 2017», Volume 1: Философия. Икономики. Закон. История. София: «БялГРАД-БГ», 2017. С. 41–44.

чинялся ротному командиру, являлся его первым помощником и опорой. Отвечал за порядок во взводе, нравственность и поведение нижних чинов, за успехи обучения подчиненных и в случае отсутствия ротного командира его замещал. Фельдфебелю подчинялись все младшие и старшие унтер-офицеры роты¹.

Вторым по значимости являлся старший унтер-офицер – начальник всех нижних чинов своего взвода. Он по приказанию фельдфебеля назначал нижних чинов в наряды на службу и на работы, проводил вечернюю переключку, взводные унтер-офицеры докладывали фельдфебелю обо всем случившемся за день в расположении вверенных подразделений.

С 1891 по 1912 годы в русской армии существовало звание зауряд-прапорщик как высшее воинское звание для унтер-офицеров. Оно было установлено в мае 1891 г. «Положением о зауряд-прапорщиках и зауряд-военных чиновниках»². Знаками различия для зауряд-прапорщиков были установлены погоны подпрапорщика с большой (больше офицерских) звездочкой в верхней трети погона на линии симметрии. Звание присваивалось наиболее опытным сверхсрочнослужащим унтер-офицерам. С началом Первой мировой войны его стали присваивать подпрапорщикам в порядке поощрения, зачастую непосредственно перед присвоением первого обер-офицерского звания (прапорщика или корнета). Исправляя обязанности младших офицеров, зауряд-прапорщики были ограничены в правах продвижения по службе.

¹ Чиненный С.А. Унтер-офицеры русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 60.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 11. № 7662.

Интересна история чина подпрапорщика. В период 1880–1903 гг. этот чин присваивался выпускникам юнкерских училищ (не путать с военными училищами). В кавалерии ему соответствовал чин эстандарт-юнкера, в казачьих войсках – подхорунжего. Т.е. получалось, что это было некое промежуточное звание между нижними чинами и офицерами. Подпрапорщики окончившие юнкерские училища по 1-му разряду, производились в офицеры не раньше сентября выпускного года, но вне вакансий. Окончившие по 2-му разряду, производились в офицеры не раньше начала следующего года, но только на вакансии, причем получалось, что некоторые ждали производства по несколько лет. Согласно приказу 1901 г., с производством в 1903 г. последних подпрапорщиков, эстандарт-юнкеров и подхорунжих эти чины отменялись. Это было связано с начавшимся преобразованием юнкерских училищ в военные. С 1906 года чин подпрапорщика в пехоте и кавалерии и подхорунжего в казачьих войсках стал присваиваться сверхсрочным унтер-офицерам, окончившим специальную школу. Таким образом, это звание стало максимальным для нижних чинов. При прохождении службы подпрапорщики числились в 1-м разряде сверхсрочных и пользовались «всеми правами, присвоенными прочим строевым сверхсрочным в отношении вещевого довольствия, награждения медалями и знаками отличия, вступления в брак, увольнения в отпуск и отправки в лечебные заведения и, кроме того, получают особые преимущества, которые заключаются в ношении особой формы... получении добавочного жалования»¹.

Унтер-офицерский корпус набирался из солдат, изъявивших желание по истечении срока срочной службы остаться в армии по найму, т.е. сверхсрочнослужащими. До появления института сверхсрочнослужащих, из которых

¹ Подпрапорщик (подхорунжий) // Военная энциклопедия. Т. XVIII. Пг., 1916. С. 500.

формировался унтер-офицерский состав, обязанности помощников офицера выполняли нижние чины срочной службы.

Категория сверхсрочнослужащих, по замыслу военного командования, должна была решить задачи снижения некомплекта рядового состава и формирования резерва унтер-офицерского корпуса¹.

Не все унтер-офицеры были образцовыми: «Стрелок не строевой роты 44-го Сибирского стрелкового полка Ксенофонт Бурков, приказом по дивизии с.г. № 11 лишенный унтер-офицерского звания, вследствие возбужденного командиром полка ходатайства, за хорошее поведение и знания службы, переименовывается в унтер-офицерском звании, а младший унтер-офицер того же полка Петр Дербушев лишается унтер-офицерского звания как не соответствующий сему званию. Основание: ст. 78. Кн. VII С.В.П. 1869 г. изд. 2-е и ст. 31 Устава Дисциплинарного»².

Руководство военного министерства стремилось оставить в армии как можно больше солдат (ефрейторов), а также срочных унтер-офицеров на сверхсрочную службу, при условии, что по своим служебным и нравственным качествам они будут полезны для армии. В это время в военном ведомстве отмечалась потребность создания в войсках прослойки опытных инструкторов, необходимых при тех коротких сроках службы и больших требованиях, предъявляемых к нижним чинам в армии после военной реформы. «...От хорошего унтер офицера войска потребуют известной доли развитости: хороших служебных знаний, как практических так и теоретических; необходимой

¹ Скобляков С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 136.

² ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.

нравственности и хорошего поведения; а главное — известного склада характера и способности управлять подчиненными ему людьми и умения вселить в них полное к себе доверие и уважение...»,¹ — так писали на страницах «Военного сборника» офицеры армии, интересовавшиеся проблемой подготовки унтер-офицерских кадров.

По принятии прошения сверхсрочнослужащие начинали выполнять роль младших командиров в строевых частях. Проведя несколько лет в таком качестве и хорошо зарекомендовав себя, они могли надеяться на получение унтер-офицерского звания. Отбор сверхсрочнослужащих в унтер-офицеры производился очень серьезно. На солдата, намеченного в кандидаты, обращалось особое внимание, его испытывали на всех должностях будущей деятельности.

Согласно «Положению о нижних чинах унтер-офицерского звания, остающихся добровольно на сверхсрочной службе», награждение шеvronами сверхсрочнослужащих нижних чинов, занимающих должности фельдфебелей (вахмистров) и взводных унтер-офицеров (фейерверкеров) строевых рот, эскадронов, батарей производилось:

- при поступлении на сверхсрочную службу — серебряным узким шеvronом
- по окончании второго года сверхсрочной службы — серебряным широким шеvronом
- по окончании четвертого года сверхсрочной службы — золотым узким шеvronом
- по окончании шестого года сверхсрочной службы — золотым широким шеvronом².

Современник писал: «Чтобы нижние чины получили практическую подготовку в команде, для этого необходимо, чтобы она имела свое отдельное хозяйство, конечно, при

¹ Военный сборник. СПб., 1887. Т. CLXXVIII. С. 76.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. № 7019 от 02.07.1890.

этом нужно прибавить в постоянную кадру одного унтер-офицера, исправляющего должность каптенармуса и четырех рядовых на должности писаря, конюха, хлебопека и кашевара; к этим лицам прикомандировываются все нижние чины переменного состава по очереди и исправляют их должности, под наблюдением и ответственностью кадровых чинов. Вообще дело надо вести так, чтобы каждый из нижних чинов переменного состава перешел все должности и назначения, какие только полагается исправлять нижним чинам»¹.

Случалось и по-другому: испытательный срок «сверхсрочнослужащего» заканчивался увольнением, поскольку солдат оказывался непригоден для исполнения обязанностей начального командира. Вплоть до середины XIX в. никаких специальных школ или курсов для унтер-офицеров не существовало, поэтому специально обучать их было негде.

С конца 1860-х годов подготовка унтер-офицеров для русской армии осуществлялась в полковых учебных командах со сроком обучения 7,5 месяцев. В эти учебные подразделения направлялись нижние чины, показавшие способности к службе, не имеющие дисциплинарных проступков и, по возможности, грамотные, а также «получившие отличие в боях». Преподавание носило по преимуществу практический характер. Из каждой роты назначались пять-шесть человек, успешно обучавшихся в ротных школах и подходящих для подготовки в унтер-офицеры. В команду назначались три унтер-офицера, из которых один исполнял должность фельдфебеля, а два других взводных командиров, два ефрейтора – тоже на правах взводных командиров, два обер-офицера – на правах субалтерн-офицеров, и начальник команды, тоже из числа младших офицеров части, на правах ротного командира.

¹ Сущинский Ф. Унтер-офицерский вопрос в нашей армии // Военный сборник. СПб., 1881. № 8. С. 331.

Главную роль в воспитательном процессе унтер-офицера играл офицер. М.И. Драгомиров, военный теоретик и педагог второй половины XIX в., с успехом применявший в армии разработанные им принципы обучения и воспитания войск, писал по этому поводу: «Офицеру нужно настойчиво работать; сначала чтобы сформировать унтер-офицеров, а потом для того, чтобы неустанно следить за деятельностью этих малоопытных и беспрерывно меняющихся помощников. Он постоянно должен помнить, что в разъяснениях уставать нельзя. Чего он сам не сделает, не объяснит, не укажет, никто за него не сделает»¹. По окончании учёбы нижние чины возвращались в свои части. Выдержавшие выпускной экзамен по представлению непосредственных начальников и приказом командира полка производились в младшие унтер-офицеры и назначались на вакантные должности.

Чтобы облегчить унтер-офицеру вхождение в свою роль, военное ведомство издавало немало различной литературы в виде методик, инструкций, советов. С. Чиненный отмечает, что: «Среди рекомендаций, в частности, были:

- подчиненным показывать не только строгость но и заботливое отношение;
- по отношению к солдатам держать себя на "известном расстоянии";
- в обращении с подчиненными не допускать раздражения, вспыльчивости, гнева;
- помнить, что русский солдат в обращении с ним любит того начальника, которого считает своим отцом;
- учить солдат в бою беречь патроны, на привале – сухари;

¹ Никульченко А. О средствах завести хороших унтер-офицеров // Ориентир. 2013. № 7. С. 77.

– иметь достойный внешний вид: "унтер подтянутый, что лук натянутый"»¹.

В 1887 г. в Риге был создан учебный батальон для более качественной подготовки унтер-офицеров. Подготовка унтер-офицеров в специальных школах вне войск имела свои достоинства и недостатки, которые уже были известны из опыта иностранных армий. Обучение имело двухгодичный срок, из них выпускались преимущественно старшие унтер-офицеры и фельдфебели. Предполагалось со временем создать такие учебные батальоны-школы во всех военных округах, но ввиду большой финансовой стоимости проекта это так и не было сделано. В 1911 г. прекратил своё существование и Рижский учебный батальон. Тем не менее, количество унтер-офицеров быстро росло.

Речь шла в первую очередь о сверхсрочных унтер-офицерах, которые имели несомненные преимущества в сравнении с унтер-офицерами срочной службы. «Сокращенные сроки службы имеют в этом вопросе то громадное значение, что время подготовки унтер-офицера, должно быть, возможно непродолжительно, так как иначе он не успеет вознаградить своею службой потраченных усилий на его подготовку, как уже уходит в запас; да, кроме того, более продолжительная служба безусловно необходима и для самих унтер-офицеров, так как служебный опыт конечно значительно способствует их усовершенствованию. Вот почему две задачи – подготовка унтер-офицеров и сохранение их на действительной службе сверх срока – всегда идут рука об руку, потому то и заметно стремление к такого рода учреждениям, которые, готовя унтер-офицеров, обязывали бы их вместе с тем к известному, более или менее продолжительному сроку службы, сверх обязательной»².

¹ Чиненный С. Унтер-офицеры русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 62.

² Военный сборник. СПб., 1887. Т. CLXXVIII. С. 74.

Финансовые средства, выделяемые военным ведомством на создание прослойки сверхсрочных унтер-офицеров, являлись сравнительно небольшими. Поэтому отставание в таких кадрах от соседей являлось очень заметным. Так, в 1898 г. сверхсрочных строевых унтер-офицеров насчитывалось: в Германии – 65 тыс., во Франции – 24 тыс. в России – 8,5 тыс. чел.¹

Вместе с тем, армия была заинтересована в сверхсрочнослужащих, поэтому заботилась о них и с помощью достаточного обеспечения из государственной казны. К примеру, «Положением о сверхсрочной службе нижних чинов в пограничной страже» 1881 г. нижним чинам пограничной стражи, для повышения служебного авторитета сверхсрочнослужащих унтер-офицеров старших званий предписывалось обеспечить их более высокий материальный быт и социальный статус. В соответствии с «Положением», сверхсрочные нижние чины пограничной стражи унтер-офицерского звания, в том числе старшие и младшие вахмистры (фельдфебели) в отрядах и учебных командах, и унтер-офицеров, занимающих должности других младших командиров получали денежное вознаграждение и добавочное жалование к штатному содержанию. В частности, в первый год по поступлении на сверхсрочную службу – старшему вахмистру полагалось 84 руб., младшему вахмистру – 60 руб.; во второй год – старшему вахмистру – 84 руб., младшему вахмистру – 60 руб.; в третий год – старшему вахмистру – 138 руб., младшему вахмистру – 96 руб.; в четвертый год – старшему вахмистру – 156 руб., младшему вахмистру – 108 руб.; в пятый год – старшему вахмистру – 174 руб., младшему вахмистру – 120 руб.

При дальнейшем продолжении сверхсрочной службы добавочное содержание не увеличивалось, а производилось

¹ Чиненный С. Унтер-офицеры... С. 61.

в том размере, в каком определено для пятого года сверхсрочной службы.

Сверх установленного выше добавочного жалования каждому старшему и младшему вахмистру, пробывшему в названных должностях непрерывно два года, выдавалось по окончании второго года сверхсрочной службы единовременное пособие в размере 150 руб., а также по 60 руб. ежегодно¹. Аналогичная же тенденция прослеживается и по другим родам войск.

Расширялись также и права унтер-офицеров, для них устанавливался ряд бытовых льгот. Фельдфебелю, например, в расположении роты предоставлялась отдельная комната, а старшим унтер-офицерам роты – комната на двоих. Им было разрешено жениться и размещать семьи вблизи от гарнизонов. Кроме того, строевые сверхсрочнослужащие за безупречную службу жаловались медалью с надписью «За усердие» и знаком ордена Святой Анны, а по увольнении назначалась повышенная пенсия.

Интересна ремарка генерала Деникина: «...официальное сообщение указывало на крайнюю трудность... подготовки унтер-офицерского состава. Ибо унтер-офицеры из городских и фабричных районов развиты, грамотны, но ненадежны; – а из землепашцев – «являются всегда элементом очень надежным и желательным, но неграмотны»... Такой классовый отбор и производился фактически: русский унтер-офицерский корпус был почти сплошь крестьянский»².

¹ Военный сборник. СПб., 1892. Т. CCV. С. 135.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 365.

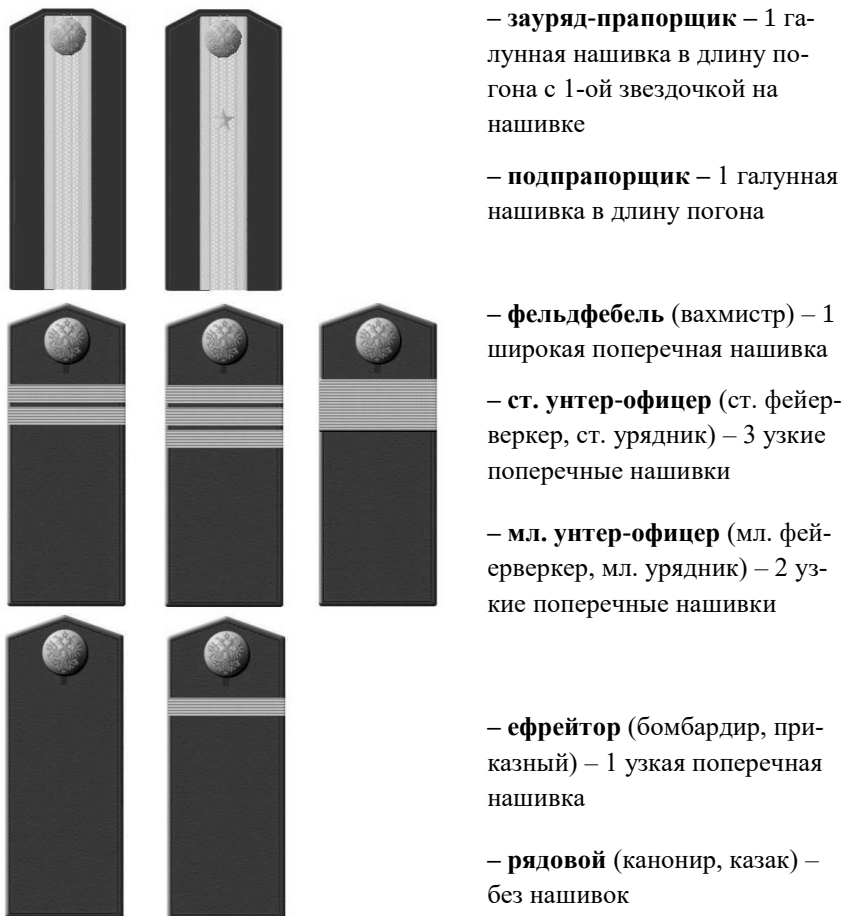

Рис. 12. Погоны нижних чинов
(без вензелей и полковых знаков)

Чтобы заинтересовать в службе и подчеркнуть начальствующее положение унтер-офицеров среди нижних чинов, им выдавались необходимое обмундирование и особые знаки различия.

Для подготовки унтер-офицеров использовался также институт вольноопределяющихся. К данной категории относились лица с образовательным цензом, поступившие добровольно, не по жребию на действительную военную службу нижними чинами. «Добровольная служба вольноопределяющихся основана не на договоре, а на законе; она является той же воинской повинностью, но лишь с изменением характера ее выполнения»¹.

Для вольноопределяющихся установлены льготные условия службы в нижних званиях. Различались вольноопределяющиеся 1-го и 2-го разрядов, в зависимости от уровня образования. К первому относились студенты, полностью или частично окончившие курс высшего учебного заведения, а также лица, имевшие образование в объеме не менее 6 классов среднего учебного заведения. Срок их службы определялся одним годом. Ко второму относились лица, сдавшие экзамены в объеме 4 классов среднего учебного заведения. Срок службы таких вольноопределяющихся составлял 2 года. Вольноопределяющиеся пользовались рядом льгот, проживали в отдельном помещении, часто в частных квартирах, а не в казарме². По прошествии половины срока службы они производились в унтер-офицеры, а по окончании срока службы и сдачи экзаменов производились в чин прапорщика запаса.. Отличались погонами, окантованными черно-оранжево-белым шнуром³.

Вот как писал в своих воспоминаниях В. Гиляровский: «Я был принят в полк вольноопределяющимся 3 сентября 1871 года. Это был год военных реформ: до сего времени

¹ Вольноопределяющиеся // Военная энциклопедия. Т. VII. СПб., 1912. С. 29.

² Сборник законоположений по отбыванию воинской повинности вольноопределяющимися и охотниками / Сост. М.В. Андрушкевич. Ку-таис: Тип.-лит. М.И. Гамрекели, 1899.

³ Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М., 2003. С. 116.

были в полках юнкера с узенькими золотыми тесемками вдоль погон и унтер-офицерскими галунами на мундире. С этого года юнкеров переименовали в вольноопределяющихся, им оставили галуны на воротнике и рукавах мундира, а вместо золотых продольных на погонах галунов нашили из белой тесьмы поперечные басончики. Через два года службы вольноопределяющихся отсылали в Москву и Казань в юнкерские училища, где снова им возвращали золотые басоны. В полку вольноопределяющиеся были на правах унтер-офицеров: их не гоняли на черные работы, но они несли всю остальную солдатскую службу полностью и первые три месяца считались рядовыми, а потом правили службу младших унтер-офицеров»¹.

После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. вопрос комплектования армии унтер-офицерами из числа сверхсрочнослужащих стал еще более актуальным. Государство и далее предпринимало шаги по финансовому стимулированию по их привлечению на службу. Ежегодное добавочное жалованье увеличивалось до 400 руб. в зависимости от звания и продолжительности службы, предусматривались другие материальные преимущества; квартирные деньги в размере половины от норм для офицерского состава; пенсия за 15 лет службы в размере 96 руб. в год².

За хорошую службу также полагались различные награды: «Унтер-офицеры также щедро жалуются отличиями. По истечении пятилетней службы они получают первую медаль, после десяти лет – Анненский крест, а после

¹ Гиляровский В. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., 1928. С. 74.

² Оськин М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 46.

двадцати и тридцати лет службы следуют дальнейшие медали... старшие унтер-офицеры большею частью имеют большую колодку со многими медалями»¹.

В 1911 г. для унтер-офицеров были введены войсковые школы, в которых они готовились к званию подпрапорщика. Там они обучались исполнению должности командира отделения и взвода, чтобы на войне заменять младших офицеров, командовать взводом в боевой обстановке, а в случае необходимости – ротой.

Вот как писал Г.К. Жуков о подготовке унтер-офицеров: «Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. Вместе с тем, как я уже говорил, за малейшую провинность тот-час следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского режима»².

По «Положению о нижних чинах строевой сверхсрочной службы» 1911 г., они разделялись на два разряда. Первый – подпрапорщики, произведенные в это звание из строевых сверхсрочных унтер-офицеров. Они обладали значительными правами и преимуществами. Второй – унтер-офицеры и ефрейторы – пользовался несколько меньшими правами. Подпрапорщики в строевых частях занимали должности фельдфебелей и взводных (старших унтер-офицеров). Ефрейторы производились в младшие унтер-офицеры и

¹ Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 275.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 37.

назначались командирами отделений. Сверхсрочнослужащие унтер-офицеры производились в подпрапорщики при двух условиях: прослужить в должности взводного в течение двух лет и успешно окончить курс войсковой школы для унтер-офицеров¹.

Однако настоящим испытанием для корпуса унтер-офицеров русской армии стала Первая мировая война. Проблема кадров возникла уже к концу 1914 г., когда командование, к сожалению, ещё не задумывалось о сбережении кадров. При первой мобилизации в ряды действующей армии было призвано 97%, обученных военнообязанных, предпочтение отдавалось унтер-офицерам запаса, которые, как правило, имели лучшую подготовку по сравнению с рядовыми запасными. Поэтому в рядовой состав первого стратегического эшелона вливали максимум унтер-офицеров запаса. Необходимо отметить, что в боевой обстановке подавляющее большинство унтер-офицеров отличалось отменной храбростью. Они увлекали за собой солдат, редко в сложной боевой обстановке падали духом. В итоге получилось, что весь ценнейший младший командный состав был почти полностью уничтожен в первых военных операциях².

Впоследствии, в условиях войны предпринимались меры по выправлению положения с унтер-офицерским составом. Так, например, осенью 1914 г. при каждой отдельной боевой части для подготовки необходимого числа строевых нижних чинов переменного состава запасных частей к исполнению унтер-офицерских обязанностей создавались т.н. «учебные команды военного времени».

Ещё одной мерой, с помощью которой пытались бороться с нехваткой младшего командного состава, являлось увеличение института вольноопределяющихся. В армию стали набирать так называемых добровольцев-охотников.

¹ Чиненный С. Унтер-офицеры... С. 62.

² Оськин М.В. Унтер-офицерский состав... С. 46.

Согласно императорскому указу от 25 декабря 1914 г., охотниками на службу принимались отставные подпрапорщики и сверхсрочные унтер-офицеры. Отступление русской армии в 1915 г. и связанная с этим убыль унтер-офицеров в боях еще более обострила проблему нехватки младших командиров в боевых частях. Только зимой 1916 г. русская армия получила передышку и стала готовиться к предстоявшей кампании. Немаловажная роль была отведена обучению кадров. Это было уже время, когда все те нижние чины, которые имели командирские задатки, отправлялись в школы младших офицеров – прапорщиков, на долю же унтер-офицерских кадров оставалось совсем немного. Всего в годы Первой мировой войны 30 тыс. унтер-офицеров за боевые отличия были произведены в офицеры военного времени – прапорщики¹.

Состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии во второй половине XIX – начале XX в. оценивалось как удовлетворительное. Результатом этого явился не только труд офицера, но и усилий унтер-офицерского корпуса.

Основными нарушениями воинской дисциплины в армии в этот период со стороны нижних чинов были побег, кражи, растрата казенного имущества и нарушения воинского благочиния. Случались оскорбления унтер-офицеров, в редких случаях, оскорбления на словах офицеров.

По общему убеждению военных чиновников, проводивших инспектирование армейских частей, следовало, что состояние воинской дисциплины было бы еще более крепким, если бы офицерам и унтер-офицерам удалось изжить среди солдат пьянство. Оно-то и являлось первопричиной многих воинских преступлений и нарушений. Однако, нравственные качества были невысоки и у самих унтер-офице-

¹ Оськин М.В. Унтер-офицерский состав... С. 47.

ров. Часть из них тянулась к спиртному, что дурно сказывалось на поведении подчиненных. Также не все они обладали знаниями по руководству подчиненными.

Рис. 13. Унтер-офицер, 1877 г.

В порядке наложения дисциплинарных взысканий унтер-офицеры имели такие же права, как и обер-офицеры, допускались в офицерские собрания. Лишение этого звания производилось начальником дивизии или лицом равной с ним власти с соблюдением необходимых норм законодательства за совершенные преступления. Также по той же

причине, и по приговору суда, могло быть приостановлено и производство в унтер-офицеры – вот выдержка из приговора полкового суда 9-го гренадерского Сибирского полка о рядовом 78-го резервного пехотного батальона «...потому суд приговорил подсудимого рядового Алексеева к аресту на хлебе и воде на три недели с увеличением обязательного пребывания в разряде штрафованных на один год и шесть месяцев и с лишением, на основании 598 ст. I кн. II ч. С. В. П. 1859 года, права быть произведенным в офицеры или унтер-офицеры, за исключением случая особого военного подвига...»¹.

Для более качественного исполнения унтер-офицерами своих обязанностей, военное министерство издавало для них немало различной литературы в виде методик, инструкций, наставлений. В рекомендациях унтер-офицеры призывались «выказывать подчиненным не только строгость, но и заботливое отношение», «не допускать в обращении с подчиненными раздражения вспыльчивости и окриков, а также держать себя на известном расстоянии с подчиненными», «учить своих солдат бережливости к военному имуществу», «быть примером в службе и внешней аккуратности». Призывали «помнить, что русский солдат в обращении с ним любит того начальника, которого считает своим отцом».

Обучение на курсах и в полковых школах приносило пользу. Среди унтер-офицеров было немало одаренных младших начальников, которые умело, в достойной и образной форме разъясняли своим подчиненным основы военной службы, ее ценности, понятие долга и обязанности.

Овладевая знаниями и приобретая опыт, унтер-офицеры становились хорошими помощниками офицеров в решении стоящих перед ротами и эскадронами задач, в частности, укрепления воинской дисциплины, проведения хо-

¹ Военный сборник. СПб., 1887. Т. CLXXVIII. С. 63.

зяйственных работ, обучению солдат грамоте, а новобранцев национальных окраин – знанию русского языка. Усилия приносили свои плоды – процент неграмотных солдат в армии сокращался. Если в 1881 г. их было 75,9%, то в 1901 г. – 40,3%¹.

Еще одним направлением деятельности унтер-офицерского состава, где они особенно преуспевали, явились хозяйственные работы, или, как их еще называли, «вольные работы». Плюсы состояли в том, что зарабатываемые солдатами деньги шли в полковую казну и даже часть – офицерам, унтер-офицерам и нижним чинам. Зарабатываемые средства улучшали солдатское питание. Однако негативная сторона хозяйственных работ была значительной. Выходило так, что вся служба многих солдат так и проходила в цейхгаузах, хлебопекарнях, мастерских. Солдаты многих частей, например, Восточно-Сибирского военного округа, нагружали и разгружали суда с тяжелыми интендантскими и инженерными грузами, исправляли телеграфные линии, ремонтировали и строили здания, выполняли работы при партиях топографов. «Все это было далеким от боевой подготовки и не могло не оказывать дурного влияния на ход воинского образования частей», – писал командующий войсками этого округа.

Как бы то ни было, унтер-офицерский состав русской армии сыграл свою положительную роль в подготовке, обучении и боеспособности войск в период середины XIX – начала XX в. Тот же Г.К. Жуков, который сам в 1914–1916 гг. был унтер-офицером, довольно высоко отзывался о русском унтер-офицерском корпусе и системе его подготовки. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» он говорил:

¹ Никульченко А. О средствах завести хороших унтер-офицеров // Ориентир. 2013. № 7. С. 77.

«Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу»¹.

Подготовка, обучение и воспитание личного состава в армии всегда представляла собой нелегкую задачу в военном строительстве. Унтер-офицерский состав с момента своего появления сыграл важную роль в обучении нижних чинов военному делу, поддержании порядка и дисциплины, образовании, нравственном и культурном их воспитании. На наш взгляд, трудно переоценить значение корпуса унтер-офицеров в русской армии в период середины XIX – начала XX вв. когда ему пришлось решать двуетадийную задачу – помощника офицера и роль ближайшего командира для нижних чинов, особенно в годы суровых военных испытаний. И он с этой задачей справился.

Таким образом, процесс формирования категории нижних воинских чинов в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. определялся географическим положением региона, внешнеполитической ситуацией, а также социально-экономическими и демографическими процессами, протекавшими в окраинном районе империи, интенсивно колонизируемом на рубеже веков.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 37.

ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И БЫТ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ

2.1. Условия действительной воинской службы

Повседневная жизнь солдата была всесторонне регламентирована уставом. Вставать они должны были за два часа до занятий, но не позднее 7 ч утра. Затем в течение часа они должны были привести в порядок свои постели, прибрать помещение, умыться и одеться. Солдатам вменялось в обязанность быть чистоплотными и аккуратными, они должны были посещать баню не менее двух раз в месяц, летом купаться, если была такая возможность, в естественных водоёмах. Ногти полагалось иметь остриженными, так же как и волосы, а бороду расчёсанной. Бельё предписывалось менять раз в неделю, портянки – два раза в неделю. После утреннего туалета происходило построение, осмотр нижних чинов начальниками отделений на предмет чистоты, болезней, содержания одежды и амуниции, чтение фельдфебелем приказов по части¹.

Рассмотрим повседневность нижних воинских чинов. Как справедливо указывал С.В. Карпущенко: «жилье, питание, денежное жалованье и одежда – это те киты, на которых держалось полковое хозяйство»².

Жилищные условия русской армии оказывали непосредственное влияние на ее формирование, обучение, дисциплину, способы довольствия и санитарную обстановку. Состояние условий жизнедеятельности русского солдата в этих отношениях имело не только военное значение, но и

¹ Устав о внутренней службе в пехотных войсках. – СПб., 1877.

² Карпущенко С.В. Как оберегали армию // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 10.

представляло вопрос государственной важности. Государство несло все денежные расходы по квартирному довольствию войск, а выбор системы квартирования отражался на государственном бюджете. В силу этого, квартирное расположение армии являлось вопросом первостепенной важности, как для государства, в целом, так и для русской армии, в частности.

Большинство нижних чинов российской армии проживали в казармах. Казарма – сооружение (помещение) для длительного размещения личного состава воинских формирований вооружённых сил, как правило, численностью до роты (эскадрона, батареи). Казармы были преимущественно барачного типа – с общим спальным помещением, а также бытовыми и служебными помещениями. Каждое казарменное здание или помещение занимает личный состав определённого подразделения.

Как отмечал А.И. Деникин, «жизнь казарменная носила различные черты, в зависимости от многих причин. От того округа, в котором располагалась часть... от рода оружия... от части, ее традиций, личности командира и т.д.»¹.

Внутренняя обстановка солдатских казарм была достаточно спартанской. Здесь, как правило, находилась самая примитивная мебель: нары, топчаны, позднее – кровати для солдат, шкафы и столики фельдфебелей, стойки для оружия, полки для вещмешков или ранцев. На стене размещался список нижних чинов, размещающихся в помещении, опись вещей, инструкции, в красном углу – образ святого – покровителя части. Вся амуниция, бельё, личные вещи нижние чины хранили в личных сундучках, которые располагали под кроватями или в проходах между ними, «...Если к перечисленным выше предметам прибавить библиотечные шкафчики, затейливые сосуды с кипяченой водой – в обычное время пустые, ружейные стойки и стенные

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 330.

ящики для револьверов, то этим исчерпывается обычное оборудование казармы»¹.

Вот как описывал типичные казармы офицер Генерального штаба Е.А. Никольский: «Казармы строились и тем более нанимались у частных лиц возможно меньшего объема, причем преследовалась экономия в наемной плате, в отоплении и в освещении. Обыкновенно не было даже помещений для занятий словесными науками и обучения солдат грамоте, уставам. Занятия проводились прямо там, где они спали, солдаты при этом сидели группами на своих кроватях. Казарма состояла из одного большого помещения, в котором солдаты проводили все свое время занятий и отдыха, и двух отдельных комнат, из которых в одной помещался ротный цейхгауз, а в другой фельдфебель и ротная канцелярия. Иногда встречались небольшие комнаты для ротных мастерских»².

Далеко не лучшее состояние многих казарменных зданий определялось различными факторами и причинами, такими как, например, нехватка казенных сумм, выделяемых войскам для найма помещений, отсутствие в местах расквартировки подходящих зданий, позиция городского самоуправления, на которое была возложена обязанность по воинской квартирной повинности, т.е. возмещение расходов по содержанию, ремонту, освещению и отоплению воинских помещений.

О.В. Гефнер отмечает, что из-за проблем, связанных с расквартированием войск в регионе, нередко возникали трения между военным командованием и городскими властями, в силу того, что квартирное довольствие войск осуществлялось за счёт казны, однако отвод помещений войскам был возложен на городское самоуправление. Размеры ассигнуемых сумм (квартирные оклады) устанавливались

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 334.

² Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 37.

законодательно, однако эти суммы не всегда соответствовали реальной стоимости жилья. В таких случаях городам вменялось в обязанность из своего бюджета компенсировать разницу стоимости расквартирования войск. Городские власти, конечно, не всегда имели возможность и желание бесплатно отводить земли под военные постройки или отдавать военному ведомству помещения под казармы за плату ниже рыночной стоимости, а тем более строить за свой счет новые казармы. По этим проблемам зачастую велись долгие переписки и согласования между военным ведомством и городским самоуправлением, и решались эти вопросы с разным успехом¹.

Так, например, расходы по квартирной воинской повинности в бюджете города Омска составили в 1901–1910 гг. 2,5%², Тюмени в 1895–1903 гг. – 3,6%³.

До конца XIX в. военные в Барнауле размещались в плохо приспособленных помещениях на ул. Петропавловской (совр. Ползунова) и Иркутской (совр. Пушкина). В 1875 г. было принято решение о строительстве военного городка, для чего военному ведомству был отведен участок земли, принадлежавший Кабинету Его Императорского Величества. Участки земли по ул. Петропавловской и Иркутской должны были вернуться в ведение Кабинета. Территория, предназначенная для строительства казарменных зданий, располагалась в северной периферийной части города,

¹ Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 140.

² Краткий историко-статистический очерк г. Омска. Омск, 1911. С. 4–6.

³ Стефашов А.Е. Расходная часть бюджета уездного города (на примере города Тюмени Тобольской губернии в 1895–1913 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. С. 190.

в квартале между ул. Коряковской (Партизанской) и 2-й Алтайской (Чкалова), Московским проспектом (проспект Ленина) и переулком Мостовым (проспект Комсомольский), на пересечении Московского проспекта и Томской почтовой дороги, рядом с Городской рощей¹.

В целом же, нижние чины жили в суровой и бедной обстановке. Так, сохранилось достаточно много документов о «неудовлетворительном расквартировании» войск в Сибири в городских казармах в начале XX в. Обстановкой казарм служили всего лишь деревянные нары с соломенными тюфяками и соломенным же подушками, к которым наволочек не полагалось.

Укрывались солдаты обычно шинелями. В. Гиляровский приводит такую солдатскую шутку:

«– Солдатик, ты на чем спишь?

– На шинели.

– А укрылся чем?

– Шинелью.

– А в головах у тебя что?

– Шинель.

– Дай мне одну, я замерз.

– Да у меня всего одна!»².

Снабжение войск одеялами и постельным бельем было организовано только в 1905 г., что оказалось «одним из «завоеваний» первой революции»³.

Вот как описывает казарменные условия современник: «Спали солдаты или на общих нарах, или, если полк имел достаточные экономические суммы, на отдельных койках. Отпуска от казны на койки не было, также как и на подушки, одеяла и постельное белье – это солдаты имели, если

¹ Чернобаева К.В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле // Вестник ТГАСУ. 2016 № 1. С. 40.

² Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 78.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 331

могли, собственное. Полки, если экономические суммы были достаточными, заводили одеяла. Экономические суммы образовывались главным образом из сбережений остатков от продовольствия, отпускавшегося непосредственно интендантством, экономии на освещении казарм и их отоплении. Обыкновенно после занятий, т.е. в пять часов дня, в помещениях царил полумрак, так как горело самое ограниченное число ламп. Так же было и в холодное время года – печи топились не все, а по очереди, а между тем отпуск денег на отопление производился по расчету всех печей и на все холодные дни. Вообще, в старых полках быт солдата был обставлен гораздо лучше, нежели в полках новых формирований, каковых, однако, в последнее время было большинство»¹.

А.И. Деникин отмечал: «...на всех долготах и широтах, во всех концах необъятной России казарма имела много черт общих, неизменных или очень медленно менявшихся. Ибо быт солдатский, помимо технических особенностей военной службы, являлся неотделимой частью народного быта, отражая в себе ступени культурного развития народа, его потребностей, привычек, домашних, общественных и социальных отношений»².

Большинство нижних чинов региона проживало в казармах, но иногда они могли расселяться и на обывательских квартирах в городе. Летом воинские части обычно выводились в лагеря (отсюда – Лагерный сад в Томске³). Семейные нижние чины пользовались правом получения квартирных денег. Отсутствие достаточного количества казар-

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 38.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 330.

³ Лясоцкий И. Прошлое Томска (в названиях его улиц, построек и окрестностей). Томск, 1952. С. 12.

менных зданий создавало серьезную проблему для российской армии, оказывало негативное влияние на условия быта нижних чинов.

Необходимо отметить, что в Сибири, в частности в Омском военном округе, положение с расквартировкой нижних чинов было лучше, чем в европейской части страны. Так, например, в 1880 г. практически все войска округа были расквартированы в казармах, в то время как в Харьковском военном округе всего 23%, в Киевском – 26,6%¹. Командующий округом генерал-лейтенант Г.В. Мещеринов отмечал, что в округе было 46 казарм (17 каменных, 5 сыровых, 4 земляных, 20 деревянных), при этом: «Казарменные помещения инженерного ведомства можно признать удовлетворительными, исключая казармы в Зайсанском посту и в Акмолинске, которые тесны, сыры и холодны... Казармы гражданского ведомства, в которых помещаются некоторые части местных войск Тобольской и Томской губерний, также удовлетворительны, кроме казарм, занимаемых Тобольским местным батальоном и Барнаульской местной командой. Первые до такой степени ветхи, что пребывание в них нижних чинов не только не удобно, но даже опасно»².

Осмотр войск Сибирского военного округа, произведенный в 1899 г. военным министром А.Н. Куропаткиным, показал следующую картину: «Размещение войск не всюду удовлетворительное; есть казармы очень хорошие..., но есть и очень плохие – как, например, в Петропавловской местной и конвойной командах и в Томском резервном батальоне». По отзывам министра, в Омском резервном батальоне «помещения батальона хорошие, светлые, простор-

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 270.

² Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 65–66.

ные, хотя не все еще должным порядком отремонтированы». Омская дисциплинарная рота «содержится в отличном порядке; помещения просторные и содержатся в большом порядке и безукоризненно чисто. Рота имеет прекрасную светлую церковь, столовую и зал для гимнастики и занятий». В то же время в Петропавловской местной и конвойной команде помещения «совершенно запущены; полы частично сгнили, так что видна земля; на стенах замечена сырость; вентиляция в казармах не устроена...»¹.

Украшение и благоустройство казарм было предметом соревнования командиров и поощрения начальства. Думали при этом и о солдатском уюте, но и желание отличиться перед вышестоящими было немаловажным. В этой сфере необходима была большая изобретательность, т.к. на казенные средства рассчитывать особе не приходилось. Тем не менее, как писал А.И. Деникин: «роты, батареи, эскадроны умудрялись создавать подобие уюта. В редкой части не было в красном углу божницы или киота с неугасимой лампадой; по карнизам – выведенные своим доморощенным художником суворовско-драгомировские² афоризмы; стены увешаны щитами со списком Георгиевских кавалеров и павших в боях... Этого рода графике придавалось всегда большое воспитательное значение; и редко случалось, чтобы на смотре или при обходе казарм начальник не спросил солдат о содержании картин. И редко при этом не происходило курьёзов...»³.

Вольноопределяющиеся также жили в казармах, но обычно имели лучшие условия, чем прочие. В. Гиляровский

¹ Цит. по: Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 139–140.

² Речь идет о публикациях военного психолога М.И. Драгомирова – *авт.*

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 332.

писал: «Нам отвели в конце казармы нары, отдельные, за аркой, где с нами вместе помещались также четыре старших музыканта из музыкантской команды и барабанщик Шлема, который привязался к нам и исполнял все наши поручения, за что в роте его и прозвали «юнкарский камчадал». Он был весьма расторопен и все успевал делать, бегал нам за водкой, конечно, тайно от всех, приносил к ужину тушеной картошки от баб, сидевших на корчагах, около ворот казармы, умел продать старый мундир или сапоги на толкучке, пришить пуговицу и починить штаны. Платье и сапоги мы должны были чистить сами, это было требование Вольского (ротного командира – *авт.*). Помещались мы на нарах, все вповалку, каждый над своим ящиком в нарах, аршина полтора шириной. У некоторых были свои, присланные из дому, подушки, а другие спали на тюфяках, набитых соломой. Одежда была только у тех, кто получал их тоже из дому, да и они то исчезали, то снова появлялись. Шлема по нашей просьбе иногда закладывал их и снова выкупал. Когда не было одеяла, мы покрывались, как и все солдаты, у которых одеял почти не было, своими шинелями»¹.

А.И. Деникин писал: «В казарме тесно. Тут же – умывальники и гимнастические приборы. На время занятий топчаны ставятся друг на друга в несколько ярусов. Особенно тесно стало после реорганизации 1910 г., когда состав многих пехотных дивизий возрос чуть ли не в полтора раза, и квартирный вопрос принял, поэтому, острые формы»².

В начале XX в., в особенности после русско-японской войны 1905–1907 гг., руководству армии становится ясно, что условия расквартирования войск, а, значит, обеспечение правильного обучения, дисциплинарного надзора, политической благонадёжности, здоровья не соответствуют современным требованиям. В силу этого повсеместно, в том

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 77–78.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 330.

числе и в Западной Сибири начинается строительство специальных военных городков.

Рис. 14. Казармы Барнаульского полка, 1903 г.

Так, например, в Барнауле, начиная с 1900 и вплоть до 1909 г. в северной на тот момент окраине города рядом с городской рощей был построен комплекс военных зданий, предназначенных для 12-го пехотного Сибирского резервного Барнаульского полка. Военный городок включал в себя казармы для нижних чинов, квартиры для офицеров, здания офицерского собрания и канцелярии, баню, хлебопекарню, столовую, погреба для овощей и патронов, мастерские, конюшню, кузницу, колодец, пожарное депо, полковую Никольскую церковь и другие постройки.

Военный городок в Барнауле был полностью автономным, с развитой инфраструктурой и полным инженерно-техническим обеспечением. В Барнауле в конце XIX – начале XX в., так же, как и в других городах Западной Сибири, отсутствовал водопровод, поэтому водоснабжение казарменных зданий осуществлялось из каменного колодца. Для отопления казарм использовали разработанные Главной казарменной комиссией круглые в железных футлярах печи простой конструкции, предназначенные как для дров, так и для минерального топлива. Для вентиляции, кроме окон и простых форточек, применяли выюшечные дверцы, при которых устанавливали вытяжку воздуха из помещений в трубу. В хлебопекарне была установлена печь системы генерала Г.Р. Васмунда¹.

В Томске в 1911– 1913 гг. рядом с железнодорожной станцией по Иркутскому тракту был возведён военный городок для 42-го Сибирского стрелкового полка. На территории городка были расположены солдатские казармы со столовыми и кухнями, хлебопекарня, баня с прачечной, приёмный покой с аптекой, конюшня, кузница и мастерские, здание учебной команды с классами для занятий, канцелярия, павильон для хранения нот и музыкальных инструментов, комфортабельные офицерские квартиры.

В Новониколаевске в 1910–1913 гг. в Закаменской части города на левом берегу реки Каменки был построен военный городок, на территории которого разместился 41-й Сибирский стрелковый полк, 2-я Сибирская артиллерийская бригада и 1-й Сибирский артиллерийский дивизион. В городке были возведены офицерские квартиры и казармы для нижних чинов, госпиталь, хлебопекарня, баня, здания

¹ Чернобаева К. В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле // Вестник ТГАСУ. 2016. № 1. С. 43.

офицерского собрания, канцелярии, церковь, различные хозяйственные постройки¹.

В Омске в 1909–1916 гг. за городом близ вокзала также был возведён военный городок для 44-го Сибирского стрелкового полка².

Эти новые военные городки имели современную развитую инфраструктуру, полное инженерно-техническое обеспечение для комфортного проживания и исполнения служебных обязанностей военнослужащих. Военные городки становились неотъемлемой частью городов региона.

Питание нижних воинских чинов, безусловно, одно из важнейших условий обеспечения боевой подготовки и боеспособности войска. Понимание этого обстоятельства приводило к тому, что организация питания солдат в XIX – начале XX в. всегда привлекала внимание специалистов: «от пищи и ее качества, зависит, без сомнения, здоровье солдата, заботливость о котором всецело лежит на ротном командире и его помощниках, поэтому самый важный отдел ротного хозяйства составляет продовольствование нижнего чина»³.

В первой половине XIX в. в мирное время государство обеспечивало нижних чинов только мукой и крупой, в организации же питания главную роль играла солдатская артель, о которой пойдет речь чуть ниже.

Значительная реорганизация всего военного дела после Крымской (Восточной) войны не могла не затронуть и продовольственное дело. В результате во второй половине

¹ Чернобаева К. В. Комплексы зданий военных городков в Томске и Новониколаевске (1913 г.) // Баландинские чтения. 2014. № 1. С. 375–385.

² Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 140–141.

³ О провиантском довольствовании в ротных артелях // Военный сборник. 1874. № 4. С. 362.

XIX в. многие современники отмечали значительное улучшение питания нижних чинов русской армии¹.

Во второй половине XIX в. продовольственное обеспечение солдат от казны складывалось из 1) провианта и 2) приварочных денег. Провиант – это продукты, отпускаемые в натуральном виде: мука – 2 фунта 25,5 золотников (928 г) и крупы – 32 золотника (138 г) в день на человека. Приварок выплачивался деньгами, суммы которых зависели от текущих цен в местности дислокации. Приварок должен был обеспечивать приобретение S (с 1905 г. – s) фунта (1 фунт – 410 г) мяса в день на солдата, какое-то количество овощей и приправ, а с 1905 г. – чая и сахара².

Вот как характеризовал питание нижнего чина современник: «На продовольствие в распоряжение полка ему отпускалась стоимость 1/2 фунта мяса с костями и салом, которого полагалось 6 золотников³ в сутки и, кроме того, стоимость некоторого количества зелени – все по расчету на местные справочные цены продуктам. Вообще, весь отпуск на продовольствие солдата не превышал 7–9 копеек в сутки. Интендантство не в зачет отпускало ржаную муку и крупу гречневую и пшеничную по расчету 2,5 золотника муки и 32 золотника гречневых или ячневых круп на человека в сутки. Вот и все, что давало правительство солдату; не было отпуска ни чая, ни сахара, ни кофе, ни масла, ничего вообще более»⁴.

В Сибири были свои особенности. Например, в конце XIX в. нижние чины Омского резервного батальона получали в день по S фунта мяса (примерно 200 г), 3 фунта хлеба

¹ Баяндин В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 70.

² Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 142.

³ Золотник – русская мера веса – 4,26 гр., т.е. 6 золотников – чуть более 25 гр.

⁴ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 36.

(1,2 кг)¹; Омской конвойной команды – s фунта мяса (300 г); Томского резервного батальона – 5/8 фунта мяса (250 г), 3 фунта хлеба (примерно 1,2 кг)².

Вот как определялись размеры продуктового довольствия нижних чинов в «Военно-хозяйственном календаре на 1913 г.: на 1 солдата в день полагалось: печеного хлеба – 3 фунта, крупы – 32 золотника (136,5 гр.), чая – 0,48 золотника (2 гр.), мяса – s фунта, сахара – 6 золотников (25,6 гр.), на закупку овощей и прочих продуктов – 2,5 коп.³

Чайное довольствие (деньги на чай и сахар) было установлено только в 1905 г. приказом по ВВ № 769. Этим же приказом устанавливался особый денежный отпуск на покупку посуды и угля для приготовления чая в размере 5 коп. в год на человека.

Для каждой местности устанавливалось 3 вида оклада: обыкновенный, уменьшенный и увеличенный. Уменьшенный оклад составлялся из стоимости 3/4 фунта мяса и 1j коп. на соль и прочее. Увеличенный оклад был больше обыкновенного наполовину⁴.

При недостатке или дороговизне ржаной муки она заменялась пшеничной в равном весе. Крупа обычно давалась гречневая, пшенная или ячневая, но могла быть заменена пшеничной или рисовой. Выдача муки или хлеба или сухарей была одинакова везде, но части войск, получавшие от интендантства провиант в хлебе, а не мукою, получали дополнительно по 3 фунта муки на человека в месяц для приготовления кваса⁵.

¹ Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907.

² Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 66.

³ Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. СПб., 1913. С. 127.

⁴ Военная энциклопедия. Т. IX. СПб., 1912. С. 151.

⁵ Баяндин В.И. Питание русского солдата... С. 72.

О квасе стоит упомянуть особо. Современник писал: «Хотя и существует основание о непременном приготовлении в частях войск кваса, но таковой варится далеко не везде, да и пьют его не все. Люди, привыкшие к чаю, квас вовсе не употребляют... Квас варится больше для смотров. Между тем мука, долженствующая поступить на квас, который не варится, остается в экономии рот, и не было в примере, чтобы на эти остатки приобретали чай и сахар, хотя бы для бедных нижних чинов роты»¹.

Питание было двух- или трехразовым и разносолами не отличалось, хотя и было достаточно калорийным: утром – чай с черным хлебом, в обед – борщ или суп с полуфунтом мяса или рыбы и каша, на ужин – жидкая каша, заправленная салом². В обычном рационе солдата были суп с мясом или рыбой (уха, щи, гороховый) и каша (гречневая, овсяная, ячневая) на обед; суп или каша на ужин; хлеб; квас.

Офицер Е.А. Никольский в своих мемуарах так описывал питание нижних чинов во время его службы в Польше: «Встав утром, солдат пил, если имел свои деньги, собственный чай с небольшим кусочком своего сахара с черным казенным хлебом, которого ему отпускалось по расчету 3 фунта на человека. Если солдат денег не имел, то он пил одну горячую воду с хлебом зимой, когда была необходимость согреться хоть немного, встав с холодной постели. Но не во всех частях войск солдат получал свои 3 фунта хлеба на руки и мог его есть, когда хотел. В войсковых частях, в которых командиры соблюдали особенную экономию, применялось так называвшееся «довольствие с лотка». При этом способе солдатам отпускалось хлеба не по 3 фунта каждому в руки, а во время еды резали хлеб на куски. Солдаты брали из общей массы столько, сколько хотели. Редко

¹ Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 352.

² Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 85.

кто из них при таком порядке был в состоянии съесть свои 3 фунта, часть хлеба не съедалась и получалась немалая экономия муки, за которую интендантство возвращало полку деньгами, поступавшими в полковые экономические суммы. Зато у солдата не оставалось хлеба для утра. Нормально в армейских частях, расположенных в провинции, даже в специально построенных казармах не было отдельных помещений для столовых»¹.

В 12 часов, после коллективной молитвы солдаты обедали. Мясную порцию и хлеб они получали каждый отдельно, а каша или суп наливались в общую миску на 4–6 чел.

Вот характеристика пищи от лица солдата: «Меню солдатского обеда. Всем известно, что однообразная пища недостаточно здорова человеку. Несмотря на это, у русского солдата всегда одно меню: сегодня щи да каша, а завтра – каша да щи, впрочем иногда бывает суп «брандахлыст». Ужин – пресловутая кашница «бурда». Ни утреннего чая, ни завтраков русский солдат не получает. Изволь до 12 часов (время обеда) голодать или глотать сухую корку хлеба. По праздникам ... варится вермишель. Это блюдо русским солдатам не всегда нравится, зато администрация более сочувствует ему. Так как капуста попадает всем в одной мере, тогда как вермишель попадает больше начальству»².

Офицер Е.А. Никольский писал так: «В двенадцать часов дня был обед. Солдаты шли вразброд на кухню с котелками и получали щи или суп с крупой и зеленью, порцию вареного мяса, состоявшую из небольших кусочков, нанизанных на палочку, и кашу с салом. Обед не был разнообразным. Супы – борщ, щи или картофельный, каши – гречневая или ячневая. Вот и все меню солдатского обеда. В по-

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 37.

² Кочергин П. Нужды русского солдата... С. 353.

сты Рождественский и Великий мяса не давалось, отпускалось на каждого для супа 1/2 фунта рыбы сушеной или соленой. Обыкновенно вобла или судак. На ужин в шесть часов солдаты получали остатки, если были, супа от обеда, и кашу. Вот и все, чем кормили нашу армию»¹.

Каждый солдат имел свою деревянную ложку, которую носил за голенищем сапога.

В 19 часов солдаты ужинали, а около 21 часов проводилось вечернее построение, повзводная переключка, читалась молитва «Отче наш» вслух одним из назначенных нижних чинов, затем распределялись наряды на следующий день. В 21 час солдаты могли ложиться спать, но не запрещалось, соблюдая тишину, заниматься своими делами до 23 часов.

Как писал А.И. Деникин: «Полная мирная дача, применительно к установленной свыше «нормальной раскладке», по числу калорий, а в последние годы и по сравнительному разнообразию пищи была вообще удовлетворительной. Если возникали нарекания, то, главным образом, на несоответствие в некоторых пунктах приварочных окладов по местным ценам, а в северных областях – на недостаток жиров. Во всяком случае, солдатская пища была многим питательнее, чем та, которую большинство солдат имело дома»².

Нужно отметить, что в праздники, например, на Пасху, Рождество, полковые и ротные праздники нижние чины получали улучшенный рацион. В эти дни дозволялось расходовать на питание в три раза больше, чем в будни. Постные дни, а их было у православных достаточно много, также соблюдались, во время поста дозволялась лишь постная пища. Так как воинская служба нередко требовала от солдат значительного расхода сил, то с разрешения вышестоящего начальства разрешалось готовить для нижних чинов скоромную пищу и в постные дни.

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 37–38.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 336.

Интересен вопрос о винной порции или «чарке»¹. Порция спиртного выдавалась всем нижним чинам на Пасху и Рождество. До 1886 г. постоянная казенная «чарка» выдавалась в некоторых местностях Казанского, Сибирского и Кавказского округа. В других, и до того, и позже – только в ознаменование табельных дней и войсковых праздников, как награда за удачный смотр или маневр. Вот как это происходило: «Бывало, фельдфебель самолично, словно священнодействуя, разводит в деревянной кадке спирт... и потом солдаты, выстроенные в затылок, подходят прикладываться, без закуски, вытирая рот рукавом. Пьяницы старались обмануть фельдфебельскую бдительность и «вздвоить», а непьющие, в особенности молодые, проглатывали иногда чарку с отвращением, боясь насмешек»².

Постепенно, под воздействием общественности и врачей от этой практики стали отказываться. В 1899 г. частным распоряжением командующего Сибирским округом запрещена была продажа водки в солдатских лавках. В 1902 г. ряд ограничительных мер было введено Уставом внутренней службы. Наконец, «Высочайшим приказом» 1908 г. историческая «чарка» была отменена.

Западная Сибирь была регионом с достаточно низкими ценами на продовольствие, и поэтому суммы, выделяемые на провиант и приварочное довольствие для солдат округа, были самыми маленькими и составляли в 1906 г. 24 руб. в год (10 – приварочных, 14 – провиантских) на одного нижнего чина (для сравнения в целом по всем военным округам – 35,8 руб., наибольшая сумма в Приамурском – 62 руб., в Петербургском – 42, Московском и Кавказском – 41 руб.)³.

Итак, суточная норма потребления мяса в армии – это говядина без костей, – для нижнего чина составляла

¹ Чарка – русская мера емкости жидких тел, равная 0,123 л.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 338.

³ Баяндин В.И. Питание русского солдата... С. 73.

с фунта (чуть более 300 г). Так как строевая рота того времени состояла из 240 нижних чинов, на сутки роте требовалось около с центнера мяса.

Нужно отметить, что от бычка весом в 200 кг получали примерно 100 кг мяса на костях. Чистой мякоти было меньше на 10% (за вычетом собственно костей, осердия, ливера). В итоге можно сказать, что строевой роте в день надо было минимум одного бычка, а в год же – примерно почти 300 голов крупного рогатого скота. Этот скот необходимо было где-то закупить, забить, после чего туши складировать, транспортировать, сохранить и выдать для приготовления. Этими проблемами занималась интендантская служба русской армии¹.

Когда мясо попадало в роту, именно на ротном уровне происходило распределение до конечных потребителей – солдат. Главным организатором в этом являлся каптенармус, который отвечал за распределение продовольствия, состояние обмундирования, обеспечение фуражом, хранение и состояние личного оружия солдат. Должность каптенармуса соответствовала должности старшего унтер-офицера. Главное – каптенармус следил за правильным распределением всех видов довольствия для каждого солдата.

Вместо мяса могли выдать примерно 300–350 г. консервов. О консервах стоит рассказать особо. Первая крупная консервная фабрика в России была основана французским гражданином Франсуа Степановичем Азибером в 1862 г. До этого времени производства консервов в стране практически не было. Первоначально фабрика производила консервы из зелени и овощей, которые продавала частным потребителям. Первые опыты поставки консервов в армию от-

¹ Что ел и что пил русский солдат в начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aleks070565.livejournal.com/4405667.html>

носились к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., когда консервами снабжались полевые госпитали и лазареты, за что основатель фабрики был удостоен знака Красного Креста. После ряда успешных опытов, в том числе и во время других военных компаний, в 1886 г. фабрика получает крупный заказ от Военного Министерства, после чего полностью переключается на государственные заказы¹.

В начале XX в. главным, практически монопольным поставщиком мясных и мясо-растительных консервов для всей русской армии был наследник основателя дела – фабрикант Арман Францевич Азибер. Судя по всему, он обладал недюжинным талантом предпринимателя. Ведь военное ведомство получало большое количество предложений на поставки консервированной продукции со всего мира – из Англии, Германии, Америки. Но практически всегда вердикт военных гласил: «...представленные консервы не соответствуют традициям вкуса русского солдата».

Для нужд армии выпускалось несколько видов мясных консервов: «жареная говядина», «рагу (гуляш) из говядины», – и мясорастительные: «щи с мясом», «горох с мясом». Для производства мясных консервов в начале XX в. века использовалось чистое мускульное мясо. Для приготовления жареной говядины выбирались лучшие части мяса первого сорта, т.е. задних частей туши, а из второго сорта – только средние части лопаток. Все прочее мясо туши шло для варки и добавлялось в мясорастительные консервы и рагу.

¹ Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы. Иллюстрированный альманах. СПб., 1903. С. 20.

Рис. 15. Консервированные щи для войск

В приготовлении консервов того времени употреблялся термин «жаренье мяса», а не «тушение». Именно это отличает их от современной «тушенки». Для получения современной «тушенки» мясо в банки закладывается сырым и уже в банках доводится до готовности.

Мясные консервы расфасовывались в жестяную банку цилиндрической формы (тогда ее называли «жестянка»). В инструкции по использованию консервов рекомендовалось осматривать жестянку перед употреблением. Срок хранения консервов определялся очень просто: «пока не проржавеет жестянка»¹.

¹ Что ел и что пил русский солдат в начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aleks070565.livejournal.com/4405667.html>

Зачастую у солдат образовывались излишки хлеба, которые они продавали горожанам, а затем покупали на вырученные деньги нужные им вещи: «3-х фунтов печеного хлеба нижним чинам вполне достаточно, у многих даже образуется остаток. Солдат, имеющий большую нужду, несёт его на рынок и продает за 5–10 копеек ... Получить за хлеб в месяц 20–25 копеек считается за великое счастье – солдат обеспечен и ваксой, и спичками, и махоркой»¹.

В воинских частях сметливые солдаты и заботливые командиры изыскивали различные возможности улучшить питание солдат. Одним из таких способов было заведение огородов. Уже в 1860-е гг. на страницах военной печати высказываются предложения разнообразить питание нижних чинов за счет разведения огородов, чтобы выращивать овощи для солдатского стола².

Разводить огороды разрешалось только в гвардии и местных войсках, так как они имели постоянное место дислокации, в полевых войсках огороды разрешалось заводить только в Кавказском, Туркестанском, Омском и Восточно-Сибирском округах. Пользуясь таким разрешением, например, командование Омского резервного батальона выхлопотало у городских властей землю вблизи своего лагеря, где солдаты выращивали овощи – картошку и капусту, улучшая тем самым рацион³.

Ещё один способ улучшить питание солдат, который был распространён в Западной Сибири, – покупка скота гуртом за относительно небольшую плату в зимнее время, употребление в пищу и заготовка впрок мяса, а затем продажа

¹ Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 351.

² Брандт П. Полковое и ротное хозяйство // Военный сборник. 1863. № 1. С. 98.

³ Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 142.

шкур, сала по цене, зачастую превышающей сумму, затраченную на приобретение живности. В Омске солдаты получали ещё и доход от этого – по 15 коп. серебром на руки¹.

Питание нижних чинов являлось особой заботой командования, в воинских частях регулярно проводились пробы пищи. Например, 21 марта 1888 г., по приказанию командующего войсками округа, состоявшими при нем офицерами был проведен контроль солдатского рациона в Омском гарнизоне. Проверяющими был сделан вывод, сто «горячая пища – вполне удовлетворительна. Квас в 1-й и 2-й ротах Омского резервного батальона – жидок»².

Как справедливо отмечал А.И. Деникин: «Солдатский желудок всегда был предметом особенной заботливости начальников всех степеней и чувствительным барометром солдатских настроений. Недаром в старину все солдатские бунты начинались обычно с опрокидывания ротных котлов. Тухлая говядина или заплесневевшие сухари чаще всего бывали поводом к проявлению недовольства, имевшего несравненно более сложные причины»³.

В организации питания солдат главную роль играла солдатская артель. Солдатская артель возникла благодаря стремлению, как самих солдат, так и командования улучшить и удешевить продовольственное обеспечение нижних чинов. Лишения армейской жизни подталкивали солдата к тому, чтобы воспроизвести деревенское общество в иной форме. Поэтому в жизни солдата весьма большое значение имела солдатская артель. Обычно она соответствовала взводу из 20–30 чел., во главе ее стоял избранный солдатами артельщик, чаще всего из числа грамотных солдат.

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 181.

² Приказание по войскам Омского военного округа № 5. 5 апреля 1888 г. Омск, 1889.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 335.

Военная артель, структурой напоминавшая сельскую общину, возникла под давлением обстоятельств и взяла на себя, прежде всего экономические функции. Артельная система организации жизни нижних чинов была причиной тому, что в армии царя атмосфера сплоченности и взаимной солидарности.

По мнению Б.Н. Миронова, среди русских артель: «...мы встречаем всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне ... общин. Артель адаптировала, общинные принципы и порядки к особенностям этой деятельности: солдаты создавали артели в армии, чтобы обеспечить себя продовольствием и деньгами для удовлетворения служебных и личных нужд»¹.

Достаточно широкое распространение получила практика так называемых «вольных работ» нижних чинов в летнее время. Солдаты, отпущенные командованием, занимались за поденную плату сбором урожая, кошение сена, заготовкой дров, строительством, ремесленными работами. Заработанные деньги поступали в артельные суммы частей, или раздавались нижним чинам на руки².

Обычно в 1880–1890-х гг., по окончании летних лагерных сборов все войска увольнялись на месяц или на два на вольные работы, «представляющие для нижних чинов отдых от продолжительных военных упражнений и дающих им возможность заработать некоторую сумму денег для удовлетворения различного рода мелочных потребностей, на которые не существует отпуска от казны»³.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 525–526.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 67.

³ Русская военная сила. Вып. XI: От введения общеобязательной воинской повинности до настоящего времени. М., 1890. С. 217.

Сезон заработков продолжался чаще всего с конца июля до середины сентября. В казарме оставлялся минимум личного состава для несения караульной и внутренней службы, на них тоже распространялись заработанные деньги. Работу нередко находил командир роты лично или через доверенных нижних чинов. На работы отправлялись группы от 3 до 25 солдат или поодиночке. Из заработанных «вольными работами» 1/3 денег поступала в артельные суммы, 1/3 выдавалась на руки непосредственно работавшим, 1/3 – распределялась между всеми нижними чинами роты¹.

Организационно артель существовала потому, что каждый нижний чин армии питался не отдельно, а вместе со своими сослуживцами. Современник так определял причины существования солдатской артели: «Как бы ни стояли низко цены на съестные припасы, продовольствоваться на те деньги, которые наш солдат получал от казны, каждому отдельно не представлялось возможности, тем более что имея надобность на то же жалованье приобретать некоторые необходимые для его обихода мелочные предметы, он не мог все свое жалованье издерживать на одно продовольствие. Естественным следствием такого положения было образование солдатской артели – явление очень обыкновенное у русских в подобных обстоятельствах»².

Финансовые поступления артели складывались из следующих источников:

- деньги, выделяемые Военным министерством на мясные порции и соль для солдат;
- вычеты из денежного жалованья нижних чинов, производимые с их согласия;

¹ Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2015. . 597.

² Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 180.

– экономия, которая могла появляться при довольствовании солдат от обывателей, когда на их квартирах размещались военнослужащие;

– отчисления с заработка нижних чинов на вольных работах¹.

В основном артельные суммы образовывали приварочные деньги, добровольные отчисления нижних чинов со своего жалования и с заработков на вольных работах. На эти деньги затем приобретались продукты для приготовления пищи.

Из-за дешевизны цен на продукты нижние чины, служащие в Западной Сибири, вносили небольшие взносы в артель по сравнению с солдатами, проходящими службу в другой местности. Так, в середине XIX в. солдат сибиряк вносил в артель 15 коп. серебром в треть года, в то время как служащий в Закавказье – 1 руб. (разница почти в семь раз)².

Солдатская артель, даже если располагала примерно одинаковыми суммами, имела очень разные возможности, в зависимости от региона дислокации. В некоторых военных округах средств было едва достаточно на покупку сала или масла к каше. В других же, артель имела возможность доставлять вполне достаточное снабжение продовольствием. Так, на востоке империи при тех же самых артельных суммах ситуация с продовольственным обеспечением была достаточно благополучна.

Так, сибирские регулярные войска, квартируясь постоянно в одной местности, пользовались местной дешевизной

¹ Баяндин В.И. Питание русского солдата... С. 69.

² Военный сборник. 1861. № 2. С. 89.

продуктов¹ и имели за незначительный взнос в артель достаточно хорошую пищу, причем мясо постоянно присутствовало в их рационе.

Готовили пищу и пекли хлеб сами солдаты – кашевары и хлебопёки. Хлеб пекли в местах постоянной дислокации, в русских печах, из ржаной муки, дрожжей, соли (без яиц и масла). Ржаной хлеб выходил дешевле и имел больший припек – вес печеного хлеба был на треть больше веса муки. Для выпечки использовалась ржаная мука среднего помола. Вымешанное тесто формовали в виде шара и ставили в русскую печь. Весь процесс приготовления хлеба занимал примерно 34 часа.

Из такого же хлеба в русской печи сушили сухари, которые выдавались солдатам в походных условиях. Надо отметить, что для питания солдат сухари выдавались лишь в самом крайнем случае, так как их частое и обильное использование могло привести к негативным последствиям, – т.н. «сухарному поносу».

Если говорить о походном довольствии русского солдата, то стоит упомянуть о сухом пайке: пехотинцу в походе на день полагался фунт (около 410 граммов) отварной говядины, которую он брал с ночлега. Также в сухой паек входили 2 фунта сухарей из расчета на 2,5 дня, 12 золотников соли (50 граммов) и семисотграммовая фляжка воды².

Походных кухонь долго не было. Военное ведомство еще с конца XIX в. неоднократно проводило конкурсы для создание полевых кухонь. Однако представляемые кон-

¹ Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014. С. 131–160.

² Что ел и что пил русский солдат в начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aleks070565.livejournal.com/4405667.html>

струкции не отвечали требованиям военных. Самой удачной в итоге была признана «военно-походная кухня – «самовар» конструкции Турчанинова (1904 г.).

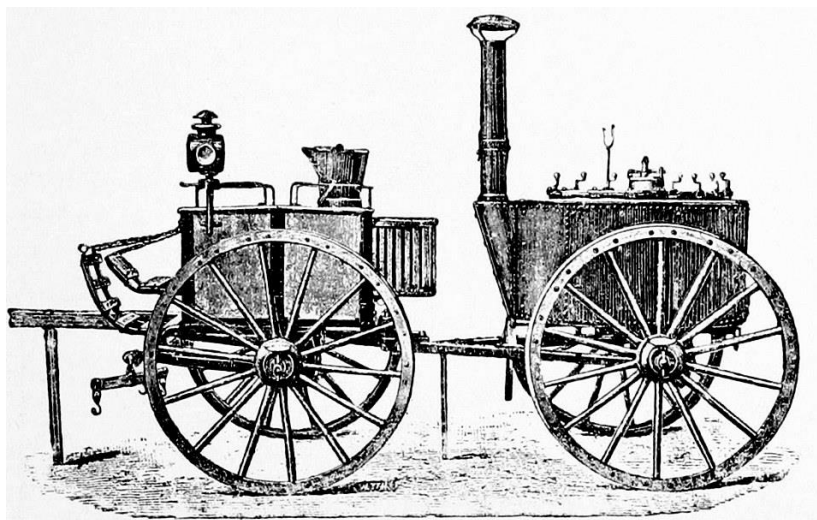

Рис. 16. Военно-походная кухня – «самовар»
Турчанинова, 1904 г.

Уже в 1905 г. кухня начала производиться серийно и поставлялась на театры русско-японской войны (в 1907 г. была запатентована). Конструкция была удачной: кухня имела 2 котла, расположенных на одноосной повозке. Каждый котел имел самостоятельную топку, один был предназначен для первых блюд (190 л), второй — для вторых (130 л). Причем второй котел имел масляную рубашку, чтобы каши не пригорали.

Нужно сказать, что уже во время Первой мировой войны все войска были обеспечены этими кухнями. Они успели провоевать и в Советской армии, вплоть до конца Великой Отечественной. Полевые кухни Турчанинова

были приспособлены для топки дровами. Вода в котле закипала за 40 минут, на роту обед из двух блюд готовился 3 часа, ужин — 1,5 часа.

В западно-сибирских гарнизонах все нижние чины ели из общего котла и были заинтересованы в приготовлении хорошей пищи. Качество её зависело, как правило, от самих солдат, их кулинарных умений.

Конечно, готовили солдаты не мудрствуя. В ассортименте преобладали вареные блюда. Технология была достаточно простой: все ингредиенты закладывались в котел и варились. Норма на 10 чел. – ведро (12,3 л.) щей. Вот рецепт: «В котел закладывают: ведро воды (все в современных мерах, округлено), 2 кг. мяса, четверть ведра квашеной капусты, крупы «для вкуса и густоты», по 200 г (2/3 стакана) муки и соли, лук, перец, лавровый лист – по вкусу. Все! Ждем 3 часа, пробуем!.. Борщ – как щи, но половину капусты заменяет свекла. Суп-лапша. Тесто для лапши: мука, яйца, сливочное масло, соль. На ведро воды отваривалось 2 кг мяса, после забрасывалось нарезанное в лапшу тесто (около 2,5 кг.). Все!»¹.

При этом, как было отмечено, «низкая оплата заставляет рядовых солдат напрягать воображение и заниматься самообеспечением во всех отношениях. Они сами становились для себя пекарями, сапожниками, столярами, кузнецами, художниками, пивоварами, мясниками, медниками, шорниками и колесными мастерами – иными словами, занимались всем, что приходило в голову. Нигде в мире нет столь же находчивых людей»².

¹ Смирнов А. Из чего состояло солдатское меню перед революцией? // Школа жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.shkolazhizni.ru/renova/articles/73260/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

² Duffy Ch. Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power. London, 1981. P 134.

В резервных батальонах Западной Сибири действовали оружейные мастерские, швальни, в которых производился пошив обмундирования для новобранцев, хлебопекарни, учебные и охотничьи команды, библиотеки, храмы, больницы.

Это было характерно для всей российской армии. Даже в начале XX в. 150 тыс. военнослужащих, т.е. около 12% армии занимались изготовлением формы, обуви и амуниции. В каждом полку имелись мастерские, в которых солдаты на постоянной основе работали портными, сапожниками, плотниками и т.д.¹

Городские обыватели с удовольствием нанимали солдат для производства ремонтов в своих домах, так как они брали меньшую плату, чем профессиональные работники.

Нередко нижние чины «подрабатывали» самовольно, без разрешения начальства. Так, например в Государственном архиве Томской области отложилось дело о нарушении караульной службы начальником конвоя Дмитрием Грязновым и др. (Герасим Коротаев, Николай Дедюхин, Иван Грамотчиков, Петр Пиляев при конвоировании каторжного арестанта, которые «Следовали из Барнаула в Змеиногорск и по пути нанялись на работу к крестьянину д. Плотова Ивану Пермякову за 40 копеек. Вследствие этого арестованы и осуждены военным судом к 3-м годам старший и 1-му году каждый – направлены в Омскую дисциплинарную роту»².

Одним из важнейших видов довольствия нижних чинов было вещевое, подразумевавшее снабжение военнослужащих обмундированием, обувью и амуницией. В этой сфере также в пореформенные годы происходили значительные изменения. Как писал современник: «В этом же году (1871

¹ Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2015. С. 596.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 204. Л. 15.

– *авт.*) в полку заменили шестилинейные винтовки¹, заряжавшиеся с дула, винтовками системы Крика, которые заряжались в казенной части. Затем уничтожили наспинные ранцы из телячьей шкуры, мехом вверх, на которых прежде в походе накатывались свернутые толстым жгутом шинели, что было и тяжело, и громоздко, и неудобно. Их заменили холщовыми сумами, через правое плечо, а шинель стали скатывать и надевать хомутом через левое плечо. Кроме того, заменили жестяные манерки² для воды, прикреплявшиеся сзади ранца, медными котелками с крышкой, в которых можно было даже щи варить. Вооружение вводилось не сразу: у некоторых батальонов были еще ружья, заряжавшиеся с дула, «на восемь темпов»³.

Нужно сказать, что обмундирование русской армии в то время было одинаковым для всех широт – «и для Архангельска, и для Крыма», при этом до русско-японской войны никаких средств на теплые вещи не отпускалось, «и тонкая шинелишка в лето, и в морозы во время маневров и ночлегов в поле»⁴.

Обеспечение обмундированием и амуницией производилось по так называемой «срочной» системе. Каждая вещь, выдаваемая солдату, имела срок носки, до истечения которого солдат не имел права требовать замены. Солдат получал шапку и кафтан на 2 года, шинель на 4, на один год пару сапог и башмаков, к ним еще две пары подметок, холст на две рубахи. Также на срок выдавались прочие, более мелкие предметы обмундирования и амуниции: пуговицы, крючки,

¹ Линия – русская мера длины – 2,54 мм., шестилинейная винтовка – винтовка калибром 15,24 мм.

² Манерка – солдатская походная жестяная фляга с крышкой-станчиком.

³ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 77–78.

⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 95–96.

тесьма, ремни, пряжки. По истечении срока носки вещи переходили в собственность солдата, и он мог их продать¹.

Рис. 17. Инструкция по носке снаряжения с вещевым мешком

При этом солдатская одежда подразделялась на три «срока». Первый – неприкосновенный, одевавшийся только при мобилизации, второй – в парадных случаях, третий в постоянной носке. Однако «мундирная одежда» упорно отказывалась выдерживать уставные сроки, в особенности штаны, и изнашивалась раньше времени. Чтобы выйти из положения, войсковые части экономили, как умели: хитрили с фактическим перечислением из «срока» в «срок», заставляли молодых солдат донашивать первые недели свою обувь и штаны.

¹ Очерки истории города Омска. Т. 1. Омск, 1997. С. 82.

В начале 1880-х гг. российская армия получила новую форму обмундирования. Современник писал: «В 1882 г. император Александр III ввел так называемую национальную форму»¹. Прежний однобортный мундир с пуговицами был заменен новым, просторным, с проволочными крючками и петлями вместо пуговиц. Это нововведение облегчило снабжение призываемых, так как подгонка могла производиться простым перешиванием крючков. Кроме того таким же способом можно было быстро сделать мундир настолько широким, чтобы в холодное время надевать под него теплую одежду.

Кроме того, отмена пуговиц имела и другую выгодную сторону, – «...а именно устранен блестящий предмет, который, в особенности при солнечном освещении и при значительной массе людей, издали может обратить на них внимание неприятеля и навлечь его огонь... Вместе с тем устранены и другие яркие, резко выдающиеся и дорого стоящие предметы, как, например, лацканы, султаны и т.п., чем, между прочим, достигнута весьма значительная экономия... Отменены также каски и кепи. Обыкновенный головной убор составила круглая фуражка без козырька, парадный в пехоте – черная барашковая шапка»².

Годовые вещи и амунические деньги выдавались 2 раза в год, это называлось 1-я и 2-я половина годовой дачи.

В ротном хозяйстве главными помощниками ротного командира были фельдфебель и каптенармус: «Первый наблюдает вообще за действиями всех нижних чинов, распоряджающихся хозяйством роты, а второй есть приемщик и расходчик мундирных, амуничных, годовых и оружейных вещей, а также провианта и дров.

¹ Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 273.

² Русская военная сила. Вып. XI: От введения общеобязательной воинской повинности до настоящего времени. М., 1890. С. 193–192.

Таблица 4

Нормы отпуска годовых вещей для нижних чинов

Вещи	Полный годовой отпуск	1-я половина дачи	2-я половина дачи
Галстухов*	1	1	—
Рубах	3	1	2
Исподних брюк	3	1	2
Носовых платков	3	1	2
Утиральников	2	1	1
Портянок пар	3	1	2
Голенищ	1	—	1
Передов	2	1	1
Подошв	2	1	1
Подметок	2	1	1

Источник: Военная энциклопедия. Т. IX. СПб., 1912. С. 153.

* Суконная ленточка с пришитым язычком и железным крючком носит название *галстух*, который считается самостоятельным предметом в числе солдатского обмундирования, но многими солдатами вовсе не носится¹.

Кроме этих двух лиц в роте распоряжения по хозяйству лежат на четырех отдельных (капральных) унтер-офицерах и таких же ефрейторах, которые хранят мундирные и амуничные вещи капральства, не находящиеся на руках у нижних чинов»².

Со снабжением вещевым довольствием также иногда возникали проблемы. Так, значительную трудность в русской армии составляло обеспечение солдат постельными

¹ Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII — начала XX века. М., 1999. С. 347.

² Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII — начала XX в. М., 1999. С. 192.

принадлежностями. Как мы уже отмечали выше, до 1905 г. казенного снабжения постельным бельем не существовало, лишь некоторые военные части обзаводились им за счет собственных средств. В данной ситуации все во многом зависело от командиров.

Не всегда отличалась одежда нижних чинов доброкачественностью, особенно нательное белье и сапоги. Рубашечный холст и холст для подштанников нередко были очень грубыми, сапожный товар не имел «надлежащей мягкости». Войска ругали интендантство, интендантство жаловалось на недостаточный отпуск денег из казны, солдаты распродавали за бесценок вещи, военное министерство «обращало внимание интендантства на широкое явление продажи солдатского белья и сапожного товара»¹.

Слово солдату-современнику: «Каждому солдату отпускается в год 24 аршина торбочного холста восьми вершков ширины. Кому только неизвестна эта солдатская дерюга, носящая название «солдатской дачки». Выдав такой холст, который, быть может, носили 100 лет тому назад, ротный командир требует, чтобы к смотру было обязательно четыре казенные вещи, а именно: две пары подштанников и две рубашки. Для того чтобы сделать эти четыре вещи, необходимо затратить в два-три раза больше, чем эта дерюга стоит. О постели и постельном белье распространяться здесь нечего – дается дерюжный матрац-мешок и солома изредка»².

Воинское начальство постоянно стремилось контролировать ситуацию с обмундированием, чаще всего во время смотров. Как писал уже неоднократно упоминавшийся нами Фукин, во время смотра генерал-адъютанта Свистунова в 1884 г., нижние чины Омского резервного батальона

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 342.

² Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 350.

были «бельем снабжены достаточно и даже в изобилии»¹. Омский уездный воинский начальник подполковник В.А. Павлушин, осмотревший Омскую дисциплинарную роту 14 декабря 1889 г., писал: «Я нашел на всех заключенных в мундиры, шинели, обувь и белье исправными». Военный министр А.Н. Куропаткин отмечал во всеподданнейшем отчете об осмотре войск Сибирского военного округа в 1899 г.: «Обмундирование во всех войсковых частях имеется в изобилии и сохранено хорошо... Белье и обувь содержится в исправном виде и у большинства нижних чинов в достаточном количестве»².

Однако форма, существовавшая в конце XIX в., вызывала и критику современников: «Опрощение формы одежды, введенное при императоре Александре III, достигая полного почти однообразия повсюду, удобства массовой пригонки при мобилизации, а главное дешевизны не удовлетворяло минимальным требованиям эстетики. Армейское офицерство свою форму не любило, а солдаты перед уходом в запас шили себе фантастическое обмундирование, представлявшее обыкновенно смесь форм эпохи Александра II»³.

В 1907 г. была введена новая форма для всех чинов и родов войск. Она включала в себя китель (изготавливался из хлопка для лета и из шерстяной ткани для зимы), шаровары, сапоги высотой до колена и фуражку с козырьком. Шаровары шились с расчетом на ношение их заправленными в высокие сапоги, они были темно-зеленого «царского» цвета для пехоты и прочих пеших войск. В полевых же условиях наиболее практичными оказались шаровары цвета хаки, которые получили всеобщее признание в годы войны.

¹ Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907. С. 81.

² Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура... С. 67.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 340–341.

До 1912 г. рядовым и унтер-офицерам выдавали фактически аналогичный офицерскому мундир, правда, без наружных карманов. Гимнастёрка была универсальной, её прародителем была русская крестьянская рубаха-косоворотка.

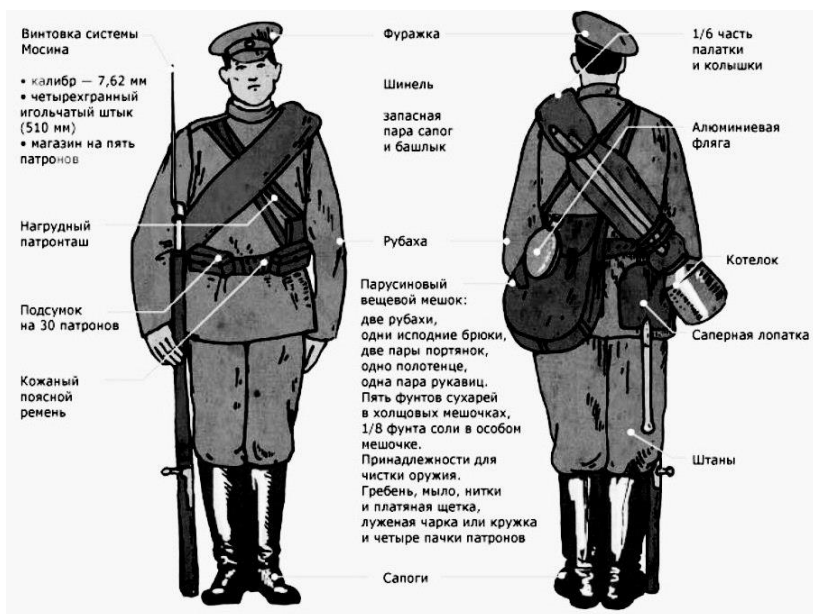

Рис. 18. Обмундирование и снаряжение солдата, 1914 г.

Форму дополняли высокие сапоги и фуражка без хлястика. В прохладную погоду личный состав был одет в шинели, папахи из натуральной овчины или искусственного каракуля и башлык. Офицеры носили пальто из серо-синего сукна, другие чины — шинели из грубой серо-коричневой шерсти. Шинели были двубортными, с отложными воротниками, застегивались на правую сторону с помощью крючков и петель.

Для пеших войск шинели достигали середины голени, с длинным разрезом сзади, благодаря чему была возможность подвернуть полы шинели в плохую погоду. На шинелях и

пальто были пришиты цветные клапаны (петлицы), в некоторых частях – с цветной выпушкой, указывавшей на полк и вид войск.

Так как шинели были большого размера, для подгонки на спине имели специальный хлястик. Впоследствии, в боевых условиях, офицеры стали переходить на солдатские шинели, чтобы поменьше привлекать внимания к своей персоне.

Фуражки с козырьком в основном были цвета хаки, козырёк в условиях фронта перекрашивался в зеленый цвет. Основным цветом околыша был зеленый. Спереди, в центре, околыша крепились штампованная кокарда. Она имела три вида – для офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Цвета могли быть: оранжевый, черный и белый.

Интересное мнение оставил германский офицер, побывавший в то время в России: «Покрой существовавших до сих пор мундиров был, по всеобщему мнению, некрасив, почему при последних изменениях были приняты в соображение только требования красоты, а не требования практичности. Походное снаряжение солдата, напротив, производит впечатление вполне военное; скатанная шинель через одно плечо, вещевой мешок через другое; хотя при отсутствии всякого металла оно и не особенно изящно и не годилось бы для парадов Николая I, но зато оно гораздо более свободно, чем у нас... шапка же надетая более набекрень, чем это делают наши уланы, довершает впечатление молодцеватости и непринужденности. Темно-зеленый цвет русского мундира, конечно, не выдерживает солнца, поэтому ношенные формы пестрят иногда всеми оттенками. Нередко попадаются такие, которые в Пруссии, наверное, не выдержали бы испытующего ока отдельного начальника»¹.

¹ Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 274.

Далее последовал целый ряд перемен в обмундировании войск, особенно в бытность военным министром В.А. Сухомлинова (1909–1915 гг.), имевших целью придать военной форме более изящный вид: «Вводились и отменялись мундиры, круглые барашковые шапки, в качестве парадного головного убора заменены были сначала обыкновенными фуражками с большою неуклюжею бляхою, в виде государственного герба, потом папахою... В конце концов для главной массы войск – пехоты и полевой артиллерии – военное ведомство остановилось в 1913 г. на однотипной походной одежде защитного цвета, которая для парадов мирного времени украшалась пристяжными лацканами (на груди) полковых цветов... В военный обиход она войти не успела»¹.

Походное снаряжение пехотинца в 1914 году включало в себя следующие предметы: фуражка с кокардой; папаха с кокардой; башлык; походная рубаша суконная (гимнастёрка) образца 1912 г.; комплект нательного белья; пехотные суконные шаровары образца 1912 г.; шинель образца 1907 года с погонами и тёмно-зелёными петлицами (в скатке могла выполнять роль бронежилета, во всяком случае, остановить осколок на излёте вполне было по силам); сапоги; портянки.

Кроме того, в снаряжение входили: вещевой мешок (образца 1909, 1910 г. или 1914 г. по типу мешка образца 1869 г. для Туркестанских линейных батальонов) или ранец; поясной ремень с бляхой; ремень брючный; ремень для скатки; две кожаных (или деревянных) патронных сумки (в 1915 году для экономии стали выдавать одну); фляга алюминиевая (или стеклянная) с чехлом для носки; сухарная сумка; котелок; нагрудный патронташ на 30 патронов (в 1914 году кожаный, позднее тряпичный); запасная патрон-

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 341.

ная сумка; походная палатка (часть); полустойка для палатки с приколышем и веревкой; чехол к лопате и лопата (малая сапёрная лопата Линнемана или большая сапёрная лопата); штык с кожаным подвесом; нагрудный патронташ, как и шинель в скатке, вешались через левое плечо. Шинель, как уже писалось выше, могла служить некоторой защитой, а патронташ подобным образом облегчал перезарядку и оставлял свободным правое плечо для приклада винтовки (подразумевалось, что основное большинство в армии составляли правши).

Сухарная сумка могла висеть как на левом, так и на правом боку. В нее укладывался сухой паек и часть боекомплекта (патроны россыпью). В вещмешок либо ранец складывали предметы личной гигиены, запасную одежду, приспособления для чистки оружия. К свернутой в скатку шинели крепился башлык, котелок и 1/6 часть палатки и колышки. Всего же на бойце крепилось порядка 26 кг. снаряжения. Боекомплект был от 80 до 120 патронов¹.

Денежное довольствие нижних чинов было мизерным. Рядовой армейской пехоты получал в конце XIX в. 2 руб. 70 коп. в год². В начале XX в. рядовой получал 6 руб. в год, младший унтер-офицер – 12, старший унтер-офицер – 48, фельдфебель – 72 руб.³

Выдача жалования нижним чинам производилась ежемесячно 20 числа за выслуживаемый месяц, в военное же время выдавалось в начале каждого месяца на месяц вперед.

¹ Униформа и снаряжение пехоты Российской Императорской армии // Российская Империя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ok.ru/rossiyanas/topic/69332772582799>.

² Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 362.

³ Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. СПб., 1913. С. 127.

Таблица 5

**Размеры годового жалования нижних чинов
по табели 1908 г.**

Звание нижнего чина	Жалованье
Фельдфебелю арм. частей	72 руб.
Каптенармусу	48 руб.
Взводному унтер-офицеру	48 руб.
Младшему унтер-офицеру	12 руб.
Полковому барабанщику	48 руб.
Ротн. барабанщику и сигнаlistsу	7 руб. 20 коп.
Ефрейтору	7 руб. 20 коп.
Рядовому	6 руб.

Источник: Военная энциклопедия. Т. IX. СПб., 1912. С. 147.

Только после первой революции правительство, осознав необходимость увеличить лояльность армии, спохватилось и попыталось провести ряд мер по улучшению материального положения нижних чинов. Так, например, главнокомандующий Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич отдал приказ, в котором обещалось в самом непродолжительном времени увеличить содержание как офицерам, так и солдатам и улучшить их быт: «Действительно, вскоре было прибавлено содержание... Солдатам было назначено следующее жалованье: рядовому – 50 копеек в месяц и унтер-офицеру – несколько больше. Быт солдата был значительно улучшен: установили чайное и постельное довольствие, увеличен был отпуск денег на продовольствие. Но и эти меры не были достаточны, так как и денежное довольствие нашей армии, и продовольствие, и вообще содержание значительно отставали от расходов на довольствие армий иностранных государств. Надо признать, что улучшение быта армии последовало исключительно под угрозой первой революции 1905 года. Армия, особенно солдаты, прекрасно это поняли вследствие пропаганды агитаторов, которые неустанно им твердили, что

только революционный путь может принести солдатской массе явное улучшение, и приводили в пример приказ Николая Николаевича 1905 года. Несомненно, что запоздалое, несвоевременное улучшение солдатской жизни исключительно под напором революционного движения 1905 года было одной из многих причин успеха и «великой бескровной революции»¹.

Действительно, после русско-японской войны и революции власти попытались серьезно улучшить солдатский быт. В 1906 г. повысили довольствие, в 2,2 раза денежное жалование², запретили «вольные работы», освободили от необходимости обеспечивать самих себя пищей и одеждой.

При низком уровне доходов и тяжелых условиях службы только небольшая часть солдат (в основном унтер-офицерский состав) могли позволить себе обзавестись семьями. Так, например, из числа нижних чинов Омского резервного батальона, находящихся на службе в 1877 г. доля холостых составляла 88,5%, женатых и вдовых, имевших семьи – 11,5, в 1887 г., соответственно 62,5 и 37,5%, в 1897 г. – 72,7 и 27,3%³.

При призыве на службу, как указывалось в документах: «Не дозволялось согласно п. 4 приказа по Военному ведомству 1866 г. № 173 женатым рекрутам брать с собой семейства т.к. отдельных помещений им не будет предоставляться, а также не будет выплачиваться пособие»⁴.

Солдаты, имевшие детей, также получали паек на них, но только на сыновей. При этом на содержание дочерей паек не полагался.

¹ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 43–44.

² Макшеев Р. Жалование и пенсии нижним чинам // Интендантский сборник. 1913. №. 5. С. 44–47.

³ Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск, 1907.

⁴ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

Как отмечено в источнике: «Что же касается семейств нижних чинов, уволенных после призыва в кратковременный отпуск за ранами или для поправления здоровья, то семейства эти должны пользоваться призрением, согласно указанных выше правил до совершенного увольнения сих чинов от службы на тех или иных условиях»¹.

Существовала также система поддержки семей нижних чинов: «Для правильного и успешного наблюдения за общим ходом в Империи дела по призрению нуждающихся семейств нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных в действующую армию по случаю на Дальнем Востоке министерству внутренних дел периодически необходимы подробные и точные сведения о мерах по призрению и расходах, как по призрению жен и детей воинских чинов, так и их престарелых родителей и других родственников, существующих иждивением призванных на службу и оставшихся вследствие этого без достаточных средств к жизни. Лица эти, по точному смыслу закона, поступают на призрение земств городских и сельских обществ в порядке, определенном действующими об общественном призрении узаконениями и с соблюдением правил, приложенных в 38 статье 4 тома 1 части Устава о воинских повинностях и издания 1897 г. В этих правилах между прочим изложено, что в дополнение к установленному законом довольствию, земства и общества принимают и другие возложенные по обстоятельствам и средства меры для лучшего обеспечения семейств людей, призванных на защиту Престола и Отечества, причем определение таких мер предоставляется ближайшему усмотрению земских собраний, городских дум и волостных и сельских обществ по принадлежности»².

¹ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498. Л. 21.

² ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498. Л. 22.

Рис. 19. Солдатская семья, начало XX в.

Помощь не всегда была хорошо организована: «Семейства призванных нижних чинов... призывались земствами и городскими обществами согласно правила статьи 38 Устава воинской повинности 1897 г. Эти правила теперь настолько изменены, что разобраться в них положительно невозможно. Ни один солдатик или его семья не имеют права требовать; они должны просить отцов города и зем-

ских воротил о выдаче пособия. За неимением у общественных учреждений средств пайки выдаются не везде аккуратно и полностью»¹.

Некоторые из офицеров оказывали помощи семьям своих солдат. Так, например, во время голода 1892 г. штабс-капитан Атбасарской местной команды И. А. Дегтянников организовал питание солдатских жён и детей от солдатского котла, а также на свои средства приобретал молоко для детей нижних чинов. В 1905 г. в письме в газету нижние чины выразили благодарность командиру роты 9-го Тобольского сибирского пехотного полка поручику М.К. Бакалдину, как писали солдаты: «за его горячую любовь к нам и к нашим жёнам и детям», за то, что на свои деньги покупал солдатам бельё, чай, сахар и табак².

Существовали и специальные документы, например, такие как «Предписание Министерства Внутренних Дел Томского губернского правления о материальной помощи семьям нижних чинов»³.

Нуждающимся семьям нижних чинов, участвующих в военных действиях, полагались квартирное пособие. Например, в Государственном архиве Алтайского края отложилось дело по вопросу об удовлетворении квартирным пособием от Бийского общественного Управления солдаток Чумериной и других. В нем указывалось: «Слушали: жены запасных чинов, призванных на действительную службу во время последней войны на Дальнем Востоке, Чумерина, Позднякова, Дуленина и другие, проживающие в г. Бийске, обратитесь к Томскому губернатору с телеграммой, в которой жалуются на неудовлетворение их Бийской Городской Управой полагающимся квартирным довольствием. След-

¹ Кочергин П. Нужды русского солдата... С. 356.

² Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 145.

³ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–144.

ствие сего от бийского городского головы по означенной телеграмме были затребованы разъяснительные сведения. Городской голова, представляя список солдатских жен, проживающих в г. Бийске во время нахождения мужей их на военной службе, донести, что некоторые солдатки за прежнее время действительно неудовлетворенны квартирным пособием за неимением у города денежных средств, а также вследствие циркуляра Министерства внутренних дел от 28 января с.г. за № 8»¹.

Существовали также Комитеты по сбору пожертвований для семейств запасных солдат. Так, в «Приходно-расходной книге Бийского Комитета по сбору пожертвований для семейств запасных солдат за 1904–1905 гг.» указывалось: «34 попечителя занимались выдачей денег, 212 человек запасных солдат (нижних чинов). По удостоверению Бийского воинского начальника ... Деньги выдавались ежемесячно по специальным постановлениям Комитета и траты расписывались на несколько месяцев вперед. Например, постановлением от 26 июля 1904 г. деньги выдавались с августа 1904 г. по февраль 1905 г.

За июнь-июль отдельно по постановлению от 26 мая 1904 г. – размер вполовину меньше от пособий в мае.

Были случаи отказов по выплатам, для выплат предоставлялись специальные книжки, потом могли их все-таки выплатить (за апрель 1904 г. таких было 13 человек, кому ранее было отказано).

Семьям ратников ополченцев выплачивались пособия не ежемесячно, от случая к случаю. Сумма колебалась от 80 копеек до 1 рубля 80 копеек.

Запасным солдатам от 80 коп. (в редких случаях) и до 5 рублей (в редких случаях).

¹ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 498.

Были исключительные случаи (стр.31) когда Моисеевой Анастасии выплачена сумма в 20 рублей в апреле, 15 рублей в мае.

Однако это выплачивалось из адресных пожертвований 14 апреля от Виктории Викторовны Прибытковой поступили деньги 86 рублей на пожертвование от вырученных от детского спектакля для выдачи солдатке Моисеевой с 1 мая по 15 рублей.

От Ивана Кондратьевича Остаркова вырученные деньги от спектакля 66 рублей 15 копеек.

Пожертвования из Городской Управы из пожертвований разными лицами по распискам в книге Управы 600 рублей.

Пожертвования составляли от 5–15 копеек от неизвестного и до 1000 рублей от Конторы Елены Григорьевны Морозовой, её служащих 304 руб. 78 копеек.

От спектаклей налоговый сбор через уездного исправника в 50 рублей.

От Бийской городской Управы по отношению за № 909 от 1 мая перечислено 2225 руб.

Из полицейского Уездного Управления вырученных от спектаклей денег 70 рублей.

Из кружек В.М. Рыбакова, находившемся в Ленском погребе.

Из кружки капельмейстера Мерца.

При извещении Его Превосходительства Господина Томского губернатора 136,41 руб.

Из отделения Сибирского Банка 38 руб. 11 коп.

Всего же 5825 рублей»¹.

Занятия отставных и бессрочноотпускных солдат, составлявшие значительную часть населения городов региона в 1860–1880-х гг., были во многом схожими с занятиями

¹ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 210.

большинства горожан – мещан, цеховых и крестьян. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми с правом на пенсионное обеспечение. Они являлись особой категорией отставных солдат, но могли и записаться в какое-нибудь податное сословие, а в случае дряхлости или неспособности к труду получали небольшую пенсию – 36 руб. в год. Нередко отставные продолжали службу у своего офицера в качестве кучера, слуги по дому или искали сходную работу в городе¹.

Так как в армии обучали грамоте, некоторые из отставных могли подрабатывать, обучая детей небогатых родителей элементарной грамотности. Так, например, у отставного солдата в юношеском возрасте обучался грамоте будущий купец Н.М. Чукмалдин².

Отставные и бессрочноотпускные солдаты занимались ремеслами, промыслами, поденной работой, мелкой торговлей и т.п. В переписных листах переписи 1897 г. указываются такие занятия отставных солдат Тары: Ключкин служил караульным, Менданов работал плотником, Воробьев – жил благотворительностью, Севастьянов значился земледельцем. В Тюкалинске отставные также занимались земледелием, служили сторожами, торговали; в Ялуторовске были плотниками, чернорабочими, каменщиками, ямщиками, пимокатами, держали постояльцев, в Тобольске – служили надзирателями тюремного замка, курьерами, кучерами, разводили огороды, изготовляли гребни. Вдовы, жены и дочери солдат чаще всего работали прачками, кухарками и швеями³.

¹ Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 51.

² Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб, 1899. С. 12.

³ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 42.

Сходство условий жизни отставных и бессрочноотпускных солдат, а также членов их семей, с мещанами, ремесленниками и проживавшими в городах крестьянами привело к тому, что в начале XX в. остатки военного сословия слились с основной массой горожан¹.

Материальное благосостояние и бытовое положение нижних чинов Западной Сибири было различным в разное время и в разных воинских частях и зависело, как от финансового положения частей, так и от деятельности и компетентности командного состава. Нижние чины жили в скромной и суровой обстановке, что соответствовало характеру воинской службы и традициям русской армии.

Условия жизни различных категорий нижних воинских чинов в России 60-х гг. XIX – начала XX в. были достаточно сложными. Нижние чины, находящиеся на действительной воинской службе в это время образовали специфическую социальную общность. В то же время различные категории отставных и бессрочноотпускных солдат постепенно растворялись в социуме, преимущественно городском.

Военная реформа 1874 г., разрешая одну из главных задач преобразования армии – создание обученных резервов, серьезно изменила отношение самого солдата к армии. Осознание того, что военная служба уже не «вечная» не могло не внести в повседневную жизнь казармы новых черт: раньше солдат устраивался здесь основательно, обустроив свой быт, чтобы обеспечить приемлемые условия жизни на протяжении очень длительного времени срока службы; теперь же солдат видел в казарме только место своего временного пребывания.

¹ Скобликов С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. Т. 2. № 3(87). С. 215–217.

Весьма важные изменения в организации повседневной жизни произошли после русско-японской войны и революции. Как писал А.И. Деникин: «после японской войны и потрясений первой революции быт солдатский претерпел повсюду некоторые изменения к лучшему, много ранее начавшиеся в передовых кругах»¹.

2.2. Санитарное состояние и медицинское обслуживание

Закон 1-го января 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности создал прочную связь между санитарным устройством русской армии середины XIX – начала XX в. и насущными интересами населения. В предыдущий период армия комплектовалась исключительно из тех сословий, которые несли рекрутскую повинность, также отдавали в солдаты за разные провинности. Срок военной службы был настолько продолжителен, что каждый солдат после окончания своей действительной военной службы, за исключением немногих случаев, совсем уже не мог заниматься производительным трудом.

Жизнь солдат до введения воинской повинности, по мнению многих современников, почти совсем не касалась остальной части нации. Человека, ушедшего в солдаты, считали как бы умершим, ибо он или вовсе не возвращался, или же после 20-ти лет и более возвращался домой инвалидом или калекой. В самой армии солдат был интересен только будучи здоровым и сильным, до тех пор, пока мог беспрепятственно переносить все тяготы службы или войны. Больного или раненого считали бременем и старались от него с возможно меньшими расходами, не вникая

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 330.

в его интересы и желания. Официально считалось тогда карой быть «сданными» в солдаты.

Со времени введения всеобщей воинской повинности это положение существенно изменилось. Армия превратилась, как писали, в «народное войско», которое, совместно с крестьянами и другими сословиями, собирало в своих рядах все «производительные силы народа». Из армии через какое-то время уволенные в запас возвращались к прежней жизни. Теперь служба в армии касалась почти каждой семьи, и, таким образом, здоровье и благополучие их существенно зависело от санитарного устройства армии. Это и определяло неизбежное государственно-хозяйственное и нравственное последствие общей воинской повинности в деле «солидарности» армии и народа того периода, а также предмет заботы высшего военного командования.

Ежемесячно в приказах по дивизии, корпусу, войскам округа, а также в приказе по военному ведомству объявлялись краткие сведения о санитарном состоянии войск. Ко всем приказам прикладывались таблицы с указанием частей войск, в которых смертность, заболеваемость и исключение в «неспособные» обращали на себя внимание наибольшим или наименьшим процентом. Это давало возможность старшим войсковым начальникам принимать те или иные меры к улучшению войскового быта.

Однако, как отмечал современник: «Действительно – занятия и отдых нижних чинов были строго урегулированы расписаниями; пища отличная; помещения, за редким исключением, очень хорошие; одеждою солдат снабжен хорошо, если в части не увлекаются экономией в сукне; увольнение нижних чинов в кратковременные отпуска начинает получать широкое применение; чтобы отвлечь их от посещения трактиров – в частях имеются солдатские буфеты, лавочки, чайные, читальни; зимой и летом устраиваются раз-

ного рода увеселения. Одним словом, заботливость о солдате выражается во всем. А между тем, число больных, а главное исключение в неспособные, вызывает удивление»¹.

Так, в 1912 г. в среднем из 1000 солдат и офицеров брюшным тифом болело 4,5; сыпным тифом 0,13; дизентерией 0,6; оспой 0,07; гонореей 23,4 и чесоткой 13,9 человек личного состава. Отчетливо просматривается аномально высокая доля больных гонореей, брюшным тифом и чесоткой. Нужно сказать, что к тому времени уже были возможности вакцинировать войска от большинства указанных болезней, но руководство шагов в этом направлении не предпринимало².

К примеру, данные медицинских отчетов по санитарному состоянию войск, без учета Приамурского военного округа и Квантунской области, с августа 1899 по август 1901 г., «...показывают, что случаи заболевания и увольнения в неспособные вследствие случайных механических повреждений, как то раны от оружия, ушибы, переломы и проч., весьма редки. Значительный процент тех и других происходит от болезней органов дыхания, движения и чувств»³.

Еще до введения повинности, власти принимали меры к медицинскому освидетельствованию рекрут: «Ввиду устранения развития болезней в рекрутских партиях при следовании по назначению каждой партии, проходящей через города непременно производить медицинские осмотры,

¹ Строевой. Опротестованные новобранцы и убыль в неспособные // Военный сборник. СПб., 1902. № 9. С. 171.

² Мошкин А.Н., Валяев Я.В. Проблемы санитарно-гигиенической службы русской армии в годы Первой мировой войны // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8(179). Вып. 30. С. 95–96.

³ Строевой. Опротестованные новобранцы... С. 172.

указанным порядком 131, 132 и 133 парагр. Временного руководства для препровождения рекрутских партий, а также и в Циркуляр Главного Штаба 1870 № 321»¹.

После 1874 г. для освидетельствования прибывших новобранцев при госпиталях создавались специальные комиссии, которые и определяли пригодность их к прохождению дальнейшей службы. Как правило, в это время увеличивался процент больных и неспособных. В первые дни новобранец скучал, чувствовал себя подавленно, но затем быстро осваивался, рота делалась для него семьей, жизнь приобретала новый интерес и через некоторое время он начинал сознательно относиться к своим обязанностям, а также «проявлял и молодцеватость, если его подбодрить»².

Къ статье «Бани войсковыя».

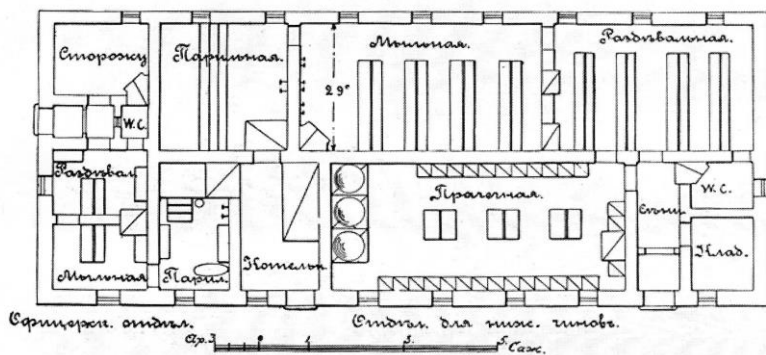

Рис. 20. План типовой войсковой бани

Каждая партия новобранцев по прибытии немедленно отправлялась в баню, переодевалась в казенную одежду и

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

² Строевой. Опротестованные новобранцы... С. 175.

подвергалась полковыми врачами подробному медицинскому осмотру. Всех оказавшихся с физическими недостатками и с тяжелыми болезнями, отделяли для отправления на переосвидетельствование в особую комиссию при госпитале, а до отправления, приступали к лечению в приемном покое или в госпитале; «...над подозрительно-больными учинялся надзор»¹.

Особые комиссии, учреждаемые при военных госпиталях, подвергали опротестованных новобранцев весьма тщательному медицинскому осмотру и, строго придерживались Устава о воинской повинности. Исключали только тех, кто имел явные признаки болезни или физические недостатки и вполне подходил под соответствующие статьи, при малейшем же сомнении больные признавались годными и возвращались в части. Вместе с тем процент непригодных к службе и больных нижних чинов оказывался достаточно высоким. Тому причиной был отбор их уездными по воинской повинности присутствиями, признававших новобранцев, годными к службе, неспособность которых была вполне очевидна. Просматривалась их медицинская некомпетентность на этот счет, а также неисполнение § 107 Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства в 1897 году (приказ по воен. вед. 1897 года, № 299), где опубликовано «Наставление присутствиям по воинской повинности, для руководства при освидетельствовании телосложения и здоровья лиц, призванных к исполнению повинности», в котором даны руководящие указания и приложено «расписание болезней и телесных недостатков», по которым призванные к жеребью освобождаются навсегда от службы в постоянных войсках, как совершенно к ней неспособные»².

¹ Строевой. Опротестованные новобранцы... С. 175.

² Там же. С. 177.

При этом взамен «отбракованного» новобранца замещение его конкретным уездным присутствием не предполагалось. Порой количество новобранцев отсроченных или признанных негодными к военной службе достигало 25% от числа призванных. Кроме того, существовала категория новобранцев таких как опротестованные, т.е. с физическими недостатками или больные, но признанные годными к прохождению службы. Большинство из них, никакой службы не несли, так как почти все время числились то в «околотке», то в приемном покое, то в госпитале, откуда некоторые исключались в неспособные. Остальные периодически выписывались, потом возвращались опять по болезни в приемный покой и госпиталь, снова выписывались и так тянули весь срок службы. Тем самым они доставляли хлопоты начальству, заставляли товарищей нести за себя службу и тяготились службой сами. Встречались также и уклонисты, притворявшиеся больными, которые несли ответственность по суду.

Сам казарменный быт был связан с ежедневными гигиеническими ритуалами. Как писал в своих воспоминаниях В. Гиляровский: «Рота вставала рано. В пять часов утра раздавался голос дневального:

— Шоштая рота, вставай!

А Шлема Финкельштейн наяживал на барабане утреннюю зорю. Сквозь густой пар казарменного воздуха мерцали красноватым потухающим пламенем висячие лампы с закоптелыми дочерна за ночь стеклами и поднимались с нар темные фигуры товарищей. Некоторые, уже набрав в рот воды, бегали по усыпанному опилками полу, наливали изо рта в горсть воду и умывались. Дядькам и унтер-офицерам подавали умываться из ковшей над грудой опилок.

Некоторые из старых любили самый процесс умывания и с видимым наслаждением доставали из своих сундуков тканые полотенца, присланные из деревни, и утирались.

Штрафованный солдат Ик Пономарев, пропивавший всегда все, кроме казенных вещей, утирался полой шинели или су-конным башлыком. Полотенца у него никогда не было...¹

Однако в целом санитарное состояние казарм нередко было неудовлетворительным: «Вдоль стен – сплошные нары, которые с 1901 г. инженерное ведомство стало заменять отдельными топчанами. На нарах – соломенные тю-фяки и такие же подушки без наволочек, больше ничего. По обидной аналогии, это убогое оборудование на казенном языке носило название не постельной, а «подстилочной» принадлежности.

Укрывались солдаты шинелями. Холодно зимой – дрова-ная экономия одно из важнейших подсобных средств пол-кового хозяйства... Шинели короткие, после ученья – грязны, после дождя влажны и пахнут прелой шерстью. «Насекомая» гуляет свободно по нарам. Нечистоплотно, не-гигиенично; от века – одно оправдание:

– Наш простолюдин привык»².

В отчете Главного военно-санитарного управления за 1910 г. отмечалось, что до настоящего времени самым круп-ным недостатком с санитарной точки зрения в российской армии является то обстоятельство, что очень многие ка-зармы, как жилые помещения, «далеки от самых скромных требований гигиены»: «Прежде всего, конечно, необходимо отметить тесноту и недостаток кубического содержания воздуха. Отсутствие особых столовых и комнат для занятий делает еще более чувствительным этот недостаток, способ-ствуя образованию пыли в помещениях и затрудняя пра-вильную очистку последних. Наличие почти во всех ка-зармах лишь естественной вентиляции не допускает удовле-творительного проветривания жилых помещений. Плохой обмен воздуха дает себя знать особым, присущим казармам,

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 81.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 331.

специфическим запахом, который особенно усиливается в ночное время»¹.

А.И. Деникин отмечал, что нехватка казарменных помещений негативно сказывалась на их санитарно-гигиеническом состоянии: «Приходилось во многих пунктах пользоваться добавочными помещениями для частей роты на стороне, что затрудняло внутренний надзор, или тесниться, получая от города дополнительную квартирую плату, которая шла в полковую экономию. Днем в такой казарме было терпимо, но ночью... Вообще казарма ночью это нечто едва переносимое...»².

Многие казармы были тесными, сырыми и холодными. Приведем длинную цитату из отчета Главного военно-санитарного управления за 1910 г.: «Особенно в неблагоприятных условиях казарменного размещения находятся войска Приамурского военного округа. Только половина (54%) нижних чинов размещается в каменных казармах инженерного ведомства. Представляя собой с санитарной точки зрения наилучший тип постройки, казармы эти весьма малочисленны, а потому и не удовлетворяют самой насущной потребности войск. Кроме того, вполне понятно стремление вывести нижних чинов из плохих помещений в казармы нового типа, вследствие чего и получается очень тесное размещение. Около 25% размещается в бревенчатых и дощатых бараках временной постройки, с одинарными деревянными полами или даже просто с деревянной настилкой между нарами и кроватями. Около 8% нижних чинов помещается в деревянных казармах инженерного ведомства, давней постройки, ветхих и совершенно непригодных к суровому и изменчивому климату округа. Около 6% ниж-

¹ Всеподданнейший отчет военного министра за 1910 г. СПб, 1912 г. С. 142.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 331–332.

них чинов живут в деревянных бараках инженерного ведомства, которые в виде построек временного типа были возведены для надобностей минувшей войны, а затем более или менее приспособлены для постоянного пользования. Около 5% обитает в землянках, полуземлянках, блиндажах, мазанках и т. п. примитивных сооружениях, что уже, конечно, не выдерживает никакой санитарной критики.

Вследствие недостатка казарменных помещений нижние чины в Приамурском округе размещаются вообще весьма скученно. Содержание воздуха во многих случаях понижается до 0,5 куб. саж. на человека. Ввиду тесноты помещений 76% нижних чинов спят на нарах, в том числе 29% на двухъярусных. Скученность размещения не позволяет как следует изолировать трахоматозных. Только немногие части могут отводить для них отдельные помещения, в большинстве же войсковых частей им отводятся лишь отдельные углы в общих комнатах. Так же точно, не считая редких исключений, в казармах округа нет особых комнат для столовых и занятий»¹.

Большой проблемой была организация уборных («отхожих мест» или «ретирад»). Современник так писал по этому поводу: «Что касается отхожих мест, составляющих в большинстве казарм обычный источник порчи воздуха, то следует считать за правило устраивать их в самых казармах, и только при особенно исключительных условиях, например, в теплом климате, помещать вне казарм. Затруднения, представляемые необходимостью преодолевать дальние пространства (отделяющие отхожие места от К.), всегда будут задерживать своевременное отправление естественных нужд организма, поэтому, говорит профессор Доброславин, «отхожие места должны находиться вблизи жилых помещений». Каким же способом удалять нечистоты — вывозом

¹ Всеподданнейший отчет военного министра за 1910 г. СПб, 1912 г. С. 142–143.

или спуском, это уже частный вопрос, который должен решаться на месте, сообразно тем условиям, в которых будут находиться вновь устраиваемые казармы»¹.

В целом, согласно официальным отчетам, отхожие места во многих случаях были самого примитивного устройства, очень холодны и значительно удалены от казарм, находящиеся же в самих казармах или вблизи часто настолько плохо оборудованы, что из них в жилые помещения проникает зловоние².

В начале XX в., в ходе строительства специализированных военных городков в крупнейших городах региона, эта проблема стала решаться на современном для того периода уровне. Так, например, в военном городке Барнаульского полка, выстроенном в 1901–1907 гг. для отхожих мест солдатских помещений была принята система надземных металлических выгребов. В нижней части здания устанавливался на подставках цилиндр больших размеров из оцинкованного нержавеющей железа. В этот цилиндр сверху проходили трубы, спускающие нечистоты из отхожих мест верхних этажей. Очистка выгреба от нечистот производилась в пневматических бочках, вывозимых с казарменного участка³.

Важным вопросом была стирка. Обычно стирались во время посещения бани: «Стирку своего грязного белья солдаты производили в бане во время мытья. Посещали баню они раз в две недели, а между тем деньги войсковые части на мытье людей и их белья получали отдельно по расчету числа солдат и на каждую неделю»⁴.

¹ Игнатьев В. Е. Казармы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т XIIIа. – СПб., 1894. С. 919.

² Всеподданнейший отчет военного министра за 1910 г. СПб, 1912 г. С. 142.

³ Чернобаева, К.В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле // Вестник ТГАСУ. 2016. № 1. С. 43.

⁴ Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. С. 38–39.

К крупным санитарным недостаткам современники относили отсутствие во многих частях собственных бань и прачечных, в силу чего нижним чинам приходится пользоваться частными банями, представляющими для моющихся опасность заражения различными болезнями, а белье отдавать в стирку прачкам на сторону или мыть самим в тех же банях наскоро, кое-как. Кроме того, бани, которыми приходится пользоваться некоторым войсковым частям, значительно удалены от казарм, что представляет большое неудобство в холодную зимнюю пору¹.

В начале XX в. устройство войсковых бань в районах казарменного расположения признавалось необходимым. Существовали также расчеты по проходимости, инструкции по помещениям, которые должны присутствовать в банях, вплоть до ширины скамеек: «Расчет полковой бани наиболее распространенного типа ведется на 50 чел. в смене, полагая в полку в среднем около 2000 чел. и посещение бани один раз в две недели при 4 занятых днях в неделю по 10 часов. Баня состоит из раздевальной, мыльной и парильной, а также клозета, сеней, кладовой, котельной для согревания воды и комнаты для сторожа... Ширину скамеек принимают в 12 вершков и проход между ними в 1j – 1S аршин»².

Необходимо отметить, что отчетность по санитарному состоянию в армии в рассматриваемый период была далека от совершенства. В 1886 г. при главном военно-медицинском управлении была выработана новая система отчетности, позволившая вести гораздо точнее регистрацию и учет болезней военнослужащих. Вместе с тем она почти утратила возможность делать сравнительный анализ данных отчетного года за предшествовавшее время. Отчетные данные

¹ Всеподданнейший отчет... С. 144.

² Военная энциклопедия. Т IV. СПб., 1911. С. 386.

санитарного состояния армии составлялись из общего обзора состояния и деятельности всех частей военного министерства за год. Например, в течение 1887 г. заболело нижних чинов 477911 чел., умерло 5624 (сведения указаны без Амурского округа (отчет не поступал). По отношению к среднему списочному составу войск в течение отчетного года, цифры на 1000 чел. этого состава показали: больных 563,4 чел., умерших – 6,71 чел. По сравнению с предшествовавшим годом, смертность значительно уменьшилась (в 1886 г. умерших было 7,5 на 1000 чел.). Что касается заболеваемости военнослужащих, то данные также показывают значительное ее понижение (в 1886 г. больных было 653,4 на 1000 чел.)¹.

Уже рекрутские партии должны были обеспечиваться медицинской помощью: «Для препровождения рекрутских партий для оказания медицинской помощи заболевающим в пути, для каждой партии назначались фельдшеры. Они прибывали ко дню открытия рекрутских присутствий и при отправлении должны были быть снабжены потребным количеством медикаментов. В случае, если по числу партий фельдшеров было недостаточно, то Губернские Военные начальники были обязаны немедленно телеграфировать прямо от себя Окружному Военно-Медицинскому Инспектору о добавлении необходимого числа фельдшеров, от которого будут зависеть дальнейшие распоряжения»².

На основании данных, приведенных в подробных отчетах Главного военно-медицинского управления по годам, можно сделать выводы относительно заболеваемости личного состава и смертности по округам, по родам и частям войск, по видам болезней, а также о размере убыли из войск неспособными. По военным округам в 1887 г., наибольшая

¹ Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 70–71.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

заболеваемость была в Туркестанском (1151 на 1000 чел.), Кавказском (1061 на 1000 чел.) и Иркутском (828 на 1000 чел.). Наибольшая смертность в округах: Петербургском (9,29 на 1000 чел.), Варшавском (7,99 на 1000 чел.) и Кавказском (7,95 на 1000 чел.). Наименьшая в войсках округов: Финляндского, Петербургского, Омского и Виленского (на 1000 чел. 354, 363, 392 и 393). В 16-ти частях вовсе не было умерших, именно; в 20-м стрелковом, 4-м Западно-Сибирском линейном, 14-м, 28-м, 55-м, 61-м, 89-м и 93-м резервных пехотных батальонах, 29-м Одесском драгунском полку, в 1-м и 3-м Уральских 1-м Астраханском казачьих полках, 40-й артиллерийской бригаде, 13-м саперном батальоне и Бендерской и Верненской крепостных артиллериях¹.

По роду болезней самое большое распространение по числу заболеваний получили: перемежная лихорадка, глазные, венерические болезни, а также острый катар и воспаление желудка и кишок. Распространение болезней в том или ином округе по формам заболеваний зависело во многом от климатических условий тех местностей, в которых квартировались части.

Примечательно, что в армии были достаточно широко распространены венерические болезни. В 1887 г. ими болело в среднем 47,2 чел. на 1000 списочного состава. Более всего эти болезни были распространены в: Казанском (91,5 на 1000 чел.), Омском (92,8 на 1000 чел.) и особенно Иркутском (185,8 на 1000 чел.) округах. Из числа отдельных частей, венерические болезни имели особенно сильное распространение: в 18-м туркестанском линейном батальоне (174 на 1000 чел.), во 2-м Уральском казачьем конном полку (Самарканд 179,8 на 1000 чел.), в Тобольском резервном пехотном батальоне (183 на 1000 чел.), в 1-м Астраханском

¹ Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 71, 73.

казацьем конном полку (210,7 на 1000 чел.) и в Иркутском резервном батальоне (283,1 на 1000 чел.)¹.

Основным причинами заражения сифилисом и другими венерическими заболеваниями солдат в армии считались: комплектование войск исключительно молодыми и большей частью неженатыми людьми, значительное распространение этих болезней среди населения, в особенности в торговых и мануфактурных центрах, слабый надзор за проституцией со стороны гражданских властей и почти полное отсутствие специальных лечебных заведений, в которых проститутки могли бы бесплатно лечиться.

При этом, как отмечал современник; «...в казарме солдат наш боится лекаря, а на лазарет и больницу смотрит как на место неизбежной смерти»².

Наибольшую смертность влекли за собой тиф, острая бугорчатка, чахотка и крупозное воспаление легких. Различного рода тифы в 1887 г. дали на 1000 чел. списочного состава 12,3 больных и 1,64 умерших; из округов наибольшее распространение тифы имели в Петербургском (27,3 на 1000 чел.) и особенно Иркутском (41,1 на 1000 чел.). Наибольшее число заболеваний тифом отмечалось в лейб-гвардии Измайловском полку (104 на 1000 чел.), 5-м Западно-Сибирском линейном батальоне (84,1 на 1000 чел.), 88-м пехотном Петровском полку (67,3 на 1000 чел.), Семипалатинском резервном пехотном батальоне (66,9 на 1000 чел.), лейб-гвардии Егерском полку (66,2 на 1000 чел.) и лейб-гвардии Павловском полку (64,1 на 1000 чел.). Наибольшую смертность от тифа понесли части: 5-й Западно-сибирский линейный батальон (17,4 на 1000 чел.),

¹ Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. СПб., 1889. № 5–6. С. 74.

² Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 87.

Эриванский местный батальон (13,09 на 1000 чел.), 5-я резервная артиллерийская бригада (12,7 на 1000 чел.), туркестанский саперный полубатальон (11,82 на 1000 чел.), кадровый батальон лейб-гвардии резервного пехотного полка (11,13 на 1000 чел.), 3-я артиллерийская бригада (10,61 на 1000 чел.) и лейб-гвардии Финляндский полк (9,05 на 1000 чел.)¹.

Что касается убыли в неспособные, то наблюдалось постепенное снижение числа таковых. В 65% случаев причинами перехода нижних чинов в неспособные из всего числа переведенных в нестроевые послужили неправильность конечностей, особенно пальцев, и для 17% выпадение прямой кишки; увольнение в отпуск преимущественно (60%) вызывалось малокровием и истощением вследствие перенесенных болезней, а также поражения дыхательных путей; наибольшее же число уволенных в отставку приходилось на бугорчатку и хроническое воспаление легких и подреберной плевы (20% от общего числа), второе место занимали грыжи (17%)².

Инструкции командования были категоричны: «В целях предупреждения развития в войсках дивизии во время предстоящего расположения их в лагерях, эпидемических болезней, предписываю произвести подробное санитарно-гигиеническое обследование, ко времени вступления в лагерь частей войск, лагерных стоянок дивизии, обратив при этом особое внимание на источники водоснабжения и состояние почвы относительно загрязнения ее, а также все прочие условия данного места, приведя таковое в санитарно-гигиеническом отношении удовлетворительное состояние»³.

¹ Состояние здоровья наших войск в 1887 году... С. 75.

² Там же. С. 76.

³ ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

Нужно отметить, что Военным министерством военно-лечебные заведения и части войск армии достаточно своевременно снабжались медикаментами, припасами и инструментами, нужными им, причем надлежащего качества и в необходимом количестве. Кроме того, тем же довольствием снабжались морское ведомство, гражданские учреждения и лица, которым такое снабжение определено было по положению. Всего же вообще в течение 1887 г. было отпущено военному, морскому и гражданскому ведомствам на 399017 руб.¹

Современник отмечал: «Наш солдат недорого ценит свою жизнь, свое здоровье, тем более должны мы его беречь. Для того, чтобы солдат с доверием относился к мерам, направленным к его оздоровлению (казарменный запах, въедающийся в солдатскую одежду, сероватый цвет лица, грудные болезни – следствие громадной примеси сернистого водорода в казарменном воздухе), недостаточно уроков гигиены в учебной команде, страдающими теми же недостатками, как уроки закона Божия: нужна живая беседа, согретая любовью к человеку»².

Для решения вопросов, связанных с организацией санитарного дела, в армии был учрежден военно-медицинский ученый комитет. Деятельность его главным образом заключалась в рассмотрении свидетельств военнотружущих, их семейств, в т. ч. и нижних чинов, для определения прав на пенсии и других преимуществ; рассмотрении актов об освидетельствовании особыми комиссиями состояния здоровья новобранцев по прибытии в войска. В решении различных вопросов, относящихся к улучшению военно-медицинской, врачебно-практической и санитарной частей армии, ее

¹ Состояние здоровья наших войск в 1887 году... С. 76.

² Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 88.

учреждений и заведений по снабжению военно-врачебных учреждений предметами медицинского довольствия.

Рис. 21. Омский гарнизонный военный госпиталь, середина XIX в.

Рассмотрения мер охраны здоровья войск вообще и в исключительных случаях принятия мер к предупреждению и ограничению эпидемических и эпизоотических болезней, а также ряда других менее важных вопросов санитарного состояния войск.

Вместе с тем действующая организация санитарной части русской армии не соответствовала не только уровню ее развития, но и современным требованиям того времени по сравнению с армиями других государств Европы, где санитарный персонал и врачебные учреждения армии были ор-

ганизованы по военному принципу и соединены в одно ведомство. В них (с некоторой разницей) практиковалось единоначалие, устройство подразделений медицинских частей структурно входило в части боевые, осуществление санитарной службы возложено было на чинов санитарного персонала.

Санитарное же устройство русской армии основывалось еще на принципах, относящихся к эпохе царствования императора Александра I, частью к царствованию императора Николая I, начиная с 1835 г. С небольшими усовершенствованиями так продолжалось до 1847 г. и далее оставалось вплоть до Крымской войны, результаты которой известны¹.

После Крымской войны очевидной стала необходимость улучшения военно-санитарного устройства армии. Они отражены были в регламенте 1869 г., но относились, прежде всего, к устройству санитарной службы мирного времени. Причиной всех неудач санитарного устройства армии войны 1877–1878 гг. признавалось разъединение медицинского и госпитального ведомств и дуализм в начальствовании и управлении, т. е. плохая организация и администрация полевого санитарного дела. Об этом говорил, например в своем отчете по военно-санитарному устройству армии того времени знаменитый врач Пирогов².

Изменения произошли только в 1887 г., когда введено было новое «положение о военно-врачебных заведениях военного времени». Нововведением разделением врачебных заведений на полевые лазареты, служившие перевязочным целям и временные госпитали, служивших целям лечебным. Важными нововведениями положения 1887 г. стали: уменьшение лазаретов при частях войск, уменьшение военных

¹ Кехер Ю. О военных врачах // Военный сборник. СПб., 1902. № 10. С. 167.

² Кехер Ю. О военных врачах... С. 168.

временных госпиталей с 630 на 210 кроватей, придание двух госпиталей в непосредственное распоряжение каждой дивизии, учреждение слабосильных команд, изменение способа ведения хозяйства госпиталей.

Оставались также и несовершенства, главным из них было отсутствие в проекте положений об эвакуации и больничных этапах, что важно было для санитарного устройства в армии в военное время. В 1890 г. подготовлено новое положение о полевом управлении войск в военное время, но и оно в полной мере не решило стоящих перед армией задач о санитарном устройстве¹.

При отсутствии культуры личной гигиены, всеобщей антисанитарии любое заболевание очень быстро приобретало характер эпидемии, сопровождавшейся массовой гибелью людей. Предотвращение эпидемий было государственной задачей в XIX в. Следует отметить, что эпидемии угрожали главным образом вооруженным силам, поскольку именно там существовали наиболее благоприятные условия для распространения эпидемий: большая концентрация людей, отсутствие в полевых условиях канализации, плохое водоснабжение. Например, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. абсолютные потери русской армии составили 149000 чел. На Дунае и на Кавказе всего против турок было выставлено 933726 чел., больных было за период военных действий 182700 чел.²

Современник так характеризовал деятельность военных врачей: «К сожалению, некоторые врачи склонны увлекаться административной частью своих лазаретов и, всецело погружаясь в отчетности и донесения, принимать слишком слабое участие в повседневной казарменной

¹ Кехер Ю. О военных врачах // Военный сборник. СПб., 1902. № 10. С. 170–173.

² Кехер Ю. О военных врачах... С. 176.

жизни. Осмотр нижних чинов в сроки, назначенные полковым командиром, проба ротовой пищи, наружный осмотр помещений – вот почти вся служебная деятельность наших врачей. Уже и не говоря про посещение рот дивизионными и корпусными врачами – это целое событие в роте, настоящий осмотр, которому предшествует полудра ротных котлов, добавка в кашу лишних фунтов сала, натирание пробных ложек укропом (дабы отшибало нос, как выражаются солдаты), мытье тюфяков и набивание их свежей соломой»¹.

Немаловажным оставался вопрос обеспечения армии достаточным количеством санитарного персонала и прежде всего врачами. Отсутствие надлежащего количества медицинского персонала компенсировала в некоторой степени деятельность «Красного креста», которая оказалась «просто спасительной для военно-санитарного ведомства в Восточной войне, в виду полной его несостоятельности»².

Для врача требовалась специальная подготовка со знанием военного дела, особенностей санитарного устройства, специфики влияния службы на здоровье военнослужащих армии, которой никто не давал кроме Императорской медицинской академии, которая не могла обеспечить всех потребностей армии того периода в медицинском персонале.

Таким образом, высшее военное командование предпринимало усилия по улучшению санитарного устройства армии, охране здоровья нижних чинов. Это стало не только проблемой военного ведомства, но и заботой всего государства. Однако, все же, эти усилия были недостаточны и далеко отставали от современных потребностей и реалий военного строительства ведущих современных армий европейских государств.

¹ Лоссовский. Забава и дело в казарме // // Военный сборник. 1884. № 7. С. 86.

² Кехер Ю. О военных врачах... С. 181.

2.3. Военская дисциплина и система наказаний в российской армии

Военская дисциплина и меры по ее поддержанию являются неотъемлемой частью повседневной жизни нижних чинов российской императорской армии.

Новобранец, попавший в армию, сразу же должен был вписываться в систему дисциплинарно-иерархических отношений: «В казарме солдат находил совершенно непривычную обстановку в виде многостепенной иерархии и военной дисциплины. Над рядовым стояли учитель, отделенный, взводный, фельдфебель (вахмистр), ротный командир (эскадронный, батарейный); все они обладали правами и обязанностями направлять его жизнь и службу. Только младший офицер, по заведенному обычаю, стоял обыкновенно в стороне от управления»¹.

При этом, – «...за малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями. Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского военного режима»².

Состояние военной дисциплины в частях и подразделениях русской армии во второй половине XIX – начале XX веков оценивалось военскими начальниками того времени как вполне удовлетворительное. По докладным командующих войсками военных округов России, во вверенных частях «важных нарушений не было... Главные нарушения со стороны нижних чинов – побеги, кражи, растрата казенного

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 344.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 37.

имущества и нарушения воинского благочиния. Большинство этих происшествий совершается в нетрезвом состоянии. Другие нарушения: оскорбление своих унтер-офицеров, несколько редких случаев оскорбления на словах офицеров» – отмечал Командующий войсками Московского военного округа генерал-адъютант А.И. Гильден-штуббе при инспектировании войск. В 1875 г. по докладу командующего войсками Одесского военного округа «воинская дисциплина поддерживалась строго. Число штрафованных нижних чинов составило 675 чел. или 11,03 на 1000 чел. среднего списочного состава»¹.

Нужно отметить, что ближе к концу XIX в., в структуре судимости нижних воинских чинов происходят некоторые качественные изменения. Анализ судебной практики показал тенденцию к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. Так, если в 1872 г. суд приговорил 137 рядовых и унтер-офицеров к смертной казни, каторжным работам или ссылке, то в 1880 г. был вынесен лишь 61 подобный приговор². В то же время наблюдалась тенденция к совершению большего количества преступлений против собственности. В период с 1889 по 1894 г. они составляли 49,8%, преступления против личности – 21,1%, преступления служебные и против порядка управления – 7,4%, религиозные преступления – 0,9%, остальные преступления (бродяжничество, преступления против нравственности и др.) – 20,8%³. Это было связано с введением в действие в армии дисциплинарного

¹ Чиненный С. Унтер-офицеры Русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 63.

² Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1872 г. СПб., 1874; 1880; 1882 г.

³ Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / Сост. Е.Н. Тарновский. СПб., 1899.

Устава, позволявшего нарушения по службе регулировать в дисциплинарном порядке и не доводить их до суда.

Вместе с тем, наибольшее число нижних чинов осуждались за преступления по службе. По данным, опубликованным в Военном сборнике за 1890 г. по годам – 1886, 1887, 1888: «за уклонение и побеги из службы соответственно осуждено – 874, 1801, 988, преступления против службы и дисциплины – 1998, 3499, 1798, пьянство, растрату, порчу казенных вещей и вообще дурное поведение – 524, 869, 552, преступления против порядка управления – 0, 8, 3; преступления против имущества и доходов казны – 0, 6, 10; преступления против жизни, здоровья и чести частных лиц – 0, 19, 15; преступления против собственности частных лиц – 52, 93, 64»¹.

Одной из причин правонарушений, совершавшихся в войсках, современные исследователи правоотношений в армии того времени называют низкую правовую культуру личного состава, а также уровень правовой подготовки многих офицеров, незнание большинством рядовых и унтер – офицеров своих прав и обязанностей². При этом среди нижних чинов преступники составляли менее 1% от всех военнослужащих, среди офицеров значительно меньше – около 0,15%, что свидетельствует об очень низком уровне преступности в вооружённых силах³.

Столь низкий уровень правонарушений определялся, прежде всего, ежедневным трудом офицеров и унтер-офицерского корпуса. При этом, в отчетах инспекторов при

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 139.

² Крылов М.В. Формирование основ правовой культуры в русской армии во второй половине XIX – XX веков // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 41.

³ Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 22.

проверках воинских частей часто делались отметки, что состояние воинской дисциплины было бы еще более крепким, если бы командирам удалось изжить среди солдат пьянство, которое в большинстве своем и являлось первопричиной всех воинских преступлений и нарушений.

Как писал А.И. Деникин, – «Отношения между начальниками и подчиненными не всегда и не везде покоились на здоровых основаниях, и, прежде всего, отражали на себе общий характер и нравы эпохи... телесные наказания и рукоприкладство являлись основным отражением воспитания войск. Физическое воздействие распространено тогда было широко в народном быту, и в школах и в семьях. С 60-х... годов телесное наказание было ограничено законом»¹.

Другой современник давал такую характеристику: «Преследовалась одна цель – чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко»².

Конечно же, не все нарушения, случавшиеся в армии, фиксировались официальной статистикой. Чаще всего, это касалось проступков, связанных со злоупотреблением служебным положением, пьянством и рукоприкладством³. Следует отметить, что судебную статистику в российской армии начали вести только с 1871 г. С этого времени она стала использоваться в качестве инструмента для анализа состояния, структуры и динамики преступности в армии.

В военно-судебном ведомстве сбором и анализом статистических сведений занималось Главное военно-судное

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 344.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 36.

³ Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 44.

управление. Данные поступали из трёх источников: окружных штабов (о работе полковых судов), военно-окружных судов и из Главного военно-судного управления¹.

Немаловажное значение для регулирования уровня преступности в армии играла уголовная политика государства, в том числе, в области военного законодательства. Основным направлением развития военно-уголовного законодательства в первой половине XIX в. являлась кодификация, т.е. издание свода всех военно-уголовных законов на основе Воинского устава Петра I с учётом накопившихся изменений.

По мере накопления изменений законодательства, которое фиксировалось ежегодно, переиздавался весь Свод военных постановлений. Всего вышли три редакции Свода военных постановлений: в 1838, 1859 и 1869 гг. Издание 1869 г. представляло собой качественно иное собрание военного законодательства. Свод военных постановлений 1869 г. переиздавался 5 раз, последняя книга была издана в 1918 г.²

Еще с середины XIX в. назрела необходимость унификации, и приведения в соответствие уголовного и военно-уголовного законодательства. Эта работа продолжалась в течение 20 лет, начиная с 1846 г.

Целью новой уголовной политики явился переход от карательной направленности уголовной ответственности к исправительной, что выразилось в ограничении смертной

¹ Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства... С. 22.

² Там же. С. 12.

казни, отмене пыток. Также были ограничены, а затем и вовсе отменены телесные наказания, распространенные широко в армии почти до середины XIX в.¹

Воинский устав о наказаниях вошёл в Свод военных постановлений 1869 г., состоял он из 6 частей и 24 книг. Военно-уголовные законы были собраны в отдельной части – «Военно-уголовные уставы», куда входили три устава: о наказаниях, дисциплинарный и военно-судебный. Воинский устав о наказаниях и устав военно-судебный составляли также отдельные книги. Кроме того, в части «Военные заведения» была помещена книга о «Заведениях военно-тюремных»².

Военно-судебная реформа сопровождалась формированием системы органов военной юстиции, которая представляла собой совокупность, военно-судебных органов, военно-полицейской службы и военно-пенитенциарной системы. Военные прокуроры и военные следователи состояли при военных судах.

Военно-окружные суды были учреждены в России Военно-судебным уставом 1876 г. и открывались в округах по мере введения этого устава в действие. В Сибири первый окружной суд появился 1 сентября 1889 г. Им стал Омский окружной суд. Это судебное учреждение, которому были подведомственны дела о преступлениях офицеров, нижних чинов, военных чиновников, а также гражданских лиц, обвиняемых в соучастии с военнослужащими. Во главе его стоял председатель, подчинявшийся непосредственно командующему войсками округа. Местопребывание следова-

¹ Скобликов С.В. Система наказаний в русской армии для нижних воинских чинов во второй половине XIX – начале XX в. // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 5. № 2. С. 5.

² Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства... С. 19.

телей располагалось наряду с Омском также в Томске, Тобольске и Семипалатинске. При военно-окружном суде существовал военно-прокурорский надзор, возглавляемый военным прокурором. В этом же году были созданы Иркутский и Приамурский военно-окружные суды¹.

В состав военно-пенитенциарной системы входили: 1) дисциплинарные батальоны, роты и команды; 2) военные тюрьмы и тюремные отделения; 3) тюремные заведения морского ведомства; 4) крепости; 5) гауптвахты.

Военно-пенитенциарная политика в отношении рядовых характеризовалась введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. Все наказания делились на уголовные, исправительные и дисциплинарные.

По воинскому уставу о наказаниях определены были наказания уголовные и исправительные: уголовные-каторжные работы в рудниках на время от 12-ти до 20-ти лет и без срока, каторжные работы в крепостях на время от 8-ми до 12-ти лет и каторжные работы на заводах на время от 4-х до 8-ми лет; ссылка на поселение в Сибирь и заключение в крепости на время от 10-ти до 20-ти лет. Первые два вида наказания, – каторжные работы и ссылка, – сопровождалась всегда лишением всех прав состояния; заточение же в крепости, назначаемое исключительно за воинские преступления, не влекло за собой лишения всех прав состояния, но сопровождалось всегда исключением из службы с лишением чинов².

Наказания исправительные, в зависимости от служебного положения виновного и того обстоятельства, сопряжен

¹ Гефнер О.В. Военное управление в Западной Сибири и Степном крае (вторая половина XIX – начале XX веков)... С. 63.

² Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 114.

ли проступок или преступление с нарушением обязанностей военной службы или нет, для нижних чинов назначались за преступления, не сопряженные с нарушением обязанностей военной службы: а) для пользующихся, особенными правами состояния – ссылка на тех же основаниях, что и для офицеров, и одиночное заключение в военной тюрьме, с потерей некоторых прав и преимуществ по службе; б) лишение унтер-офицерского или ефрейторского звания; в) лишение приобретенного прежней службой права на получение прибавочного жалованья; г) лишение права, за исключением лишь случая отличного подвига, на получение знаков отличия впредь до прощения понесенного штрафа, на время от одного до четырех месяцев; д) для не пользующихся особенными правами состояния – отдача на время в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства, с лишением воинского звания, исключением из службы и потерей всех особенных прав и преимуществ лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных; заключение в рабочем доме, с теми же последствиями, и одиночное заключение в военной тюрьме¹.

За преступления по службе назначались те же вышеуказанные, но к ним добавлялись для нижних чинов, пользующихся особенными правами состояния, а также и не пользующихся ими: отдача в дисциплинарные батальоны и роты, на время от одного года до трех лет, с потерей лишь некоторых прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных или службой приобретенных.

Отдача в дисциплинарные батальоны и роты, кроме упомянутой потери некоторых прав и преимуществ, не влекла за собой исключения из военного ведомства, но осужденные лишались знаков отличия, сохраняя лишь медали за участие в войнах и походах и кресты, равного с ними

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. Там же. С. 115.

достоинства, а не пользующиеся особыми правами состояния – переводились в разряд штрафованных.

Встречались и отдельные случаи отказа от военной службы. Так, например, в Государственном архиве Томской области сохранилось «Дело по обвинению рядового И. Плотникова в отказе от военной службе и жалобе на офицера»¹.

Смертная казнь, применялась за наиболее тяжкие преступления и практически все преступления, совершенные в военное время. Ссылка, назначалась за тяжкие преступления и при отягчающих обстоятельствах, часто применялось за совершение должностных преступлений. Каторжные работы, назначались бессрочно или на определённый срок с работой в рудниках, крепостях и на заводах за совершение наиболее тяжких преступлений. Также практиковались такие методы наказания как перевод в разряд штрафованных.

Одним из повседневно практикующимся методом поддержания дисциплины являлось рукоприкладство: «Что касается рукоприкладства, в указанный период оно сохранялось полузаконно, как обычай, редко преследуемое до 90-х годов, разве только в случае явного членовредительства... С тех пор кулачная расправа стала водиться, в особенности после 1904 г., когда и телесные наказания в войсках были окончательно отменены – одновременно с отменой порки по приговорам волостных судов. Кулачная расправа стала изнанкой казарменного быта – скрываемой, осуждаемой и преследуемой»².

В ряду учреждений, служащих для отбывания нижними воинскими чинами наказаний, влекущих за собой лишение свободы, главное место занимали дисциплинарные батальоны, роты и военные тюрьмы. Наиболее распространённым

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–15.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 345.

наказанием нижним чинам на практике являлось содержание в дисциплинарной воинской части. Это наказание назначалось за незначительные преступления, связанные с воинской службой: «...начальник конвоя Дмитрий Грязнов, Герасим Коротаев, Николай Дедюхин, Иван Грамотчиков, Петр Пиляев при конвоировании каторжного арестанта нарушили устав караульной службы, следовали из Барнаула в Змеиногорск и по пути нанялись на работу к крестьянину деревни Плотава Ивану Пермякову за 40 коп. Вследствие этого, арестованы и осуждены военным судом к 3-м годам Дмитрий Грязнов как старший конвоя и 1-му году каждый из конвоиров, следовавшие с ним – направлены для отбывания наказания в Омскую дисциплинарную роту»¹.

Отмечались в регионе и случаи побегов нижних чинов: «В ночь с 29-го на 30-е апреля с.г. из общей камеры полковой гауптвахты 42-го Сибирского стрелкового полка бежали содержащиеся арестованные стрелки того же полка Яков Ляпунов и Федор Панагушин. Через окно камеры у двух арестованных, лежащих на нарах у внутренней стены видны только одни ноги, воспользовавшись этим и сделав чучела из шинелей, стрелки Ляпунов и Панагушин, забрались под нары, оторвали две доски в полу и, подкопав стены, бежали. Виновным в допущении побега является весь состав караула от 6-й роты 42-го Сибирского стрелкового полка, охранявшего арестованных, за что виновные после окончания предварительного следствия понесут должные наказания по суду»².

Дисциплинарные бригады впервые были учреждены в 1868 г. и созданы с целью «...выделения порочных нижних чинов, имеющих вредное влияние на других служащих в ротах солдат, и в подчинении этих порочных более усилен-

¹ ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–15.

² ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

ным мерам исправления, путем постоянного труда и строгого надзора...»¹. До этого времени существовала практика определения нижних чинов из гвардии, гренадеров и жандармов в «штрафные» и перевода их в армию, что носило определенные неудобства с точки зрения поддержания дисциплины в частях, куда они определялись, и назрела необходимость выделения их в отдельные команды. Первоначально они формировались как рабочие бригады для использования в трудных работах в Новороссийском крае и на Кавказе, а затем и в других местностях по линиям строящихся железных дорог, в том числе и Сибири, при этом учитывались интересы войск, которые могли выделить из своего состава порочных нижних чинов.

На эту тему подготовлен был специальный доклад Главного штаба, в котором говорилось, что «... в 1868 году кроме выделенных 8500 человек штрафованных в рабочие бригады, в среде войск остается еще до 13,500 человек порочных нижних чинов, вредное влияние которых, на безпорочно-служащих, и особенно на молодых солдат, несомненно»².

В то же время командование понимало, что большое количество «нравственно-испорченных людей» в рабочих бригадах затрудняет над ними строгий надзор, а, следовательно, и их исправление. Кроме того, существовала проблема обеспечения их постоянной работой. Все это требовало новой организации процесса перевоспитания нижних чинов.

За проступки нижних чинов наказывали также карцером. Вот как вспоминал такое наказание В. Гиляровский: «Не помню, за какую проделку я попал в лагерный карцер. Вот мерзость! Это была глубокая яма в три аршина длины и

¹ Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 257.

² Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 255.

два ширины, вырытая в земле, причем стены были земляные, не обшитые даже досками, а над ними небольшой сруб, с крошечным окошечком на низкой-низкой дверке. Из крыши торчала деревянная труба-вентилятор. Пол состоял из нескольких досок, хлюпавших в воде, на нем стояли козлы с деревянными досками и прибитым к ним поленом – постель и подушка. Во время дождя и долго после по стенам струилась вода, вылезали дождевые черви и падали на постель, а по полу прыгали лягушки.

Рис. 22. Усть-Каменогорск, Крепостной переулок

Это наказание называлось – строгий карцер. Пища – фунт солдатского хлеба и кружка воды в сутки. Сидели в нем от суток до месяца – последний срок по приговору суда. Я просидел сутки в жаркий день после ночного дождя, и ужас этих суток до сих пор помню»¹.

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 85.

На усмотрение окружного руководства, и в соответствии с условиями и потребностями войск, командование военного ведомства предоставляло право отделять штрафованных нижних чинов от строевого состава и определять их в особые дисциплинарные команды для производства работ под руководством офицера и назначенных нижних чинов, чтобы из казны не пришлось выделять дополнительных средств и чтобы число нижних чинов, как «...штрафованных так и выделенных для надзора не наносило ущерба строевому составу при организации гарнизонной службы в городах...»¹.

Дисциплинарные команды размещались при полковых штабах, в домах, нанятых земством, отдельно от караульных и других частей. При строевой роте имелись два состава – наблюдательный для присмотра за «порочными» и переменный из штрафованных нижних чинов. В штатном составе дисциплинарной команды состояли начальник команды, назначавшийся из числа ротных командиров нестроевых частей, субалтерн-офицер полка с правами ротного командира, фельдфебель нестроевой роты, фельдфебель команды.

При необходимости с каждой линейной роты для надзора за штрафованными прикомандировывались по одному унтер-офицеру или рядовому, отличавшихся «умственным развитием и примерною нравственностью, полным сознанием службы, твердым характером и энергией»².

Артельщик выбирался из постоянного состава команды. В дисциплинарную команду поступали нижние чины разряда штрафованных, не «подающие надежды к исправлению», военно-срочные арестанты по прибытии в полк и другие, прибывающие штрафованные, чье поведение

¹ Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 257.

² Там же.

еще не выяснено. Все чины, содержащиеся там, находились без ограничения времени на усмотрение командира полка.

В отношении тех, которые отличились примерным поведением, предусматривались «представления о прощении» или сокращении сроков пребывания в команде. Назначение же в дисциплинарную команду и возвращение назад в роту зависело только от командира полка.

Нижние чины, в отношении которых были исчерпаны и безуспешны все меры административного и дисциплинарного воздействия для их исправления предавались военно-окружному суду за «неисправимо-дурное» поведение для перевода в военно-исправительные роты.

Для содержащихся в командах нижних чинов предусмотрено было по усмотрению командира полка и командира роты производство работ под надзором. Они состояли из носки воды для кухни, мытья полов, пилки и рубки дров, топки печей, очистки казарм, дворов и сорных ям, сапожного, портняжного, плотничного производства и т.д. из числа необходимых для жизнедеятельности войск. Кроме того, штрафованные нижние чины определялись и на работы за денежное вознаграждение по особому разрешению командира полка.

Вне зависимости от работ, нижние чины должны были упражняться в одиночном обучении, а также в гимнастике и фехтовании, в грамоте и изучении прочих необходимых для солдата сведений, а также наставлялись в религиозном и нравственном отношении полковым священником. В караул, патрули и конвой нижние чины дисциплинарных команд не назначались, однако участвовали в составе своих рот во время сборов во всех строевых учениях и стрельбах. За проступки во время нахождения в командах подвергались взысканиям, определенным дисциплинарным положением без всяких изменений.

Выходных, праздников, увольнений нижним чинам не полагалось, кроме как к обедне и только всей командой. Деньги, заработанные «порочными нижними чинами» полностью поступали в особую хозяйственную часть и расходовались по указанию начальника дивизии на необходимый инструмент и исправление одежды, выдача денег штрафованным на руки была необязательна и делалась только по усмотрению командира полка и с утверждения начальника дивизии.

Существовали и специальные инструкции командования: «Командирам частей распорядиться, чтобы командиры рот, батарей и сотен и начальник команд, при собрании нижних чинов, разъяснили последним обязанности нижних чинов при задержании нарушителей порядка и указали ответственность по закону, какой они подвергаются за сопротивление распоряжениям полиции и за оскорбления полицейских чинов при исполнении обязанностей службы (ст. 262 и 286 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и параграф 98 Устава внутренней службы, издания 1910 г.)»¹.

В Западной Сибири тюремные заведения военного ведомства располагались в Омске, Тобольске и Усть-Каменогорске. В частности, в Омске находилась дисциплинарная рота, учрежденная 16 мая 1867 г., когда вместо арестантских рот военно-инженерного ведомства, признанных не оправдавшими своего назначения и устаревшими, были основаны военно-исправительные роты. В ходе этой реорганизации было учреждено 15 рот, одной из которых стала Омская. На момент учреждения она была рассчитана на 110 арестантов, но уже в следующем году штат заключенных был увеличен до 300².

¹ ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

² Афанасьев В. Дисциплинарные роты и батальоны // Военный сборник. 1890. № 7. Ч. 1. С. 120–122.

В 1868 г. было создано особое крепостное военно-арестантское отделение в Усть-Каменогорске, рассчитанное на 200 чел., а также временное военно-арестантское отделение в Тобольске, в которое были направлены около 700 заключенных из расформированных арестантских рот. В 1876 г. Тобольское отделение было упразднено, а его контингент был переведен в Усть-Каменогорск¹.

В 1878 г. вышло положение, по которому военно-исправительные роты были упразднены и заменены дисциплинарными ротами и батальонами. В соответствии с положением, в 1879 г. Омская военно-исправительная рота была переименована в дисциплинарную. Возглавлял роту начальник. Состав нижних чинов был следующим: кадровые – 34, заключенные – 300. Усть-Каменогорское крепостное военно-арестантское отделение прекратило свое существование в конце 1880-х гг.² Дисциплинарная рота находилась в Омске до 1911 г., после чего она была переведена в Усть-Каменогорск³.

Нужно сказать, что отмена крепостного права привела к тому, что солдаты тоже получили свободу и перестали быть крепостными в армии. В основу отношений между офицерами и солдатами был положен, как высказался один из главных военных теоретиков позднеимперской России М.И. Драгомиров, – «принцип законности, защищавший их от неправых посягательств»⁴.

В пореформенный период представители офицерского корпуса постепенно приходили к выводу, что: «Интересы военной службы требуют, чтобы каждый, вступающий в

¹ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 38–39.

² Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. III. С. 18–19; Т. IV. С. 509.

³ Приказы по военному ведомству за 1911 г. СПб., 1911. С. 10.

⁴ Драгомиров М.И. Избранные труды: Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 684.

ряды войска твердо знал, какие права и обязанности он приобретает и чего лишается из тех прав, которые принадлежали ему в гражданской жизни. Кроме того, солдату должно быть ясно как день, что дисциплина не составляет исключительной, неотъемлемой особенности военной службы, что она также нужна и в гражданской жизни, и разница лишь в строгости, так сказать в напряженности, а потому, приучая его к дисциплине военной, мы тем самым подготовляем его к дисциплине гражданско-общественной»¹.

В 1863 г. были отменены шпицрутенy («прогнание сквозь строй»). Нужно рассказать, что шпицрутенy это форма телесных наказаний за грубые проступки и преступления, а также само орудие наказания – очищенный от коры и сучков свежесрезанный ивовый прут длиной около полутора метров и толщиной с большой мужской палец. Солдаты части, где служил приговоренный к шпицрутенам, выстраивались в две шеренги и под барабанный бой, отмерявший темп наказания, наносили удары по обнаженной спине осужденного, которого два солдата вели между шеренгами, привязанным к ружьям: наказываемый наклонялся, штык упирался ему в живот, вытянутые руки привязывались к прикладам, за которые держали ведущие солдаты, так что жертва не могла ни ускорить шаг, ни его замедлить, ни попытаться отстраниться от ударов. Наказание шпицрутенами считалось самым тяжелым и позорным, регламентировалось законом и назначалось по решению суда. После наказания шпицрутенами солдат должен был заново приносить присягу².

¹ Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 87.

² Беловинский А.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 894.

Наказание же розгами сохранились: до 200 ударов как наказание по суду и до 50 ударов как взыскание дисциплинарное: ротные командиры имели право назначать до 15 ударов, батальонные – до 25, полковые – до 50. При этом, как отмечает Б.Н. Миронов, – «... в высших военных и гражданских кругах были распространены иллюзии, что немного кнута нижним воинским чинам пойдет только на пользу»¹. Розги, в отличие от шпицрутен, представляли из себя пучок свежесрезанных или вымоченных в воде веток (иногда, для большего эффекта – соленой), очищенных от сучков тонких прутьев.

Рис. 23. Тобольск, тюремный замок

Вот как писал очевидец: «Кроме карцера, суд присуждал еще иногда к порке. Последнее – если провинившийся солдат состоял в разряде штрафованных. Штрафованного мог наказывать десятью ударами розог ротный, двадцатью пятью – батальонный и пятьюдесятью – командир полка в

¹ Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2015. С. 594.

дисциплинарном порядке... в полку были ротные, любители этого способа воспитания. Я раз видел, как наказывали по суду. Это в полку называлось конфирмацией»¹.

Полностью телесные наказания в армии были запрещены только в 1904 г. Воинские уставы 1904 и 1912 гг. категорически, под страхом уголовного наказания, запрещали оскорбление и физическое наказание офицерами нижних чинов.

Когда войска находились в сборе, дисциплинарные команды со своими унтер-офицерами располагались при нестроевой роте, в остальное время они размещались отдельно от других нижних чинов полка, казарменно, в зданиях, отводимых от земства, отопление и освещение отпускалось по положению. Основанием служил циркуляр распоряжения министра внутренних дел губернаторам от 25-го октября 1867 года за № 235 «Г. военный министр сообщил министру внутренних дел о необходимости составления, при полковых штабах войск, команд из штрафованных нижних чинов, хотя бы не более как из 50 или 60 чел. В каждой, и потому просит меня предложить гг. губернаторам, чтобы они, со своей стороны, оказывали возможное содействие войскам к сосредоточенному расположению означенных нижних чинов, о таковом ходатайстве генерал-адъютанта Милютина долгом считаю сообщить Вашему Превосходительству для зависящего от Вас, в чем следовать будет, распоряжения»².

Генерал М.В. Грулев писал: «... иной начальник, забывши закон, дает волю рукам; другой одержим скверной привычкой ругаться трехэтажными словами... В военном быту существует целая лестница наказаний, налагаемых без суда властью начальника... На практике и в военном законодательстве все права переданы в законное владение

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 85–86.

² Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 260.

начальству, все обязанности предоставлены в удел подчиненным»¹.

Помощник командира нестроевой роты жил отдельно в квартире поблизости от помещений штрафованных. Унтер-офицеры наблюдательного состава располагались в том же доме, где жили «порочные нижние чины», но в отдельных комнатах. Пища для штрафованных готовилась отдельно исходя из приварочных денег, без добавления из других сумм. В зависимости от сложности работ, по усмотрению командира и по праздникам пища могла быть улучшенной. Постоянный состав получал более качественную пищу, из норм, положенных фельдфебелям строевых частей, кроме того, по усмотрению командира полка они получали особую прибавку к жалованию из заработанных денег².

В дисциплинарные роты, в отличие от военно-исправительных, направлялись солдаты преимущественно за военные преступления на срок от одного до трех лет. Большинство заключенных представляли собой людей, не усвоивших правил воинской службы, не сумевших подчиниться строгим требованиям дисциплины. В силу этого основной задачей дисциплинарных рот было приучение заключенных к порядку и соблюдению воинского устава. В основу организации дисциплинарных рот была положена воинская система. При этом, время в заключении засчитывалось в срок действительной службы, а заключенные оставались в списках своих частей. Это делалось для того, чтобы военной службе не придавалось значение наказания. За общие уго-

¹ Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 54.

² Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 260.

ловные преступления нижние чины исключались из военного ведомства, лишались воинского звания и помещались в гражданские тюрьмы¹.

Строгий распорядок и условия содержания в дисциплинарных командах оказали свое позитивное действие в войсках, заметно уменьшились в ротах преступления, связанные с побегами и воровством нижних чинов из воинских частей.

С одной стороны, это достигалось тем, что из армии устранились люди, склонные к нарушению воинской дисциплины и совершению преступлений, с другой, – профилактическим воздействием на желание не попадать в дисциплинарную команду. «...наблюдения над личностями этого рода показали, что требования педантичной исполнительности относительно внутреннего порядка, строгое обхождение в пределах закона и обязательные работы отвлекли порочных от пьянства и разврата и вывели быстро многих из них на путь исправления... следствием сего было такое заметное возвышение нравственности в порочных нижних чинах, что в первое же полугодие из 114 чел. 32 были обращены в роты и удостоены Высочайше дарованной милости, объявленной в приказе по военному ведомству 1868 года № 149, затем к концу года еще 78 человек были возвращены в роты»².

Учреждения эти возникли в российской армии постепенно, по мере изменения законоположений, определявших виды и размеры наказаний для нижних чинов. В 60-х годах XIX столетия признано было необходимым коренным образом изменить российское военно-уголовное законодательство. Источниками его послужили воинские артикулы Петра Великого, а также уголовные законы того времени.

¹ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 39.

² Военный сборник. СПб., 1869. № 8. С. 263.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было основным правовым актом, устанавливающим преступность и наказуемость деяний. Однако в военно-уголовном уставе оставались составы преступлений, обусловленных правовым положением военнослужащих и особенностями военной службы. Правда, теперь оно лишалось самостоятельной роли, ему придавался подчинённый характер, ограниченный по сфере применения. Основным источником уголовного права являлся общегосударственный закон¹.

Все указанные постановления, внесенные в свод без согласования между собой, дополненные или измененные отдельными узаконениями, выходившими по частным случаям в разное время, представляли ряд противоречий, при существовании которых, равно как при неопределенности и неполноте некоторых статей, участь подсудимых часто предоставлялась произволу начальников. С целью исправления недостатков действовавшего военно-уголовного устава, в 1856 г. было начато проектирование нового устава о воинских преступлениях и наказаниях, который стал действовать с мая 1867 г.²

Новым для рассматриваемого периода стало введение военно-пенитенциарных учреждений. На основании положений 16-го мая 1867 г. определено было открыть 15 военно-исправительных рот на 5445 арестантов, обратив в состав их 37 военно-арестантских рот. Число арестантов распределялось по ротам следующим порядком: в бобруйской – 1200, в киевской – 700, в динабургской и кронштадтской – по 600 в каждой, в брест-литовской – 400, в свеаборгской – 300, в новогеоргиевской – 225, в рижской, ивангородской,

¹ Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 19.

² Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 116–117.

херсонской, бендерской, динаминдской и выборгской – по 200 в каждой и в омской и оренбургской – по 150 в каждой¹.

Существовали и специальные предписания дисциплинарным судам о производстве военно-судных дел и определении наказаний обвиняемых нижних чинов².

Обращено было также внимание на несовершенство в устройстве существовавших тогда арестантских рот инженерного ведомства, которые возникли еще в 1833 г. и, не соответствуя цели своего учреждения – нравственного исправления преступников, служили для многих школой разврата³.

В арестантские роты инженерного ведомства ссылались нижние чины: 1) приговоренные к крепостным работам навсегда (с лишением военного звания) или же на сроки (без исключения из военного ведомства), 2) назначаемые в арестантские роты на срок для исправления и 3) исключенные из военного ведомства и приговоренные в арестантские. Следовательно, виновные в уголовных тяжких преступлениях и легких нарушениях дисциплины содержались в одном и том же месте, почти при одинаковых условиях.

С целью нравственного исправления заключенных решено было взамен арестантских рот, устроить роты по образцу заграничных военно-рабочих тюрем и вместе с тем заменить телесные наказания для нижних чинов одиночным заключением, предоставив арестантам средства к умственному образованию и приохотив их к труду. Также было принято решение об устройстве военных тюрем для нижних чинов, виновных в маловажных проступках и упущениях по службе, взамен полагавшегося до того времени телесного наказания за эти проступки.

¹ Там же. С. 119.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

³ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 126.

Как писалось в «Военном сборнике» в 1890 г.: «В виду воспоследовавшего 17-го апреля 1863 года Высочайшего повеления об отмене наказания шпицрутенами и об ограничении наказания розгами, военному министерству было вменено в обязанность принять меры к скорейшему устройству военных тюрем и исправительных заведений (приказ военного министра 1863 г., № 120-й). Составленные на основании сего проекты положений о военно-исправительных ротах, о тюрьмах военного ведомства и о крепостном арестантском отделении удостоились Высочайшего утверждения в 16-й день мая 1867 года»¹.

Военно-исправительные роты предназначались для содержания нижних чинов, приговариваемых по суду к такого рода наказаниям. Состоявшие в этих ротах нижние чины не исключались из военного ведомства, но время нахождения в них не зачислялось в срок действительной службы. Роты причислялись к составу местных войск и подчинялись начальнику этих войск в округе. Арестанты военно-исправительных рот разделялись на два разряда: испытываемых и исправляющихся; в первый разряд зачислялись все вновь поступавшие в роты, а затем, по прошествии определенного срока, арестанты, если оказывались того достойными, переводились во второй разряд, время пребывания в котором давало право на сокращение срока заключения на одну треть.

Арестанты разряда испытываемых содержались половину определенного срока в одиночном заключении днем и ночью; в остальное же время они, равно как и арестанты разряда исправляющихся, содержались в одиночных камерах лишь ночью.

Испытываемые арестанты, находившиеся в постоянном одиночном заключении, содержались и занимались работами и физическими упражнениями на одинаковых совершенно основаниях с заключенными в военных тюрьмах.

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 127.

Прочие же арестанты, находившиеся днем совокупно, обязаны были сохранять безусловное молчание.

Арестанты использовались на различных работах, занимались упражнениями по строевой подготовке и обучались грамоте. Работы разделялись на хозяйственные и мастерские внутри ограды здания; последние производились в одиночном заключении, или в отдельно устроенных мастерских.

Для занятий полагалось от восьми до десяти часов в сутки. Из чистой прибыли, вырученной от продажи арестантских изделий, 10% обращалось в пользу арестантов¹. Строевая подготовка проводилась со всеми арестантами ежедневно, кроме находящихся в постоянном одиночном заключении. Точно также, они могли обучаться грамоте и слушать чтение книг.

Находящиеся в заключении арестанты привлекались к хозяйственным работам: уборке территории, ремонту зданий, пошиву и починке обмундирования. Кроме того, для них были предусмотрены военные занятия: стрельбы, строевая подготовка, обучение грамоте².

Средствами для исправления были приняты постоянный труд, соблюдение молчания, охранение от соблазна, точное выполнение установленных правил в порядке содержания арестантов и в обращении с ними, умственное и религиозное обучение.

За маловажные проступки арестанты могли быть подвергаемы разного рода наказаниям, а именно: заключению в темном карцере до 14-ти дней, увеличению срока пребывания в разряде испытуемых и наказанию розгами до 100 ударов. Пища арестантам назначалась в меньшем размере, нежели нижним чинам вообще; так, им отпускалось ежедневно: по три фунта хлеба, горячая пища (щи или похлебка

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 128.

² Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IX. С. 118.

из овощей с салом или постным маслом) и три раза в неделю крошеное мясо или рыба, по 1/4 фунта на человека¹.

По всем воинским частям ежегодно составлялись «Ведомости о числе проведенных следственных и судебных дел»².

Также были созданы военные тюрьмы и крепостные арестантские отделения. Военно-пенитенциарная система в России окончательно сложилась только в 1880-е гг. и включала в себя: 1) дисциплинарные батальоны, роты и команды; 2) военные тюрьмы и тюремные отделения; 3) крепости; 4) гауптвахты³.

К 1880 г. были вновь построены и открыты военные тюрьмы в Варшаве (в 1875 г.) и в Петербурге (в 1876 г.) и устроены отделения военных тюрем в Кронштадте, Риге и Херсоне. Несколько позднее открыта еще военная тюрьма в Москве и упразднено тюремное отделение в Херсоне; всего в это время состояло: три военные тюрьмы – на 200 заключенных каждая и два военно-тюремных отделения: кронштадтское – на 75 заключенных и рижское – на 50, а всего 725 мест (рижское отделение имеется в виду увеличить до 100 или даже до 125 мест). Крепостное военно-арестантское отделение было открыто в крепости Усть-Каменогорске на 100 чел.⁴

Военные тюрьмы предназначены были для содержания нижних воинских чинов, приговариваемых по суду к одиночному заключению на известный срок. Осужденные к заключению в военной тюрьме не исключались из военного

¹ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IX. С. 129.

² ГАТО. Ф. 502. Оп. 1. Д. 150. Л. 1–80.

³ Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX — начале XX века (1867–1917 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 20.

⁴ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 120.

ведомства, но время, проведенное в тюрьме, в срок действительной службы не зачитывалось. Осужденные должны были постоянно находиться в одиночном заключении, за исключением времени, предназначенного для физических упражнений. Работы должны были производиться в камерах, там же осужденные должны были, по возможности, обучаться грамоте и получать пищу, положенную в размере, одинаковом с арестантами военно-исправительных рот.

Рис. 24. Здание гауптвахты в Омске

Крепостные отделения предназначены были для содержания в течение сроков, определенных судом, нижних воинских чинов, обязанных срочной службой и подлежащих ссылке на поселение в Сибирь. Арестанты этих отделений подразделялись на два разряда: испытываемых и исправляющихся, помещавшихся отдельно один от другого, но в общих камерах. Арестанты должны были заниматься крепостными и хозяйственными работами и обучаться грамоте. Что касается порядка перевода арестантов из одного разряда в

другой, отпуска им пищи и наложения на них взысканий, то к ним были применены, с некоторыми изменениями, правила, установленные для арестантов военно-исправительных рот.

В 1868 г., из состоящих в военно-исправительных ротах каторжных и арестантов, к числу которых относились и военно-срочные, было образовано в г. Тобольске временное военно-арестантское (каторжное) отделение. Оно было предназначено для содержания нижних чинов, приговариваемых к каторжным работам за преступления, совершаемые ими во время заключения в военно-исправительных ротах для содержания преступников гражданского ведомства, приговариваемых к каторжной работе в крепостях, и, наконец, для тех из арестантов военно-исправительных рот, которые, тяготясь строгостью содержания в этих ротах, нарочно совершали преступления, с целью быть сосланными в каторжную работу.

Усть-Каменогорское же отделение было назначено для содержания, в течение определенных судом сроков, тех обязанных срочной службой воинских чинов, которые были приговариваемы к ссылке в Сибирь на поселение¹. Образованные, в 1867 г., военно-исправительные роты просуществовали до 1878 г., когда, на основании Высочайше утвержденного 6-го мая Положения военного совета (приказ по ВВ 1878 г., № 139-й), роты эти заменены были дисциплинарными батальонами и ротами².

В военно-исправительные роты заключались, на срок до шести лет, не только те из низших чинов, которые нарушили правила военной дисциплины и порядка службы, но также и те, которые совершили преступления общие, как то: воровство, кражу со взломом, растрату казенного имуще-

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 121.

² Там же.

ства и другие тому подобные преступные деяния. С введением же общей воинской повинности, все нижние чины, виновные «в подобных позорящих» преступлениях, не могли уже более оставаться на службе в войсках, а «должны были подлежать, по произнесении над ними судебных приговоров, исключению из военного ведомства и передаче гражданскому начальству, для содержания в гражданских тюремных учреждениях»¹.

Преступления, за которые применялись эти наказания, сводятся к следующему: 1) за оскорбление начальника на словах или на письме; 2) за оскорбление начальника из нижних чинов действием; 3) за неповиновение; 4) за оскорбление действием часовых и военного караула; 5) за умышленное повреждение здоровья себе или другому, с целью уклониться самому или способствовать уклонению другого от службы, или употребление какого-либо обмана для освобождения себя от обязанности нести службу; 6) за нарушение особых обязанностей караульной службы; 7) за противозаконное отчуждение и порчу казенного оружия, патронов или лошади, и 8) за неверность или неполноту донесения, сделанные из корыстных видов, с намерением ввести в обман².

Из приведенного перечня преступлений, за которые нижние чины подлежали отдаче в учреждения, заменяющие собою военно-исправительные роты, видно, что эти учреждения предназначались для содержания лиц, совершивших преступления исключительно служебные и совершение которых, в большинстве случаев, не могло отражать состояния нравственности преступника.

С этого момента преобразование военно-исправительных рот было направлено по пути строгой военной организации и давало новым учреждениям возможность широкого

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 122.

² Там же.

применения строевой подготовки, с привития им навыков подчинения, сознания значения воинской дисциплины и важности требований воинской службы, подготовки солдат, сознательно относящихся к своим обязанностям.

Цели исправительного характера в отношении нижних чинов не ставились. Вновь учреждаемые заведения получили названия дисциплинарных батальонов и рот, а содержащиеся там нижние чины получили статус заключенных. В практику занятий их все больше вводились занятия по военной подготовке «обучение фронту, гимнастика и употребление штыка в бою», словесности, обучению грамоте, сокращалось производство существовавших в военно-исправительных ротах мастеровых работ, которые оставались лишь в части обеспечения жизнедеятельности этих учреждений.

А.И. Деникин писал «Во всяком случае, ко времени великой войны рукоприкладство, где оно у нас существовало, являлось только большим пережитком изжитой системы и изживавшего себя обычая»¹.

Существовавшее в военно-исправительных ротах деление заключенных на разряды исправляющихся и испытуемых отменялось, как несоответственное составу дисциплинарных частей, в которых заключенным не требуется исправления нравственности. Ночное разобщение заключенных подлежало также отмене, так как все содержащиеся в дисциплинарной части нижние чины, за исключением находящихся в одиночном заключении, должны были располагаться казарменным порядком в общих камерах. С отменой разделения заключенных на разряды и с уменьшением срока одиночного заключения, исчезли основания к различиям в довольствии пищей заключенных, для которых размер приварочных денег и отпуск провианта должен был

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 345.

быть определен одинаковым с частями местных войск (приказ по воен. вед. 1880 г., № 207-й)¹.

Установленная для арестантов военно-исправительных рот серая одежда отменялась, и заключенные в дисциплинарной части должны были получать обмундирование, соответствующее форме местных войск. В порядке наложения на заключенных взысканий, и в самом виде этих взысканий введены были некоторые изменения, исключавшие, к примеру, наложение на провинившихся оков для усиления меры наказания.

Такое наказание, как «назначение не в очередь на службу», теряло всякий смысл во многих частях, где старослужащие и без того ходили в наряды через день. Арест для огромного большинства рядовых не имел морально устрашающего значения, а для бездельников являлся простым отдыхом»².

На основании Устава о воинской повинности, военная служба не должна была иметь значение наказания, новым положением о дисциплинарных частях устанавливалось, что нижние чины, подлежащие заключению в эти части, остаются во все время заключения в списках тех частей, где они числились до поступления сюда, и таким образом время, проведенное ими в дисциплинарных частях (а равно и в военных тюрьмах), зачитывается им в срок действительной службы.

Освобождаемые из дисциплинарных батальонов и рот нижние чины должны были зачисляться при возвращении в части войск прямо в разряд безпорочнослужащих, если признавались к тому достойными начальством дисциплинарных частей; прочие же нижние чины продолжали нести, по возвращении в части, «последствия оштрафований».

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 125.

² Деникин А.И. Старая армия... С. 347–348.

В 1879 г. (приказ по ВВ, № 26-й) преобразование военно-исправительных рот завершилось: были образованы шлиссельбургский, бобруйский, новогоргиевский, херсонский, воронежский и екатериноградский дисциплинарные батальоны, из них первые пять – четырех-ротного состава, на 600 заключенных каждый и последний – двух-ротного состава, на 200 заключенных, а также омская и иркутская дисциплинарные роты: первая – на 300 и вторая – на 150 заключенных. Вновь образованные дисциплинарные части вмещали в себя до 3650 заключенных, что, отражало в полной мере потребности армии в последние три года, предшествовавшие реформе. Нужно отметить, что за время проведения указанной реформы количество заключенных, состоявших в дисциплинарных частях в 1880 г., сократилось по сравнению с содержащимися в 1871 г. в военно-исправительных ротах арестантами, более чем в 3,5 раза¹. Это объяснялось, прежде всего, постепенным уменьшением числа приговариваемых к заключению, вследствие «улучшения нравственности нижних чинов», принятием нового воинского устава о наказаниях (к заключению в дисциплинарные части стали приговаривать нижних воинских чинов только за чисто служебные преступления), передачей в гражданское ведомство, значительного числа арестантов, не подходивших под условие содержания их в дисциплинарных частях.

По мере уменьшения числа ежегодно приговариваемых к заключению в военно-исправительных ротах и дисциплинарных частях, соответственно уменьшалось также число возвращаемых в войска людей этой категории, по окончании назначенных им сроков заключения. Всего возвращено в войска было: в 1871 г. – 3740 чел., в 1872 г. – 3503, в 1873 г. – 3619, в 1874 г. – 3331, в 1875 г. – 2182, в 1876 г. – 1230, в 1876 г. – 1016, в 1878 г. – 1395, и в 1879 г. – 1463 чел.

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXIV. С. 126.

Явление это было весьма неблагоприятно для войск, так как, по отзывам начальствующих лиц, нижние чины, возвращавшиеся из военно-исправительных рот, «имели весьма дурное влияние на товарищей и составляли, вместе с наемниками, главный контингент виновных во всякого рода преступлениях». Вместе с тем, отмечалось, что в период завершения реформы, т.е. в 1880-е гг. «... что возвращающиеся заключенные не представляли собою прежних порочных людей, а напротив того, солдат, по отбытии срока заключения и возвращаясь в ту же часть, из которой он был осужден, являлся туда воинским чином строго и сознательно относившимся к правилам воинской дисциплины»¹.

При этом, встречались со стороны нижних чинов и рецидивисты, число которых все же уменьшалось с каждым годом и ко времени преобразования военно-исправительных рот в дисциплинарные части сделалось совершенно незначительным. В общем числе заключенных в военно-исправительных ротах и дисциплинарных частях, за 10-ти летний период, рецидивистов уменьшилось более чем в 27 раз².

Современник писал: «В последние годы все чаще раздавались голоса о необходимости изменения в системе наказаний... Но если русский Дисциплинарный устав, может быть и требовал для мирного времени поправок, то в военное время и он, как и Воинский устав о наказаниях, оказались совершенно бессильными»³.

Как справедливо отмечалось в литературе, к сожалению, отказавшись от дисциплины, покоящейся на страхе и наказаниях, к началу Первой мировой не удалось создать

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. CLXXXXIV. С. 128–129.

² Там же. С. 129.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 348.

дисциплины, основанной на понятиях долга, сознательности и чести¹.

Из вышеизложенного следует, что во второй половине XIX – начале XX в. наиболее опасными и распространёнными воинскими преступлениями в армии для нижних чинов считались посягательства, связанные с исполнением воинских должностей.

Военно-пенитенциарная политика характеризовалась в отношении рядовых – введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. В целом состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии оценивалось как вполне удовлетворительное, а поддержание порядка в армии достаточно строгим. Ближе к концу XIX в. наблюдается тенденция к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. В то же время наблюдалось увеличение совершения преступлений против собственности. Залогом же поддержания дисциплины в армии оставались работа офицерского и унтер-офицерского корпуса, желание большинства нижних чинов служить честно и добросовестно своей Родине.

¹ Романов Н.Н. Очерки истории воинской дисциплины. Конец XIX – начало XX в. Сызрань, 2002. С. 102–108.

ГЛАВА 3. МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ

3.1. Обучение и воспитание

«С раннего утра казарма гудит, точно улей. Подъем, одевание, чай, уборка. Потом начинаются утренние занятия по многочисленным группам, и в помещении стоит сумбурный гул от десятков голосов, от команд и топота увесистых солдатских сапог»¹ – так описывал начало буднего дня в казарме современник. Действительно, учебные занятия становятся в русской пореформенной армии обязательным элементом повседневности.

Во второй половине XIX в. Россия переживала трудное время. Крымская война 1853–1856 гг. обнажила серьезные недостатки в организации и подготовке русской армии, показала политическую, экономическую и военную слабость России.

Дальнейшее укрепление вооруженных сил ведущих европейских государств, сложная международная обстановка, обострение противоречий внутри страны вынудили правительство отменить крепостное право, инициировать серьезные изменения в социальном, экономическом и политическом устройстве государства. Последовавшие затем реформы – земская, городская, судебная, финансовая и другие, значительно ускорили социально-экономическое развитие страны, улучшили ее финансовое положение и позволили изыскать средства для осуществления ключевой по своему значению реформы – военной.

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 335.

Важнейшей составляющей военной реформы стала замена рекрутской системы комплектования войск на всеобщую воинскую повинность, что потребовало и существенной перестройки обучения и воспитания солдат в армии. «Войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное... Люди, выученные лишнему и перед неприятелем будут делать не то, что нужно, а то, что они умеют делать..., – писал известный военачальник и военный педагог того времени генерал от инфантерии М.А. Драгомиров, – ...Что требуется от солдата на войне – Чувство долга, доведенное до самоотвержения или готовность пожертвовать собой для выручки товарищей; способность не приходить в отчаяние в самых трудных положениях: неустрашимость, находчивость, беспрекословное повиновение воле начальника во всем, касающемся службы. Способность выносить тягости и лишения военного времени без быстрого истощения сил. Искусное действие своим оружием. Умение согласовывать свои движения и действия с товарищами. Ловкость в преодолении встречаемых на местности преград и умение пользоваться ими для собственного укрытия от осмотра и выстрелов неприятеля, не лишаясь, однако же, его видеть и стрелять по нем»¹.

В ходе военных реформ изменяется система боевой подготовки войск: происходит отказ от муштры солдат, способных действовать только на смотрах и парадах, создается система обучения и воспитания войск, которая готовила к реальным боевым действиям. С этой целью вводятся учебные маневры, стрельбы, лагерные сборы, где все рода войск обучались совместным действиям. Переход к нарезному оружию положил конец глубоким построениям пехоты, окончательно оформилась и получила развитие

¹ Драгомиров М.А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 54–56.

наступательная тактика стрелковых цепей. Передовые положения этих изменений нашли отражение в новых боевых уставах.

Наравне со строевыми уставами приняты в армии дисциплинарный устав и внутренней службы. Эти два устава точно определяли права и обязанности всех военнослужащих, в том числе и нижних чинов, получив строгое и неуклонное применение в жизни войск. Они призваны были способствовать развитию нравственной самостоятельности солдат, толковали понятия о долге. Начальствующий состав отдавал предпочтение в обучении нижних чинов положениям уставов и знанию их перед знанием военно-уголовных законов, с целью заботы «...о внушении человеку того, что он должен делать, нежели того, чего ему следует избегать»¹.

Эти тенденции в развитии военной организации российской армии были характерны в полной мере и для Сибири. В боевой подготовке войск Сибирского военного округа командование обращало особое внимание на тактическую выучку подразделений, обучение их стрельбе в цель, саперному делу, на формирование навыков движения в различных строях (боевом и походном) и перестроении на месте и на ходу.

Нужно сказать, что достаточно интенсивное обучение новобранцам давалось достаточно сложно. Как писал очевидец; «Вообще очень немудренная *начальная* солдатская наука давалась русскому пахарю трудно. И отношение свое к ней он определил словами песни, отнюдь не поощрявшийся начальством:

«А ученье – все мученье,
Между прочим чижело»².

Обучение воинским навыкам интенсифицировалось в пореформенную эпоху. Например, для обучения саперному

¹ Драгомиров М. А. Воспитание и образование... С. 57–58.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 374.

делу от каждого линейного и резервного батальонов на лагерное время к Западно-Сибирской саперной роте прикомандировывались по два нижних чина и ряд офицеров, которые, вернувшись в свои части, обучали своих товарищей. В округе широко применялась практика проведения летних занятий в лагерях Зайсанском, Семипалатинском, Копальском, Тобольском, Томском и Омском¹. Проводились общие учения и двухсторонние маневры с обозначенным противником. Во время общих сборов 1878 г. при обучении войск округа взаимодействию пехоты с артиллерией впервые были использованы скорострельные батареи.

В пореформенный период занятия войск в течение года разделялись на два периода – зимний и летний. Зимний период посвящался преимущественно одиночному обучению солдат, второй же – «преимущественно совокупным упражнениям частей войск, сперва в каждом роде оружия отдельно, а затем и отрядами, составленными из пехоты, кавалерии и артиллерии. В этот же период проходится и курс стрельбы»².

С наступлением летнего времени войска выходили в лагерь, где начинались упражнения целыми строевыми частями. Практика проведения летних сборов в округе продолжалась и в 1890-е гг. Так, в 1891 г. на сборы в округе было привлечено 6 батальонов, 13 сотен, 4 пеших батареи (Верный, Джаркент и пост Зайсанский)³. В Томске местный полк почти все лето проводил в лагере на берегу Томи на окраине города. Это место получило название «Лагерный сад»⁴.

¹ Фабрика Ю.А. Горя пламенную любовію къ Отечеству..., Новосибирск, 2012. С. 226.

² Русская военная сила. Вып. XI: От введения общеобязательной воинской повинности до настоящего времени. М., 1890. С. 213.

³ Фабрика Ю.А. Горя пламенную любовію... С. 226.

⁴ Славнин В.Д. Томск сокровенный. Томск, 1991. С. 25–32.

Рис. 25. Лагерный сад в Томске. Караульная беседка
Томского полка.

Сборы позволяли проверить на практике теоретические познания, приобретенные в период зимних занятий и обязательные для каждого рядового. Командующий войсками Западно-Сибирского округа (1882–1889 гг.) генерал Колпаковский так оценивал в этот период подготовку войск: «Теоретические познания, обязательные для каждого из рядовых, усвоены большей частью нижних чинов хорошо. Одиночная выправка, шаг и стройность движений доведены до желаемой степени. Сведения о винтовке, ее сборка и разборка усвоены солдатами весьма хорошо. Достаточно хорошим оказался также рассыпной строй батальонов, курс подготовительной, практической и боевой стрельбы окончен всеми батальонами вполне и в большей части рот дал результат очень хороший. Аванпостная служба, упражнения в самоокапывании и учения с каким-либо тактическим предположением производились также всеми нижними чи-

нами... В случае, если обстоятельства вынудят двинуть полевые войска округа в действительный бой, то при хорошем руководстве они как всегда будут на высоте положения»¹.

Кроме сугубо воинских навыков молодых солдат обучали также такой комплексной дисциплине, как «словесность». Предоставим слово современникам, – офицер вспоминает так: «Все, кто имел дело с первоначальным обучением солдат, знают, сколько мук и пота вызывала пресловутая «словесность», заключавшаяся в изложении молитв, служебного распорядка, прав и обязанностей военнослужащих, норм довольствия, в определении таких отвлеченных понятий или образов, как дисциплина, знамя, и т.д., и т.д. Какими анекдотами обогащала она казарменный эпос!»².

А вот взгляд с другой стороны – унтер-офицера: «Садись на словесность! – бывало, командует взводный офицер из кантонистов, дослужившийся годам к пятидесяти до поручика, Иван Иванович Ярилов.

И садится рота кто на окно, кто на нары, кто на скамейки.

– Матюхин, что есть солдат?

– Солдат есть имя общее, именитое, солдат всякий носит от анирала до рядового... – вяло мнется Матюхин и замолкает.

– Врешь, дневальным на два наряда! Что есть солдат, Пономарев?

– Солдат есть имя общее, знаменитое, носит имя солдата... – весело отчеканивает спрашиваемый.

¹ Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Т. I. Новосибирск, 2014. С. 144.

² Деникин А.И. Старая армия... С. 365.

– Врешь! Не носит имя солдата, а имя солдата носит. Ежов, что есть солдат?

– Солдат есть имя общее, знаменитое, имя солдата носит всякий военный служащий от генерала до последнего рядового.

– Молодец!

Далее следовали вопросы, что есть присяга, часовой, знамя и, наконец, сигнал. Для этого призывался горнист, который дудил в рожок сигналы, а Ярилов спрашивал поочередно, какой сигнал что значит, и заставлял проиграть его на губах или спеть словами... И взвод поет хором: «За царя и Русь святую уничтожим мы любую рать врагов!»...

За словесностью шло фехтование на штыках, после которого солдаты, спускаясь с лестницы, держались за стенку, ноги не гнутся! Учителем фехтования был прислан из учебного батальона унтер-офицер Ермилов, великий мастер своего дела.

– Помни, ребята, – объяснял Ермилов на уроке, – ежели, к примеру, фихтуешь, так и фихтуй умственно, потому фихтование в бою – вещь есть первая, а главное, помни, что колоть неприятеля надо на полном выпаде, в грудь, коротким ударом, и коротко назад из груди у его штык вырви... Помни: из груди коротко назад, чтоб ен рукой не схватил... Вот так! Р-раз – полный выпад и р-раз – коротко назад. Потом р-раз – два, р-раз – два, ногой притопни, устрашай его, неприятеля, р-раз – д-два!»¹.

Генерал Деникин в своих мемуарах весьма скептически относился к организации занятий по словесности: «В 90-х годах словесность цвела в казарме махровым цветом, забивая головы пространными отвлеченными определениями

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 82–84.

уставов, родословными, титулами, перечислениями мельчайших манипуляций и частей оружия, деталей служебного распорядка и домашнего обихода, рутинно выполняемых на практике, но трудноусвояемых в бесцельной словесной передаче»¹.

Особое внимание полагалось уделять одиночной подготовке солдат. Как писал: М.А. Драгомиров: «В одиночном обучении солдат умственные и нравственные качества поставлены на первом плане потому, что в бою, как и во всякой другой деятельности, человек делает собственно одно и то же дело: приводит в исполнение свои умозаключения. Если способность составлять их правильно и решаться приводить в исполнение быстро развита в человеке, он достигает своих целей успешно; если нет, он претерпевает неудачи, т.е. так или иначе, но бывает бит... Поэтому-то Наполеон, Суворов и другие гениальные полководцы прежде всего стремились к развитию нравственного элемента в своих армиях; Наполеон даже прямо высказал, что во всяком боевом деле три четверти успеха зависит от нравственной стороны и только четверть от материальной...»².

Командующий войсками округа М.А. Таубе (1898 г.) отмечал в своем докладе об инспектировании войск, что «...сибиряки представляют отличный материал для службы. Они в общей массе народ верный, крепкий, очень смысленный и толковый. Из них могут вырабатываться прекрасные солдаты. Дисциплина в войсках поддерживается на должной высоте...»³.

Такой уровень подготовки войск был бы невозможен без обучения солдат грамоте, большинство которых научились читать и писать в ротных, сотенных и батарейных

¹ Деникин А.И. Старая армия... С. 366.

² Драгомиров М.А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 56.

³ Цит. по: Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся... С. 136.

школах. Всего в войсках округа в этот период было грамотных 7 714 чел., или 35,2% всего числа нижних чинов¹.

Таблица 6

**Грамотность нижних чинов Сибирского
военного округа в 1898 г.**

Уровень грамотности, в %	Местные команды	Линейные батальоны	Артиллерия	Казаки	Резервные батальоны
Умеющих читать и писать	30,3	76,5	36,9	28,7	33,9
Умеющих только читать	15,3	14,0	7,0	16,5	1,2
Не умеющих ни читать, ни писать	54,4	9,5	56,1	54,8	48,1
В войсках	66,7	83,5	19,4	61,7	56,7

Источник: Драгомиров М. А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 56.

Вместе с тем общий уровень грамотности вообще населения в России был сравнительно низок. В течение 10-ти лет с 1874 по 1883 гг. поступило в войска: грамотных – 21,99%; неграмотных – 78,01%. В Германии в 1884 г. неграмотных было всего чуть более 1%. Соотношение числа грамотных к неграмотным и к началу 90-х г. XIX столетия существенно не изменилось, и, следовательно, Министерство народного просвещения не смогло достичь весомых результатов в деле образования населения страны... Из этого следовало, что волей-неволей войска должны сами заботиться о грамотности своих солдат².

¹ Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся... С. 136.

² Шавров К. Грамотность в войсках // Военный сборник. СПб., 1892. № 5–6 (разд. 1). С. 192.

Как писал А.И. Деникин: «Массовая безграмотность призывных до крайности затрудняла положение армии, заставляя командный состав ее тратить много сил на ту работу, которую у соседей производил школьный учитель... Естественно, что при таких условиях каждый грамотный новобранец был на счету в особенности в пехоте»¹.

Образовательный уровень призывников нижних чинов был невысок, что определялось низким уровнем грамотности основного сословия, из которого рекрутировалось большинство солдат – крестьянства. Так, по подсчетам новосибирского историка В.А. Зверева, в 1867 г. из принятых на службу в Сибири новобранцев было всего 11,5% грамотных, в 1886 г. – 17,1, в 1896 г. – 23%. Этот показатель был существенно ниже, чем в Европейской России (соответственно, 20,9%, 27,8, 40,2%)². Основные навыки чтения и письма солдаты получали уже в армии.

По данным переписи населения Омска 1877 г., грамотность нижних чинов, служивших в городе, составляла 33,9%, что было ниже уровня грамотности мужского населения города (51%)³.

Народная грамотность несравненно больше обязана своим распространением Военному министерству, полагали некоторые известные деятели в области развития образования в армии. Число лиц, исполнивших воинскую повинность с 1874 по 1891 г., по отчетам Военного министерства, достигает более 2500 тыс. чел. Если отсюда вычесть число грамотных новобранцев, скинуть больных и умерших, то без большой ошибки можно принять, что воинской

¹ Деникин А.И. Старая армия... С. 360.

² Зверев В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. Новосибирск, 1995. С. 110.

³ Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Т. 2. Омск, 1880. С. 112.

повинности обязаны грамотности, по меньшей мере, до 1891 года 1600000 человек»... Таким образом, умственный уровень армии становится отнюдь не ниже общего уровня всего населения государства; взяв же во внимание меры, предпринимаемые в частях войск для обучения нижних чинов чтению и письму, число грамотных среди солдат окажется значительно выше, чем среди мирных обывателей¹.

В высших военных сферах неотложность и необходимость этой заботы очень хорошо понимали. Вопросы обучения грамоте рассматривались в армии на самом высоком уровне, порядок определялся соответствующими положениями, принятыми на уровне Военного ведомства. Приказом по ВВ № 335 от 11 декабря 1880 г. было принято «Положение о порядке обучения молодых солдат», регламентирующее сам порядок обучения, определявшее перечень сведений, знание которых для каждого рядового в пехоте необходимо, а также солдат других родов войск².

Молодым приходилось очень тяжело: «За малыми исключениями молодые солдаты являлись в казарму в полном смысле «сырыми». Выправка приобреталась не скоро. К тому же мешала ей одежда, в которую облекали молодых – не только лишенная щегольства, но во многих частях представлявшая изрядную рвань»³.

В 1883 г. была создана комиссия под председательством генерал-лейтенанта Коховского по поводу разработки программ для учебника грамотности. Комиссия состояла из лиц, известных по своей педагогической деятельности в военных кругах, всего за год она собиралась 6 раз. Важны некоторые выводы, к которым пришла эта комиссия: «Обучение грамотности молодых солдат должно быть достигаемо в возможно кратчайший срок и должно иметь в

¹ Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся... С. 152.

² Военный сборник. СПб., 1881. № 2. С. 136–164.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 373.

виду научение искусству читать и писать. Метод обучения должен вести прямо к этой цели. Это первое условие – оно вызвано, конечно, требованиями жизни: при коротких сроках службы нельзя слишком много времени уделять грамотности; но это требование краткости не может служить в ущерб содержанию обучения грамотности»¹.

Об успехах развития грамотности в армии можно проследить по пехоте. В это время в России, как и во всех европейских государствах, пехота оставалась самым многочисленным видом вооруженных сил по отношению к другим родам войск. А именно: «...на 600000 содержимых регулярных войск, пехоты будет около 77%, кавалерии и артиллерии почти по 10% и инженерных войск около 5%. ... если допустить, что кавалерия, по роду своей службы, несколько отстает от пехоты в грамотности, за то артиллерия и инженерные войска стоят выше пехоты; следовательно, средний уровень грамотности во всех войсках будет средний пехотный»².

Генерал Деникин замечал: «Как бы то ни было, казарма в последнее время, кроме своего специального назначения, выполняла и общекультурную миссию: ежегодно она выпускала до 200 тыс. запасных, научившихся в ней грамоте»³.

Показательна также динамика роста грамотности в армии в этот период, к примеру: «... осенью 1866 года, по поголовному экзамену, произведенному всем строевым и нестроевым нижним чином 26-й пехотной дивизии, кроме денщиков, оказалось, что на 7687 человек грамотных было

¹ Шавров К. Грамотность в войсках // Военный сборник. СПб., 1892. № 5–6 (разд. 1). С. 192.

² Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 379.

³ Деникин А.И. Старая армия... С. 365.

2220 человек или 29%. В августе 1867 года, в той же дивизии, но приведенной в кадровый состав, по такому же экзамену, на 4984 человека грамотных было уже 2748 человек, или 55%. А по экзамену, произведенному в конце апреля и в начале мая настоящего года, в той же дивизии, на 5162 человека грамотных было 3503 человека, или 68%»¹.

Рис. 26. Правила отдания воинской чести.

Как отмечалось военными чиновниками, ратовавшими за образованного солдата в армии – в деле грамотности в войсках для достижения таких результатов нужны не столько материальные средства или метод обучения, сколько внимание, забота и душевное участие к делу и со стороны младших, и со стороны старших начальников. Хотя если говорить о расходах военного ведомства на подготовку войск в мирное время они неуклонно росли. К при-

¹ Кренке В.Д. Указ. соч. С. 381.

меру, расходы только на учебные сборы нижних чинов запаса и ратников выросли в 1890 г., по сравнению с 1889 г., с 1273268 руб. до 2907638 руб.¹

По Западно-Сибирскому округу доля грамотных среди нижних чинов составляла в 1880 г. 58,7%. В 1883 г. в линейных батальонах Западной Сибири было 45,6% грамотных, в резервных батальонах – 45,2, в местных командах – 35,1, в артиллерийских частях – 90,5. В среднем уровень грамотности нижних чинов войсках округа составлял 35,2%².

Характерное высказывание: «...в большинстве темные, безграмотные, с весьма ограниченным кругом, не только понятий, но и слов, приступали молодые солдаты к обучению. Главный тормоз – безграмотность»³.

Польза от грамотности солдат в армии рассматривалась высокопоставленными военными чиновниками не только как собственно для нужд армии, но еще и в большем значении для государства. Генерал-лейтенант В.Д. Кренке на страницах «Военного сборника» писал: «Когда комплектование армии и рекрутские наборы придут окончательно в нормальный порядок, то можно полагать, что государство ежегодно будет давать по 100000 рекрут ... следовательно, при стотысячном ежегодном наборе, ежегодное увольнение из армии сильных, здоровых людей может доходить до 80000. Если не все 80000 будут настолько грамотны, чтобы могли учить своих детей, свои семьи, то эти 80000 внесут, по крайней мере, в 160000 семейств убеждение, что грамота полезна, что грамота легко дается; эти 80000, по крайней

¹ Военный сборник. СПб., 1890. Т. СХХХХI. С. 169.

² Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. С. 83.

³ Деникин А.И. Старая армия... С. 364.

мере, в 160000 семействах будут служить живым примером, что грамоте можно учиться и в зрелых летах»¹.

Динамику удельного веса грамотных среди нижних чинов региона можно проследить на примере Омского резервного батальона, подробная история которого была подготовлена Фукиным. В 1870-х гг. автор отмечал постепенное снижение уровня грамотности нижних чинов, от 100% в 1870 г., до 24,4% в 1879 г., в среднем за десятилетие – 52,8%. В 1880-е годы: от 18% (1880 г.), до 39% (1888 г.), в среднем за десятилетие – 28,9%. Начиная с 1895 г. по части наблюдался постепенный устойчивый рост грамотности. В 1897 г. доля грамотных среди нижних чинов Омского резервного батальона составила 39,4%². При этом уровень грамотности среди мужчин Омска, согласно данным Первой всеобщей переписи 1897 г. составлял 51,2%³.

В отдаленных небольших гарнизонах, размещавшихся в уездных городах региона, ситуация с грамотностью нижних чинов была еще хуже. Так, например, в 1888 г. грамотные среди нижних чинов местной команды г. Ялуторовска составляли всего 17,5%⁴.

Воинские коллективы состояли из представителей разных национальностей и вероисповеданий – православных, мусульман, иудеев, католиков. В планировании мероприятий по воспитанию и обучению, в т.ч. и грамоте, учитывая

¹ Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 378–379.

² Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907). Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1904. С. 57.

⁴ Палопеженцев Н. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. 3. С. 6.

лись социально-классовый состав и национальные особенности военнослужащих, их духовные потребности и обстоятельства поступления на военную службу, состояние дисциплины, политическая ситуация в стране и мире.

Занятия по грамотности представляли собой обучение нижних чинов грамоте, а новобранцев национальных окраин – знанию русского языка¹. Вместе с тем не было жестких требований по обучению грамоте поголовно всех нижних чинов: «Нельзя ставить обязательным выучивание чтению татар, чуваш, черемис, мордвы. И наоборот нет причины, чтобы русским не выучиться читать»².

Однако же, все-таки признавалось очень полезным, нужным и важным и их приобщать к русской общности: «Из 100000 ежегодного набора рекрут поступает в армию около 14%, или около 14000, таких рекрут не православного исповедания, которые почти ни слова не говорят по-русски и едва понимают русский язык. Эти люди, вместе с усвоением себе русского языка, легко выучиваются русской грамоте, большею частью бывают особенно прилежны и старательны к изучению грамоты и, с редкими исключениями, скоро и хорошо изучают грамоту. Если, при стотысячном наборе из армии ежегодно возвращается к семьям своим около 80000, то из 14000 иноверцев будут возвращаться к своим семьям свыше 11000 таких молодых, здоровых, развитых людей, которые, из полурусских, по языку и по убеждению сделались совершенно русскими, и которые в семьи свои внесут не только русский язык, но и русскую грамоту»³.

¹ Гончаров Ю.М., Скобликов С.В. Обучение грамоте нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX века // Уральский научный вестник. 2017. Т. 5. № 2. С. 48.

² Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 88.

³ Кренке В.Д. Грамотность в армии // Военный сборник. СПб., 1868. № 12. С. 378.

Нужно отметить, что отдельное значение вопросы воспитания и обучения нижних чинов в регулярной армии России стали приобретать еще со времени её создания Петром I, а в военных округах Российской империи – с 1862 г., когда военный министр Д.А. Милютин инициировал военную реформу, а в 1864 г. император Александр II именным указом ввёл в действие положения и штаты военно-окружных управлений.

Поучителен взгляд на соотношение воспитания и образования в военном деле военачальника и военного педагога генерала от инфантерии М.И. Драгомирова. Он полагал что, обучение как таковое является вторичным по отношению к воспитанию и полностью зависит от состояния последнего, а обучение грамоте рассматривал как прикладное к военной подготовке солдат: «...стрельба требует умственного развития, которое в грамотности находит себе немало подспорье, следовательно, солдата грамоте учить нужно...», – писал он¹.

Эта работа включала военно-правовое военно-медицинское и военно-историческое направления обучения, задачу необходимости соблюдения требований безопасности в ходе повседневной жизни и службы, о примерах мужества и героизма воинов в ходе боевых действий и в мирное время, подписку на периодическую печать, издательскую деятельность, а также обеспечение религиозной работы в войсках.

Специфика содержания этой работы была обусловлена системой комплектования войск. До введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в войска поступали рекруты в основном из крестьян, которым были свойственны религиозность, преданность государю, трудолюбие и способность

¹ Драгомиров М.А. Воспитание и образование войск // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 54.

стойко переносить тяготы и лишения военной службы. Поступавшие в войска с 1874 г. рабочие и другие городские жители были подвержены распространявшимся в России революционным настроениям¹.

Рис. 27. Нагрудный знак «За отличную стрельбу»
II-й степени, конец XIX – начало XX вв.

Обучение и воспитательные мероприятия в войсках проводились отдельно с нижними чинами и офицерами. Основной формой воспитательной работы с нижними чинами

¹ Цибилов В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 24.

в системе боевой подготовки подразделений были занятия по словесности. Их целями было укрепление воинского духа и формирование религиозных чувств солдат и унтер-офицеров, чувства долга, преданности царю и Отечеству, понимания святости присяги, укрепление духа войскового товарищества, воспитание беспрекословного повиновения командирам и начальникам.

«Преданность Вере, Царю, Отечеству и бесповоротное следование в бою за начальником, заботившемся о нем и умевшем не щадить себя для блага дела, – есть особенности, искони присущие русскому человеку», – справедливо подчеркивалось в одной из статей «Военного сборника» на тему воспитания в армии¹. Это достигалось объяснением сути воинского долга и значения молитв, содержание которых обязаны были знать и понимать нижние чины – христиане, военной присяги, изучением боевого пути части, освоением правовых знаний, касающихся военной службы.

Конечно, не все было так гладко, как на бумаге отчетов. Современник писал: «Что касается воспитательной работы, то в основе ее была муштра. Будущим унтер-офицерам не прививали навыков человеческого обращения с солдатами, не учили их вникать в душу солдата. Преследовалась одна цель – чтобы солдат был послушным автоматом. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Телесных наказаний уставом не предусматривалось, но на практике они применялись довольно широко»².

Молодой солдат, входя в казарму, испытывал обыкновенно смущение и подавленность. Все – обстановка, отношения, размеренный уклад жизни, многостепенное начальство, целый ряд запретов при неясности граней дозволенного и недозволенного, иногда насмешки и сердитые

¹ Фабрика Ю.А. Горя пламенной любовью к Отечеству... Новосибирск, 2012. С. 35.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 36

окрики – все было ново, непривычно, выбивало из колеи... Побороть замкнутость молодого солдата, вызвать его на откровенность стоило больших усилий не только офицеру – «барину», но и своему брату – «дядьке» (учителю), человеку близкому по быту и психологии, всего год тому назад, быть может, пережившему тождественные настроения»¹.

Для первоначальной адаптации новобранцев в российской армии функционировал институт т.н. «дядек» – солдат-старослужащих, к которым были персонально прикреплены молодые, в задачу которых входило облегчить вхождение в армейскую повседневность: «В помощь офицерам назначается некоторое число учителей из нижних чинов, наиболее твердых по познаниям и хорошей нравственности. На обязанности учителей лежит, прежде всего, передача молодым солдатам практических приемов и сведений, касающихся обыденной солдатской жизни»².

Этот институт имел как очевидные плюсы, так и не менее очевидные минусы. Слово современнику нижнему чину: «Знаете наших дядек, которых приставляют к рекрутам, – ведь грубые все. Вы видали, как обращаются с рекрутами... На что уж ротный писарь Рачковский, и тот дерет с рекрутов. Мне в прошлом году жаловались: призвал рекрута из богатеньких и приказывает ему: «Беги, купи мне штоф водки, цельную колбасу, кренделей, пару пива, четверку чаю и фунт сахару... Вот тебе деньги», – и дает копейку. «Слушаюсь, – отвечает рекрут, догадавшись, в чем Дело, повертывается и идет, а Рачковский ему вслед: – Не забудь рупь сдачи принести! Да разве он один такой! Каждый дядька так обращается с рекрутами, – они уж знают этот обычай»³.

¹ Деникин А.И. Старая армия... С. 361–362.

² Русская военная сила. Вып. XI: От введения общеобязательной воинской повинности до настоящего времени. М., 1890. С. 214–215.

³ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 101–102.

А вот как писал генерал: «Да и какой еще дядька попадется... Хорошо, если человек добрый, порядочный и не педант... Но при всех недостатках своих колоритная фигура русского учителя-дядьки, увековеченная русской литературой, солдатским эпосом и народным юмором чужда была одного большого греха: в нашей казарме не было и в помине того бессердечного издевательства, изводки над новобранцами, которые практиковались систематически в других армиях, в особенности в германской и австрийской»¹.

Можно привести публикации из сибирской прессы. Так, в 1884 г. «Сибирская газета» писала о тяжёлой жизни солдат-новобранцев в Томске: «Нам сообщают, что ученье новобранцев в местной команде достаётся не легко. Кроме обычных артикулов они обязаны повиноваться своим дядькам, делать им разные приношения и брать билетик на потерях, на которых дядьки очень выгодно разыгрывают разные свои негодные вещи»².

Как следует из отчётов военного ведомства о проверках военных округов, критериями эффективности работы по обучению и воспитанию были субъективные оценки молодцеватости и мужественности вида войск, качества тактической подготовки и прохождения церемониальным маршем после строевых песен, состояния боевого духа... оборудование казарм картинами, учебными и наглядными пособиями, наличием солдатских читален³.

Большое значение для воспитания нижних чинов в армии имело присутствие в частях священников. В числе основных форм обучения для нижних чинов вне системы бо-

¹ Деникин А.И. Старая армия... С. 362.

² Сибирская газета. 1884. 4 марта.

³ Цибилов В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 26.

ево́й подгото́вки были обяза́тельные, предусмотре́нные рас-
поро́дком дня́ утре́нные и ве́черные моли́твы. В это́ же вре́мя
священно́служители́ проводи́ли бесе́ды, солда́тские чте́ния,
в то́м числе в полко́вых музе́ях.

В ра́мках заня́тий по сло́весности́ священно́служители́
прое́водили́ духо́вные бесе́ды. «Для́ простого́, нера́звитого
челове́ка рели́гия явля́ется живо́ю, нра́вственно́ просвеща́-
юще́й, сдержива́юще́й сило́ю... В тяжёлые́ и радо́стные ми-
ну́ты сво́ей жи́зни привы́к наш кре́стьянин обра́щаться к
священни́ку, дове́рчиво́ раскрыва́я пе́ред ним свои́ горе́сти
и радо́сти ... Для́ духо́вного ра́звития́ солда́та, для́ живо́го
воздей́ствия на его́ ду́шу свяще́нник дол́жен бы́ть активным
участни́ком солда́тской жи́зни ро́ты и полка́»¹.

Одна́ко: «Духо́вно-нра́вственно́е воспита́ние вне́дря-
лось с пре́великим тру́дом. Несмот́ря на указа́ния свы́ше, в
каза́рменной жи́зни это́т вопро́с занима́л совер́шенно́ второ́-
степенное́ ме́сто, трудно́ подда́ваясь нача́льническому́
учету́ и засло́няясь все́цело́ забота́ми и требо́ваниями́ чисто́
матери́ального, при́кладного́ поро́дка. Каза́рменный́ ре́жим,
где́ все – и хри́стианская́ мо́раль, и испо́лнение́ о́брядов, и
рели́гиозные́ бесе́ды – имело́ ха́рактер о́фициальный, обяза́-
тельный, чисто́ прину́дительно́й, не созда́вал надле́жащего
настро́ения... трудно́ бывало́ разре́шение вопро́са да́же об
испра́вном посе́щении́ це́ркви... Я ду́маю, что́ в лу́чшем
случа́е солда́т оста́влял каза́рму с то́й же ве́рою и суе́верия́-
ми, кото́рые прино́сил из до́му»².

При́ заня́тиях гра́мотой́ необходи́мо́ было́ знако́мить
солда́т с гла́вными́ их служе́бными́ обяза́нностями́, с деся́-
тью́ за́пове́дями, кото́рые́ дол́жны́ были́ выучи́ваться
наи́зусть с пони́манием́ су́ти за́ученного́, с разъясне́нием

¹ Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. СПб., 1884. № 7. С. 81.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 370.

жизненного их применения. «Молитву Господню все обязаны знать наизусть с полным ее пониманием. За исключением этой молитвы и десяти заповедей, ничего более наизусть не учить...», – а также, – «Человек должен знать свои обязанности к Богу, к людям и окружающему миру. Всему этому можно обучиться или словесным учением, т.е. изустным, или самому из книг вычитать»¹.

Занятия солдат длились около шести часов в зимнее время и до восьми часов летом. Они включали в себя классные занятия в казарме, строевые и гимнастические упражнения на плацу или в манеже, работы в мастерских, кухнях и прачечных, караульную службу в части, охрану городских зданий или сопровождение арестантов.

В планировании занятий не было единой системы. Их содержание зависело от числа нижних чинов, результатов их обучения, от того, в какой обстановке находилось подразделение и т.д. Проводились они в свободное время и в общий расчёт учебных часов по предметам боевой подготовки не входили.

В решении этой важной задачи заметна роль унтер-офицеров. Данная проблема приобретала стратегическое значение. Армия превращалась во «всероссийскую школу образования». Унтер-офицеры весьма охотно занимались с солдатами письмом и арифметикой, хотя времени для этого было крайне мало. Один из унтер-офицеров, обучавший солдат грамоте, писал: «Для успеха дела надо было постепенно приучать и руку – к письму; слух – к разделению на отдельные звуки; язык – к отчетливому произношению этих звуков»².

¹ Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 88, 113.

² Чиненный С. Унтер-офицеры Русской армии // Ориентир. 2003. № 12. С. 63.

Рис. 28. Солдат в походной форме 1870-х гг.

В качестве учебных пособий для первоначального обучения чтению использовались «Русская Азбука для народных школ» и «Русская Азбука» В. Золотова, в которой, наряду с упражнениями для обучения гражданскому чтению, была напечатана церковная грамота и некоторые молитвы. К середине 1860-х гг. появились первые буквари для обучения солдат. В 1866 г. в «Военном сборнике» был напечатан «Букварь. Руководство учителю», составленный по

опыту обучения солдат. Из религиозных изданий наиболее распространенными были одобренные духовным начальством «Начатки христианского чтения» и «Библейская история в кратких сказаниях, заимствованных из священных книг Ветхого и Нового Завета». Для поучительного и легкого чтения, наряду со статьями из журналов «Чтение для солдат», «Солдатская беседа», «Народное чтение», рекомендовались: «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам», «Сын рыбака Михаил Васильевич Ломоносов», «Народная сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, а также «исторические и географические сочинения, примененные к степени развития солдат»¹.

Отношение к этому важному делу передовой части офицерства, радеющего за грамотную российскую армию характеризуют следующие строки из «Военного сборника» – «...Мы смотрим на обучение солдат грамоте с особенным уважением, потому что этим путем вносится, в известной степени, образование в массу народа, отчасти обеспечивается будущность солдата, и из всех знаний, которые солдат приобретает на службе, грамотность единственный предмет на службе, приносящий ему, по оставлении службы, существенную пользу»².

Это имело подтверждение и в повседневной жизни уволенных со службы нижних чинов, которые возвращались из армии к месту постоянного проживания. Так, например, о жителях сибирского г. Ишима писали: «желание учиться грамоте почти всеобщее... Всякий семьянин охотно пользу-

¹ Лютов С.Н., Панченко А.М. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века). Новосибирск, 2007. С. 191–192.

² Лишин И. Образование рекрут // Военный сборник. СПб., 1866. № 3. С. 86–87.

ется первым случаем поучить сына грамоте. Бессрочноотпускные и отставные солдаты... много содействуют в этом успеху»¹.

При проверках состояния воспитательной работы и обучения в войсках, их эффективность оценивалась степенью нравственного, умственного и физического развития военнослужащих, их выправкой, опрятностью и здоровьем, что отражалось на репутации командиров.

Разновидностью воинского воспитания, являлось правовое воспитание нижних чинов. Командиры и начальники различных степеней доводили до сведения своих подчинённых положения российского законодательства и знакомили их с практикой его применения. Военнослужащие получали представление о причинах различных правонарушений, условиях, способствующих их совершению, о мерах борьбы с преступностью и способах её предупреждения. Беседы по военному законодательству проходили в полковых, бригадных, батальонных учебных командах и школах подпрапорщиков².

Большое значение в соблюдении законности имело поведение командиров и других начальников. Как отмечалось: «Если сегодня ротный командир горячо толкует солдату о святости его призвания, о высоком назначении воина, а завтра, при малейшей оплошности этого воина, пустит в дело кулак; если сегодня он проповедует необходимость строгого, неукоснительного исполнения мельчайших требований воинской службы, а завтра, в присутствии нижних чинов, прибегает к плутовским мерам, чтобы скрыть

¹ НАРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 6. Л. 56.

² Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 47.

допущенный беспорядок, – то естественно, что при таком порядке живые факты будут заглушать всякую мораль...»¹.

К сожалению, на практике не все командиры частей в повседневной деятельности были требовательными к своим подчинённым, «домашние» меры воздействия командиров воинских частей и подразделений часто были предпочтительнее законных. Мотивы начальников, озабоченных честью мундира и личной карьерой, а также корпоративностью, существовавшей среди офицеров, были понятны. Однако же, в этом случае, упускалось важное воспитательное значение в деле формирования убежденности солдат в необходимости добровольного следования дисциплине: «Например, ротный командир избил солдата: «лучше я его, мол, поколочу, чем отдам под суд»; фельдфебель получает от артельщика вместо положенного фунта – три фунта говядины; взводные увольняют со двора людей за угощения; младший офицер в присутствии нижних чинов «прошелся» на счет начальства, – раз если солдат заручился такими наблюдениями, то уже никакое изучение дисциплинарного устава не может водворить в его сознании чувства дисциплины»².

Значимость положительных морально-деловых качеств у военнослужащих была настолько существенна, что основные для военного дела качества закреплялись как обязательные, о чём свидетельствовали требования Устава внутренней службы. Так, в общих обязанностях нижних чинов отмечалось, что каждый из них «должен всегда и везде иметь бодрый и молодецкватый вид... держать себя с достоинством, воинскому званию присущим, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в ссоры, не участвовать в

¹ Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. СПб. 1884. № 7. С. 79.

² Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 88.

сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках»¹.

Перечисленные обязанности не являются только лишь набором требований, которые военнослужащий должен выполнять, они еще, и направлены на формирование внутренней потребности солдата соответствовать личностным характеристикам, наиболее важным для военного дела. Другими словами, это показатели уровня состояния правосознания военнослужащего, ориентиры для его качественного самосовершенствования.

Организуя правовое воспитание, Военное министерство в «Положении об обучении войск всех родов оружия» (1880 г.) выделяло следующие задачи: обучение личного состава правовым знаниям и превращение их в личные убеждения, в практические навыки и привычки правомерного поведения; привитие военнослужащим чувства нетерпимости к любым отступлениям от требований правовых норм и формирование у них умения активно отстаивать и защищать свои права.

Большое внимание уделялось формированию личностных качеств: мужества, отваги, бесстрашия, терпения, стойкости, силы воли, способности переносить тяготы и лишения военной службы, инициативности, смекалки, приверженности войсковому товариществу и взаимовыручке, любви и беззаветной преданности Отечеству и народу, готовности пожертвовать здоровьем, а если потребуется, то и самой жизнью ради победы над врагом.

Высшими побуждениями признавались религиозность, патриотизм, чувство долга и чести, честолюбие и славолюбие, «осознанность корпоративности». Что же касается ограждения от вредных влияний, то некоторые командиры считали необходимым создавать для солдат специальные артели или чайные, «которые будут давать возможность

¹ Устав внутренней службы. СПб., 1910. С. 44–45.

солдату провести более или менее приятно часы досуга». Безусловно, эта мера была направлена и на ограждение «нижних чинов от трактиров и других общественных заведений, где они могут встречаться с людьми, распускающими зловредные мысли»¹.

Современник также отмечал: «Весьма важной мерой для умственного развития солдата является чтение книг и газет. Наш простой народ далеко не глуп. Яркая простонародная речь, пословицы, поговорки, наконец, весь народный эпос – результат тысячелетней умственной работы народа – красноречиво свидетельствуют о его стихийной умственной крепости»².

Однако, характерной особенностью материалов некоторых окружных газет и журналов были суждения о жизнедеятельности и обучении войск, которые не всегда совпадали с позицией официальных изданий военного ведомства «Русский инвалид» и «Военный сборник». В войсках стали нормой указания о запрещённых для чтения нижними чинами книгах, изъятии из обращения частных изданий, не рекомендованных Главным штабом.

Практически во всех военных округах проводились проверки фондов офицерских библиотек, обращалось внимание на более строгую проверку книг, доступных нижним чинам. Выбор книг регламентировался «в видах облегчения ближайшим начальникам выбора книг, соответствующим целям начального образования и нравственного воспитания нижних чинов» приказом Военного министра № 343 от 11 сентября 1879 г. и был объявлен Главным штабом Военного

¹ Крылов М.В. Правовое воспитание во второй половине XIX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 48.

² Там же. С. 84.

министерства. К этому приказу приложением шел «Системный каталог» книг, одобренный для обращения в войсках Главным комитетом по устройству и образованию войск¹.

Как писал современник: «Нравственно ответственные за правильное, умственное развитие солдата, мы должны зорко следить за книжным материалом, обращающимся в руках солдат. Надо сознаться, что желаемый спрос на чтение встречает недоброкачественное предложение в лубочных изделиях разных аферистов, и солдат тратит свой грош на безграмотные, бессмысленные, неопрятные изделия этой литературы, вроде «Битвы русских с кабардинцами», «Английских милордов», «Сонников»; литература эта давно уже вошла в моду у грамотного простолюдина и следует за ним в казарму. Вся эта «духовная пища» имеет целью лишь тешить и щекотать животные инстинкты, но никак не развивать»².

Необходимость организации библиотек для нижних чинов была осознана военным командованием еще в середине XIX в. Развивался этот процесс в русле активного обсуждения вопросов, связанных с дальнейшим развитием войсковых библиотек. При этом, выделение средств на эти нужды до середины XIX в. не предусматривалось, книги для солдатского чтения, приобретались за счет хозяйственных сумм, «без расходов от казны», и лишь в 1859 г. для обучения грамотности было назначено по 10 коп. в год на каждого штатного нижнего чина³. Таким способом в ротах, эскадрах, батареях, учебных командах начался процесс постепенного накопления книг для солдатского чтения.

О солдатских библиотеках отмечалось: «Наши ротные библиотеки имеют прекрасные издания вроде «Досуг и

¹ Приказ Военного министерства № 343 от 11 сентября 1879 г.

² Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 85.

³ Библиотеки солдатские // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IV. С. 537.

дело», хотя число экземпляров далеко недостаточно по числу людей; но если ротный командир и младшие офицеры роты возьмут в свои руки как направление солдата в выборе путных книг, так и самое чтение, то дело поправимо; вообще руководить чтением обязательно должны офицеры, так как для солдата, лишенного всякой элементарно-научной подготовки, чтение – простой, механический процесс складывания букв в слова. Чтение должно быть в высшей степени занимательным, обдуманым и строго систематичным, шаг за шагом втягивая солдата в область интересных и нужных для него знаний. Вкореняя в солдате полезное знание и верное понимание вещей, мы косвенным образом проникаем в темную и невежественную среду нашего крестьянства, внося туда лучи света и теплоты; грамотный, развитой солдат, вернувшись в деревню, не раз помянет нас добрым словечком, найдя себе как кусок хлеба, так и уважение от сельчан»¹.

В 1870-е гг. военное ведомство принимало меры к приведению деятельности по обучению солдат грамоте в определенную систему, упорядочению выпуска литературы и контролю чтения «простолюдинов в солдатских шинелях». С 1871 г. приказом по военному ведомству № 31 предусматривалось дополнительное выделение денег на обучение грамоте из расчета 5 коп. в год на каждого нижнего чина. В 1877 г. Главному комитету по устройству и образованию войск было поручено озаботиться «об устройстве читален для нижних чинов». Этим же комитетом к 1879 г. был подготовлен «Систематический каталог книг, одобренных к обращению в войсках между нижними чинами», который в последующие годы дополнялся, уточнялся и неоднократно переиздавался.

В последнее десятилетие XIX в. отношение военного ведомства к вопросам обучения солдат грамоте изменилось.

¹ Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 86.

Контрреформы в области образования затронули и армию. С 1892 г. обучению грамоте уделяется все меньшее значение, с этого времени для офицеров эта задача не рассматривается военным ведомством, как воспитателя народных масс, несущих в нее образование. Однако, данное обстоятельство едва ли можно считать обоснованным в то время, как процент неграмотных призывников, даже при условии его снижения, оставался очень высоким.

Еще дважды в рассматриваемый период военным ведомством в 1897 г. в сумме до 10 коп. на каждого нижнего чина и в 1909 г. дополнительных 10 коп. последовало увеличение средств на развитие солдатских библиотек, что считалось уже вполне достаточным в определенных военных кругах¹.

Деньги на обучение грамотности и на учебные пособия назначаются в мирное время по 20 коп. в год на каждого рядового по их штатному числу, на нижних чинах местных, конвойных и артиллерийских команд отпускается по 15 коп. в год на каждого штатного строевого рядового, на унтер-офицеров – 10 коп. (приказ по ВВ 1911 г. № 597)².

Вот как характеризовал обычные результаты воинского обучения генерал Деникин: «Но как бы то ни было, уже после окончания первоначального обучения (4- или 5-месячного) солдата узнать нельзя: по внешнему виду, выправке, сообразительности. Подавленность и замкнутость его прошли, кругозор с годами раздвигается. Он еще попадет, быть может, не раз в анекдот в области отвлеченных понятий, но в практической жизни проявит смысленность, свойственную русскому человеку и обостренную военной выучкой». Ту «солдатскую смекалку», которая проявлялась так часто – не только в умении «варить щи из топора» или перегонять

¹ Лютов С.Н., Панченко А.М. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века). Новосибирск, 2007. С. 189.

² Военная энциклопедия. Т. IX. СПб., 1912. С. 149.

денатурат через противогазы, но и в многих других случаях: в легком общении с иноязычным населением тех краев, куда забрасывала его судьба, в быстрой приспособляемости к трудным и сложным подчас условиям походной, бивачной, окопной и боевой жизни»¹.

Таким образом, осознание военным командованием необходимости образования солдат в интересах развития военного дела в условиях реформирования и перевооружения армии было очевидным. Необходимость воспитания солдат в духе патриотизма, верности вере, царю и Отечеству, следования требованиям законопослушного поведения по отношению к старшим начальникам в деле формирования здорового духа войск прекрасно понималось командованием. Стремление прогрессивно настроенных офицеров и представителей общественности к обучению солдат грамоте и повышению грамотности всего населения страны были основными точками опоры развития этого процесса.

Вместе с тем этой работе не хватало согласованности. В некоторых случаях мероприятия проводились бессистемно, что вероятно, было вызвано недостатками организации воспитательного процесса и управления им, в том числе отсутствием должной исполнительной дисциплины. Действия в этом направлении характеризовались отсутствием системы контроля, чётких критериев оценки состояния обучения и воинского воспитания, эффективности этой работы, а в ряде случаев – сознательным игнорированием и нарушением предписаний руководства округов.

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 374–375.

3.2. Традиции и ценностные ориентации

Немногочисленные часы досуга нижние чины проводили традиционно. После обеда нижние чины имели не менее полутора часов свободного времени. В это время они могли приводить в порядок амуницию, играть, петь, читать. Разрешались свидания с солдатами в казарме в свободное от занятий время, имена посетителей записывались в специальной книге¹.

Для многих молодых солдат даже эти свободные часы не приносили радости: «Щемящая тоска написана на лицах молодых, висит в воздухе, в особенности в вечерние часы досуга, поздней осенью или зимою, в тускло освещенной казарме... Допускаются посетители, но кто придет? Свои далеко, за сотни, тысячи верст. Солдатская памятка наставляет: «Скучно станет – ступай поговори с земляком». А земляков «ранжир» разбросал по разным полкам и ротам... «Не поможет – напиши письмо домой», – поучает далее памятка. Эти солдатские послания – полуграмотные по форме, вымученные, с натугой и потом составленные – от не привычки излагать в письменной форме свои мысли!... С бесконечными поминаниями всей родни... Со штампованными, точно подсказанными мыслями, сквозь которые редко прорвется подлинное внутреннее движение души человеческой»².

Также солдатам разрешалось увольнение из части в свободное от занятий время, разрешение рядовые получали от взводного унтер-офицера. При увольнении до переклички солдат получал специальный жетон – металлический знак.

¹ Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 143.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 363.

Нижний чин, уволенный до позднего времени получал также увольнительную записку. Все уволенные на один день и более считались в отпуску. Им выдавался увольнительный билет: до трех дней – ротным командиром, до семи дней – командиром батальона, и до месяца – командиром части¹.

Во время пребывания в городе с разрешения командира роты солдаты могли посещать театры и концерты, дозволялось занимать места в амфитеатре и галерее. Запрещалось бывать в клубах, на маскарадах, публичных танцевальных вечерах. Устав требовал от каждого солдата иметь бодрый и молодецкый вид, держать себя с достоинством, присущим воинскому званию. Нижний чин должен был быть трезвым, вежливо вести себя с посторонними, не вмешиваться в ссоры, уличные сборища, не принимать участия в драках и каких бы то ни было беспорядках, оказывать содействие по просьбе полицейских.

В казармах, как говорили тогда, «устраивались приличные развлечения»: работали солдатские артели, чайные, читальни, ставились спектакли с участием солдат и унтер-офицеров. «Для того, чтобы человек жил здоровой жизнью и хорошо работал, ему необходимы, кроме достаточной пищи, известные возбуждения, которые выводили бы его от времени до времени из обычно-монотонной колеи жизни; образованные люди удовлетворяют эти потребности: книгами, общественными собраниями, музыкой, театрами; солдату же мы предложим вечерние беседы священника, врача, офицеров, гуманные картины, казарменные спектакли, и полковое начальство не остановится перед средствами, так как эти затраты сторицею окупятся умственно-нравственным подъемом нашего солдата»².

¹ Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 332.

² Лоссовский. Забава и дело в казарме... С. 83.

Генерал Деникин писал скептически: «В область солдатских увеселений, как и вообще народных, культура проникала с превеликим трудом. На праздниках устраивались обыкновенно зрелища и игры для нижних чинов – одни унаследованные чуть ли не от времен Иоанна Грозного, вроде «бега в мешках», или намыленного столба с немудрящим призом на верхушке; другие – модернизированные: рассказчики, фокусники, доморощенные концерты, любительские спектакли. Одни спектакли чего стоили! Наиболее трудный род литературы – народные пьесы – редко подымались выше лубка или балагана, или прескучных диалогов на псевдонародном языке... Сколько раз приходилось видеть равнодушие и скуку на лицах солдат во время представления благонамереннейшей пьесы, проводящей идеи воинского долга, жертвы за родину, боевого подвига. «Народ в шинелях» или «не доспел» еще тогда, или природным чутьем постигал некоторую фальшь в пьесе. Зато какое веселье вызывали зрелища балаганные, лишенные всякого смысла, наполненные непроходимой чушью!»¹.

Действительно, как писал в начале XX в. П. Кочергин, сам отслуживший солдатом: «Очень жаль, что солдатские спектакли у нас мало прививаются и даже за последнее время о них не слыхать. Многие нижние чины любят театральные представления, но не бывают в разумном учреждении по неимении средств или вследствие стесненных местных правил»².

Базой для духовно-нравственного и патриотического воспитания воинов, для обучения нижних чинов грамоте,

¹ Деникин А.И. Старая армия... С. 368.

² Кочергин П. Нужды русского солдата // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 331.

просветительной работы были военные библиотеки, создаваемые в воинских подразделениях¹.

Однако с библиотеками не все было просто: «В чайных существуют библиотеки. Нижние чины читать газеты охотники, но им они недоступны. Выписывается газет мало, и больше таких, содержание коих давно всем известно. В каждой роте имеется шкаф с надписью «библиотека». Но для того, чтобы получить книгу из этого вечно запертого шкафа, подернутого тенетою и пылью, нужно пройти мытарства: 1) доложить отделенному, 2) взводному, 3) идти к фельдфебелю, который, если признает нужным, прикажет выдать. Книжка... попадает к чтецу чуть не через два-три дня... Число книг в библиотеке «раз, два и обчелся». Здесь можно встретить все, что относится к баталии, только сомнительной правдивости»².

В.А. Гиляровский так писал о досуге вольноопределяющихся в 1870-е гг.: «Никто из нас никогда не читал ничего, кроме гарнизонного устава. Других книг не было, а солдаты о газетах даже и не знали, что они издаются для чтения, а не для собачьих ножек под махорку или для завертывания селедок.

Интересы наши далее казарменной жизни не простирались. Из всех нас был только один юноша, Митя Денисов, который имел в городе одинокую старушку бабушку, у которой и проводил все свободное время и в наших выпивках и гулянках не участвовал. Так и звали его красной девушкой. Мы еще ходили иногда в трактиры, я играл на бильярде, чему выучился еще у дяди Разнатовского в его имении. В трактирах тогда тоже не получалось газет, и я за

¹ Гефнер О. В. Военные библиотеки в культурной инфраструктуре Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 102.

² Кочергин П. Нужды русского солдата... С. 333.

время службы не прочитал ни одной книги, ни одного журнала. В казарму было запрещено приносить журналы и газеты, да никто ими и не интересовался. В театр ходить было не на что, а цирка в эти два года почему-то не было»¹.

Современник писал: «За неимением безгрешных игр наш солдат свободное время употребляет на разгулы по трактирам, чайным или слушает анекдоты скабрезного содержания. В праздничное время, в особенности в лагерях, солдату и вовсе скучно без развлечения. Одно развлечение – купаться, если есть вода»².

Казарменный быт, конечно же, не был рафинированным: «В казарме царила атмосфера грубости. На внешних отношениях лежала печать всеобщей русской малокультурности, составляющей свойство не одних народных масс, но часто и интеллигенции... Ругня и в частности, матерщина – в качестве угрозы и даже одобрения – составляли главную принадлежность казарменного лексикона, как в отношении высших к низшим (будь то офицер или унтер-офицер), так и между равными»³.

Быт и материальное благосостояние, характер досуга и дисциплина в воинских частях во многом зависели от компетентности, инициативности, ответственности, доброты командиров воинских подразделений. Были в армии офицеры-начальники, равнодушно относящиеся к своим обязанностям, не заботящиеся о здоровье и благосостоянии солдата, злоупотреблявшие служебным положением в отношении нижних чинов. Так, в 1875 г. солдаты Почитанской конвойной команды на инспекторском смотре подали жалобу Томскому губернскому воинскому начальнику на командира команды штабс-капитана Колмакова. В жалобе

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания. М., 1928. С. 78–79.

² Кочергин П. Нужды русского солдата... С. 332.

³ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 349.

указывалось, что «это не человек с сердцем и душой, а какой-то злой гений в человеческом образе, команда под его начальством не солдаты, а какие-то каторжники; не знают они в его работах ни дня ни ночи, ни праздника ни будня». Командир бил солдат, даже тех, кто по болезни отказывался работать, заставлял их пасти своих лошадей, брал подряд на доставку дров и сена, но не нанимал работников, а заставлял рубить дрова и косить сено нижних чинов. Также Колмаков заставлял солдат покупать у него чай, сахар, табак, спички по установленной им цене, не разрешал им это делать в других лавках, не выдавал жалования и наградных, продавал арестантам вино. При личном опросе солдаты не подтвердили своих претензий, видимо, испугались наказания. В результате расследования солдатам дали по 5 суток ареста в карцере, но и штабс-капитан Колмаков был переведён на службу в другое место¹.

В Туринске большую просветительную работу с нижними чинами местной команды проводил уездный воинский начальник и начальник команды подполковник И.Л. Скурский. Он выписал в команду «волшебный фонарь», брошюры и картинки, разнообразные по содержанию (военное дело, священная история, явления природы). Благодаря его же стараниям были заведены в команде постоянная сцена и реквизит для постановки спектаклей. По отзывам местной прессы, в 1896 г. в городе, «благодаря частным чтениям, устраиваемым с нижними чинами команды, благодаря спектаклям, хотя и редким, уровень умственного и нравственного развития между солдатами значительно увеличился»².

Современник так характеризовал повседневность казармы: «Внешняя грубость казарменного режима в глазах сторонних наблюдателей заслоняла его положительные

¹ Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 145.

² Там же. С. 146.

черты, не всегда видные со стороны и недостаточно оцененные – сердечность, едва ли существовавшую в такой степени в какой-либо из иностранных армий, и заботливость о солдате. В длинной галерее типов... чередуются и не в малом числе, настоящие подвижники долга, отдававшие бескорыстно свои силы службе, свое сердце, досуг и даже иногда скудные сбережения солдату, отстаивающие интересы и благополучие своих подчиненных»¹.

Рис. 29. Увольнительный жетон 6-й роты
42-го Сибирского стрелкового полка (Томск)

С течением времени руководство армии начинает уделять все большее внимание: «В конце 90-х годов воспитательное значение солдатских развлечений получило повсеместное признание. Низовую инициативу сменило организованное участие командного состава, первоначальное ку-

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 351.

старничество – более культурные постановки... Правда давалось все это нелегко, в особенности в медвежьих углах... Бывало чадят нещадно керосиновые лампы; в столовой, отведенной под зрительный зал, душно до невозможности; взятые напрокат кинематографические ленты рябят в глазах. Солдаты скучают от «чтений», с нетерпением дожидаясь «разнохарактерного дивертисмента». Ходят, большинство по наряду, норовя удрать на волю – покурить, выпить»¹.

Важную роль в жизни военных играла религия. Религиозность в дореволюционный период была традиционной чертой мировоззрения народа, но в военной среде она усиливалась, актуализировалась. Это во многом было связано со спецификой военной службы. Традиционное религиозное понимание мира как борьбы добра и зла, божественного и дьявольского начала в мировосприятии военных преобразовывалось в понимание задач воина – быть защитником государства и православной веры, всех слабых, обиженных, противостоять злу во всех его проявлениях. Действительно, для солдата война всегда была связана с риском, смертью, непредсказуемостью. Религия, вера помогала преодолеть страх смерти, придавала дополнительную смелость и решительность. Нужно иметь в виду, что военный человек вынужден был по своему предназначению совершать на войне убийство себе подобных, пусть оправданное, но убийство. В данной ситуации вполне оправдано стремление замолить грех, очиститься².

Как писал один из современников, – полковник П.А. Ражепо, – «Вера и самые обряды религии тем более важны для воинов, для тех людей, которым приходится бывать часто и в тяжких обстоятельствах, где смерть смотрит им в глаза,

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 369.

² Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 68.

и где одни только незабываемые основы веры могут спасти от колебаний и лукавых мудрствований»¹.

Директор Сибирского кадетского корпуса А.П. Кичеев так писал о значимости религиозного элемента в мировоззрении военных: «Храм Божий дорог сердцу каждого православного христианина и может быть еще дороже православному воину»².

Религиозному воспитанию нижних воинских чинов уделялось большое внимание. В солдатских школах обязательно преподавался Закон Божий. Все солдаты были обязаны регулярно посещать храм. Многие воинские части имели собственные церкви. Командование очень внимательно относилось к религиозной жизни нижних воинских чинов. Можно привести такой факт, что в Омской дисциплинарной роте на расходы по богослужению выделялось из казны 200 руб. в год, а на канцелярские расходы – 75 руб.³ Если воинская часть не имела собственной церкви или священников, то ее военнослужащие посещали городские храмы, для совершения обрядов и религиозно-нравственных бесед приглашались городские священники.

Наиболее полно роль православного духовенства по укреплению духа и воспитанию нравственности в вооруженных силах осветил в своей монографии «На прогнание всякого супостата» (Новосибирск, 2016) Ю.А. Фабрика. Например, он приводит высокую оценку сибирским воинским священникам, которую дал о. Протопресвитер А.А. Желобовский после инспекционной поездки в 1903 г.: «Преобразовывается Сибирь, переменяется и жизнь тамош-

¹ Режепо П. Офицерский вопрос в начале XX в. // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 106.

² Степной край. 1898. 16 дек.

³ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 69.

них обывателей, а это близко касается и наших военных батюшек... приятно поражали меня нравственные качества тамошних наших священников, стоящих на высоте своего положения и пользующихся заслуженным вниманием своей паствы. С удовольствием смотрел я на их материальное довольство, что главным образом объясняется их трудолюбием. Особенно я был поражен умственным развитием священников и их тактичностью в обращении с обществом. Не берусь решать, есть ли это особенность сибирских священников – свойство воспитывавших их семинарий, или плод тех условий, среди которых они живут. Скорее последнее: жизнь – это борьба, а там в Сибири, в особенности – борьба умственная»¹.

Недостаток церквей и военных священников нередко затруднял удовлетворение религиозных нужд военных, особенно на окраинах империи. Военный министр А.Н. Куропаткин в 1899 г. в отчете об инспекции Сибирского военного округа отмечал: «Удовлетворение религиозных потребностей далеко не обеспечено. Войска Омского и Томского гарнизонов не имеют своих церквей и священников и пользование приходскими церквями отчасти затруднено»².

В начале XX в. развивается церковное строительство воинских храмов в регионе. Так, проект кирпичного храма на 630 человек для Барнаульского полка, одобренный императором, был предложен Главным штабом. Церковь была возведена в 1907 г. Строительство воинской церкви во имя Святого Николая Чудотворца, рассчитанной на 600 молящихся, осуществлялось на пожертвование прихожан и было выполнено в традициях православного храма.

¹ Фабрика Ю.А. На прогнание всякого супостата. Новосибирск, 2016. С. 42.

² Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура... С. 69.

Рис. 30. Полковая церковь Николая Чудотворца
Барнаульского полка, 1907 г.

Архитектор Фёдор Михайлович Вержбицкий разработал проект, по которому были построены военные храмы в различных городах Российской империи, в том числе в Новониколаевске (во им. Святого Георгия Победоносца) и

Пскове (во имя Святого Александра Невского). За строительством наблюдал местный архитектор И.Ф. Носович. Храм представляет собой одностолпную базилику, выполненную в эклектическом стиле с элементами русского стиля¹.

В 1903 г. командующий войсками Сибирского военного округа генерал Н.Н. Сухотин признал необходимым назначить священников во все строевые части округа, но из-за нехватки средств на введение штатных причтов религиозные нужды, должны были удовлетворять священники, назначаемые епархиальным батальоном, расположенных в Томске, Тобольске, Омске, Семипалатинске, Барнауле и Зайсане начальством².

Полковой священник для искренне верующих солдат значил очень много. Память о некоторых из них передавалась в народных рассказах. Полковой священник Митрофан Серебрянский писал в своем дневнике, что следуя на русско-японскую войну, проезжал 27 июня 1904 г. вместе со своим воинским эшелоном станцию Тайга близ Томска и пообщался с церковным сторожем. Старик-сторож оказался отставным солдатом, в разговоре со отцом Митрофаном он стал вспоминать своего полкового священника в Абхазском пехотном полку во время взятия Карса в 1877 г.: «Вот у нас батюшка был старик, белый как лунь, а при штурме Карса и других битвах всегда с крестом в руках с нами идет: в атаку мы – и он с нами; благославит крестом нас... Славно было биться рядом с ним!»³.

Для отправления служб военных в России строились специальные воинские храмы при военных частях и учреждениях. О.В. Гефнер относит военные храмы к «духовным

¹ Чернобаева, К.В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле // Вестник ТГАСУ. 2016. № 1. С. 41, 51.

² Фабрика Ю.А. Церковь и армия в России... С. 11.

³ О. Митрофан Серебрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 215.

воинским заведениям». Историк отмечает, что наибольшее число воинских храмов располагалось в Омске. Это: Омский Воскресенский военный собор, Скорбященская церковь, Преображенская церковь, церковь Покрова Пресвятой Богородицы 44-го Сибирского стрелкового полка, церковь Святого Николая Чудотворца, церковь Омского резервного пехотного батальона¹.

Главным военным храмом Омска являлся Воскресенский собор, построенный еще в 1773 г. на средства военно-инженерного ведомства. В 1832 г. собор был принят в полную собственность Военно-инженерного ведомства, а в 1895 ему был придан статус кафедрального². У церкви существовал большой приход, в 1875 г. среди прихожан числилось 565 мужчин и 725 женщин. Большинство из них составляли военные и члены их семей³. В 1906 г. при соборе открыли приют-школу для сынов нижних чинов Омского военного округа, убитых в войну с Японией⁴.

Военные церкви существовали и в других городах региона. Например, в Томске в местном воинском лазарете действовала домовая церковь, основанная в середине 1880-х гг.⁵

Показателем религиозности военных может служить их активное участие в религиозно-просветительских обществах, благотворительная деятельность в пользу церкви.

В 1901 г. военное министерство решило поддержать устройство разумных развлечений, но без расходов для казны и с уклоном в нравственно-религиозное воспитание нижних чинов, для чего «были введены внебогослужебные

¹ Гефнер О.В. Роль военных храмов в культурной жизни Омска // Общество и религия. Омск, 1997. С. 32.

² Лебедева Н.И. Омские храмы // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1993. № 2. С. 100.

³ ГАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 27об.

⁴ Фабрика Ю.А. На прогнание всякого супостата... С. 99.

⁵ Сибирская жизнь. 1899. 26 января.

беседы полковых священников». Это должно было «отвлечь нижних чинов от бесцельного шатания по городу в праздничные дни и от сношения с низшими слоями городского населения»¹.

Рис. 31. Воскресенский воинский собор в Омске

Большое значение имели и воинские ритуалы. Одним из важнейших ритуалов была присяга. Проходила она следующим образом: обычно после торжественного богослужения, в присутствии командира части, всех офицеров и солдат, присягающий должен был «положить левую руку на Евангелие, а правую поднять вверх с простертыми двумя большими перстами». Присяга лиц разных вероисповеданий со-

¹ Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 370.

вершалась отдельно, иногда на национальном языке. Заканчивалась она молебном о воинах, вступивших в ряды Русской армии¹.

У каждой воинской части был свой праздник, приходившийся на дни церковных торжеств. Считалось, что каждая часть имела своего небесного покровителя, его образ находился в помещениях части, особо почитался. Например, праздник 1-го Западно-Сибирского линейного батальона отмечался 6 января (день Богоявления Господня), 2-го Западно-Сибирского линейного батальона – 16 августа (день Спаса Нерукотворного), 4-го Западно-Сибирского линейного батальона – 8 ноября (день святого Архистратига Михаила) и т.д.²

Обязательным атрибутом всех воинских праздников и церемоний были торжественные православные богослужения. В дни наиболее значимых праздников нижние чины принимали участие в специальных церковных парадах³. Каждый такой парад становился главным зрелищем для всего города. Например, в Омске на Богоявление (6 января) специально выделенные военные подразделения, неся военные знамена и хоругви, отправлялись от Воскресенского или Успенского кафедрального собора через центр города торжественным маршем на Иртыш, где на льду реки проводилось краткое богослужение и водосвятие. В момент погружения священником креста в воду фейерверкеры производили салют из орудий⁴.

¹ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 314–315.

² Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири... С. 70.

³ Скобликов С.В. Воинские праздники и церемониалы в жизни нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Приднепровский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1. С. 21.

⁴ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири... С. 70.

Религиозные традиции военных оказывали ощутимое воздействие на духовную жизнь региона, особенно это касается Омска. Так, в частности, характерной особенностью православной жизни «военной столицы» Западной Сибири было незначительное количество традиционных крестных ходов, основной состав участников которых составляли представители собственно городских сословий, в то время как в Томске в середине XIX в. их насчитывалось до десятка¹.

Большое количество военных в населении Омска приводило к тому, что они являлись главными участниками церковных шествий.

Командование при этом учитывало многоконфессиональный состав нижних чинов армии многонациональной империи. Так, представители разных конфессий приносили присягу согласно обычаям и традициям своей веры. В воинских частях региона наряду с православными священниками вели работу и представители духовенства других вероисповеданий. Во время своих религиозных праздников, согласно приказам командования, иноверцы увольнялись от службы, чтобы иметь возможность отправлять обряды по их вере. Даже в питании евреи и мусульмане имели выбор: при невозможности употребления пищи по религиозным соображениям, они могли получать провиант и приварочное довольствие на руки. Такая практика веротерпимости была особенно актуальна для такого многонационального региона, как Западная Сибирь и, соответственно, полиэтнического состава нижних чинов.

Нужно отметить, что случались и факты пренебрежительного отношения солдат к предметам культа, и даже богохульства. Так, например, О.В. Гефнер приводит следующий факт: 23 сентября 1905 г. Заключенный Омской дисци-

¹ Куприянов А.И. Общественные праздники в Омске... С. 59.

плинарной роты Максимилиан Шиндлер снял со стены принадлежавшую ему икону св. Владимира в присутствии находившихся в помещении нижних чинов, мазал ее хлебом и кашей, тыкал ее ножом и нецензурно выражался¹.

Тем не менее, религия оставалась одной из ключевых основ мировоззрения нижних воинских чинов российской армии. Даже в церковных канонах, и в общественном сознании укрепилось наименование «Христоролюбивого» русского воинства². Так, священник Д. Худяковский в речи, посвященной 50-летию храма при Сибирском кадетском корпусе 6 декабря 1898 г., следующим образом охарактеризовал религиозность русской армии: «Наше русское воинство... в массе своей – есть самое религиозное общество из всех светски образованных обществ»³.

Немецкий офицер, посетивший Россию в начале XX в. писал: «Русская армия отличается тесной связью военного духа с религиозным чувством. Каждая рота, каждый полк имеют своего святого, который празднуется наряду с прочими довольно многочисленными светскими и духовными праздникам. Каждая войсковая часть имеет свою собственную, часто роскошную церковь и полкового священника»⁴.

Среди традиционно важных черт духовного облика военных, несомненно можно отметить патриотизм. Нижним чинам российской армии, в том числе и служившим в Сибири, было свойственно стремление исполнять свой воин-

¹ Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири... С. 71.

² Штейнфон Б. Воин Христов. // Душа армии. Русская военная иммиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 325.

³ Худяковский Д. К чествованию 50-летнего существования храма в Сибирском кадетском корпусе 6 дек. 1898 г. 1898 г. Омск, 1898. С. 14.

⁴ Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 283.

ский долг перед Родиной, а идеалы мужества, самоотверженности являлись одним из ключевых элементов мировоззрения военных.

Современные историки М.М. Громыко и А.В. Буганов пишут: «Религиозное сознание у русских теснейшим образом связано с государственным и национальным сознанием. Государственное сознание не является принадлежностью лишь правящего слоя, а присуще массе народной. Практически каждый русский сознавал себя принадлежащим из поколения в поколение — «спокон веков» — к сильному государству. Но не просто к сильному, а к православному, призванному защитить веру истинную, быть ее опорой. Именно поэтому, по традиционным представлениям народа, оно должно быть могущественным, именно поэтому за него не жаль жизнь положить... Отсюда и развитое в массе русских высокое чувство воинского патриотического долга, воспитываемое с детства всей окружающей средой и идеал воинского подвига»¹.

Особенно ярко идеалы проявились у воинов-сибиряков во время русско-японской войны 1904–1905 гг. С первых дней войны массовым явлением становятся обращения военнослужащих к командованию с просьбой отправится добровольцами в ряды действующей армии. Такие прошения сделали, например, 28 заключенных Омской дисциплинарной роты, 14 нижних чинов служительской команды при Сибирском кадетском корпусе².

В военных действиях на фронтах войны войска Западной Сибири принимали самое активное участие, в том числе и в главнейших сражениях при Ляояне, р. Шахэ, Мукдене и др.

¹ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 540.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 80.

О мужестве и подвигах сибиряков существует обширная литература, как дореволюционная, так и новейшего времени¹. Из работ последних лет наиболее обстоятельно эта тема исследована в монографии Ю.А. Фабрики «Пример служения России. Сибирский военный округ в русско-японской войне 1904–1905 гг.» (Новосибирск, 2015).

Командующий Манчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин отмечал в своем дневнике 6 сентября 1904 г.: «Сибирские войска, несомненно, лучше себя проявили, чем прибывшие из Европейской России...»².

Одной из характерных черт мировоззрения нижних воинских чинов был монархизм. Следует отметить, что такие категории как «царь», «монархия» являются элементами мировоззренческой системы, организующей сознание и поведение³.

Одной из особенностей такой отдаленной провинции было то, что военные не имели непосредственной близости с монархом, как это было в столицах, где общение армии, в том числе нижних воинских чинов, играло важнейшую роль в формировании мировоззрения военных. В то же время и в провинции существовали практики поддержания связи армии и монарха.

Система воспитания в войсках была направлена на формирование преданности престолу, любви к государю-императору – верховному главе русской армии. Наиболее почитаемыми и празднуемыми днями среди военных были так называемые «царские дни», – дни рождений и тезоименитства императора и членов его семьи, коронации и т.д. В эти

¹ См., например: Копылов В.А., Милюхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 2001.

² Цит. по: Фабрика Ю.А. Сибирский щит (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 73.

³ Кожевин В.Л. Монарх и монархия в системе ценностей российского офицера... С. 66.

дни в воинских частях в храмах проводились молебны о здравии и процветании царствующего дома, парады войск гарнизона. Традицией было отправление командующим округом поздравительных телеграмм императору и другим членам дома Романовых. О.В. Гефнер отмечает, что эти телеграммы никогда не оставались без ответа, который зачитывался перед строем во всех частях и воинских учреждениях, что создавало у солдат ощущение постоянной связи с монархом, которая не ослабевала, несмотря на разделявшее их расстояние.

Воспитанию монархизма, преданности престолу в военной среде служила также организация различных лекций, чтений, литературно-музыкальных вечеров с патриотической тематикой, нередко приуроченным к юбилейным мероприятиям.

Способствовало поддержанию и укреплению связи монарха и армии также общение военных с членами царствующего дома во время их посещения Сибири. Так, например в 1868 г. Сибирь посетил великий князь Владимир Александрович. После этого посещения он стал шефом 1-го Западно-сибирского линейного батальона. Шефство членов царской семьи над различными воинскими частями было традиционно для русской армии.

В 1891 г. Сибирь посетил наследник цесаревич Николай Александрович. Войска Омского регулярного батальона составляли его почетный караул во время пребывания в Омске. Будущий император посетил лагерь батальона и Сибирского кадетского корпуса, Воскресенский военный собор, присутствовал на смотре войск. Подполковник М.Н. Фукин, сам находившийся в почетном карауле писал: «Наследник Цесаревич обошел почетный караул, здороваясь с каждым офицером, прикладывая руку к головному убору... При прохождении роты удостоил благодарить словами: «Спасибо молодцы». Уезжая из Омска, Николай

Александрович пожаловал подарки... нижним чинам — деньги, фотографии и по чарке водки¹.

Вот как это событие описывалось в «Памятке 43-го Сибирского стрелкового полка»: «1891 г. Июля 14. В г. Омск прибыл Наследник Цесаревич Николай Александрович. Для встречи Его Императорского Высочества от Омского Резервного батальона был выставлен почетный караул в составе одной роты со знаменем при хоре музыки. В тот же день Его Императорское Высочество произвел смотр войскам Омского гарнизона, в составе которых находился и Омский Резервный батальон, удостоившийся Высочайших подарков и похвалы. 15 июля в 9 ч. вечера Наследник Цесаревич осматривал лагерное расположение батальона и на другой день 16 июля, отбыл на пароходе через Иртыш. По пути следования Его Высочества на пристань Омский батальон был выстроен шпалерами. В память посещения Его Императорским Высочеством батальонного лагеря в 1896 г. на средства батальона сооружена лагерная церковь во имя Св. Николая Чудотворца»².

Это не могло не произвести глубокого впечатления на солдат и офицеров, способствовало закреплению в их сознании идеала народного монарха, близкого армии, заботящегося о ее нуждах.

Особое место в системе ценностей военных занимало знамя. Оно считалось святыней, которую надлежало защищать до смерти. На полковом знамени в России обычно изображался крест Господень, царская корона и двуглавый орел. В символическом смысле это означало надежду на по-

¹ Фукин. История... С. 98.

² Памятка 43-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911. Составил капитан Крылов. Омск, 1911. С. 38–39.

беду и царское благословение, «которым Помазанник Божий, как общий Отец Государства, благословлял все семейство полка»¹.

Одной из особенностей солдатского менталитета можно отметить нелюбовь к жалобам начальству. Как писал А.И. Деникин: «Присутствуя на инспекторских опросах за время своей службы в разных ролях – и опрашиваемого, и опрашивающего – наверное, более сотни раз, я помню только единичные случаи принесения солдатами жалоб; касались они обыкновенно неправильного приема на службу, дурного обращения и денежных расчётов»². На наш взгляд, подобная традиция определяется даже не столько опасением наказания за жалобу, сколько обычным для крестьянского мировоззрения стремлением «не выносить сор из избы».

Жалобу подать было довольно сложно и чревато последствиями. Передаем слово солдату-современнику «Ничего так не затруднительно в военном ведомстве, как форма подачи жалоб на начальство. Законоположения слишком ограничивают жалобщиков. При таких ограничениях нижние чины буквально терпят и сносят обиды»³.

Если говорить о политической культуре военных, то нужно признать, что основная масса нижних чинов были индифферентны к политике. Обзоры, направляемые начальниками жандармских управлений Западной Сибири в департамент полиции, свидетельствовали о полном равнодушии военных к политической деятельности. В политическом обзоре Акмолинской области за 1884 г. отмечалось, что в Омске «в среде войск, расположенных в городе не воз-

¹ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 515.

² Деникин А.И. Старая армия. М., 2005. С. 354.

³ Кочергин П. Нужды русского солдата... С. 337.

никло никаких поводов к изобличению кого-либо из офицеров или нижних чинов во вредном политическом направлении»¹.

В начале XX в. в войсках Западной Сибири развернулась социал-демократическая пропаганда. В это время в городах региона начинают распространяться в войсках издаваемые сибирскими организациями РСДРП революционные прокламации. Особенно активно эта работа велась в Барнауле, Омске, Томске и Тюмени.

Пропаганда и агитация, проводимая социал-демократами в войсках региона, приносила свои плоды. Нередкими были случаи участия солдат в распространении революционных прокламаций. Так, начальник Омского жандармского управления отмечал в 1906 г. отмечал, что революционеры, ведущие активную противоправительственную пропаганду, «хотя не смогли склонить на свою сторону офицеров, но достигают иногда желательных для них результатов в среде солдат»².

Так, например, В.М. Самосудов отмечал, что наибольшие успехи в Омском военном округе пропаганда социал-демократов имела в 4-м Сибирском саперном батальоне, Омской дисциплинарной роте и 11-й стрелковой бригаде, нижние чины которых привлекались к дознаниям за распространение революционных прокламаций и посещение митингов³.

Исследователи приводили факты участия солдат некоторых гарнизонов в революционных сходках. В частности в 1905 г. начальник Томского жандармского управления докладывал губернатору об участии нижних воинских чинов,

¹ Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура... С. 74.

² ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.

³ Самосудов В.М. Революционная пропаганда среди солдат Омского военного округа в 1907–1914 гг. // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Омск, 1970. № 45. С. 142.

стоящих лагерем близ Барнаула в сходках, организованных местной группой РСДРП¹.

В то же время нередкими были случаи проявления нижними чинами верности долгу, когда солдаты докладывали начальству о противоправительственной агитации, которую проводили их сослуживцы или гражданские лица. В частности к нижним чинам 11 пехотного батальона Сибирского Семипалатинского полка Осипу Деженину и Савватию Павлову, 10 октября 1906 г., когда они стояли на платформе станции Омск, подошел неизвестный штатский и предложил какие-то агитационные листки. Увидев, что это прокламации социал-демократов, солдаты забрали агитатора и сдали его дежурному офицеру. О.В. Гефнер отмечает, что иногда такие проявления сознательности приводили к курьезным случаям: 10 августа 1906 г. в Петропавловске нижние чины местной команды развязали драку с рабочими депо, которые выкатывали по пути оси для паровоза и в связи с этим держали красные флажки, как это было принято на железной дороге и поэтому были приняты солдатами за демонстрантов².

Подъем общественного движения в стране в годы первой русской революции конечно же оказывал влияние на политические настроения нижних чинов Сибири. Тем не менее, несмотря на заметную пропагандистскую работу среди войск, основная масса военных сохраняла верность самодержавию и политическую индифферентность.

Среди важнейших ценностей военных было чувство воинского товарищества, сплоченности, корпоративной военной солидарности. Значительную роль в формировании

¹ Кондриков Б.В. Революционные выступления солдат в Западной Сибири в годы первой русской революции // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Омск, 1965. № 22. С. 94.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 79.

чувства военной корпоративности играли различные военные праздники. Обязательными элементами воинских традиций были парады и церемониалы.

Рис. 32. Барнаульский полк во время празднования 300-летия дома Романовых, Барнаул, 1913 г.

Воинские парады нередко устраивались во время государственных праздников, которыми считались события, связанные с важными моментами в жизни царствующего дома Романовых: рождением, крещением наследников, достижением ими совершеннолетия, вступлением в брак, коронацией. Например, в начале XX в. праздниками были 6 мая и 6 декабря – день рождения и день тезоименитства (день ангела) императора Николая II. 14 декабря и 22 июля были днем рождения и днем ангела его матери – вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Супруге императора – царице Александре Федоровне почести отдавались 25 мая и 23 апреля. К «царским» праздникам относился и день коронации правящей императорской четы – печально

памятный в русской истории день 14 мая 1896 г. (в тот день во время народных гуляний на Ходынском поле в Москве погибло в давке около 1500 чел.)¹.

Парады были частью не только государственных праздников, но и общественных. Например, в 1887 г. в Тобольске отмечали 300-летие города. Тобольский резервный батальон не только провел воинский парад, но также участвовал в крестных ходах, освящении часовни в память кончины императора Александра II, принимал угощение от городского общества².

Особенно велико было значение военных парадов в общественном быту Омска, в котором располагался крупнейший в Сибири воинский гарнизон и центр армейского управления. Благодаря этому в Омске устраивали и военные триумфы, что не было свойственно другим сибирским городам³.

Например, весьма торжественно праздновалось вступление в Омск войск, возвратившихся из похода, увенчавшего присоединением к России значительной территории Средней Азии. По улицам города торжественно несли боевые трофеи, в числе которых, как утверждал в мемуарах генерал И.Ф. Бабков, случайно попал и какой-то ключ, ошибочно принятый за символический ключ от Пишпека⁴.

Воинские парады и церемонии были в то время одним из любимых развлечений не только простого народа, но и

¹ Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2014. С. 312.

² Голодников К. Празднование городом Тобольском 300-летней годовщины своего существования. Б.м., б.г. С. 1–12.

³ Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 116.

⁴ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. С. 24.

высшего общества. Об этом, например, писал офицер И. Белов, служивший в Омске¹.

Нередко торжественно праздновался в войсках день святого Георгия Победоносца – 26 ноября и день святого Николая Чудотворца – 6 декабря.

Для солдат городских гарнизонов в эти дни обычно давались бесплатные угощения от городского общества. Так, в 1896 г. в Томске, во время празднования коронации Николая II, всем солдатам местного батальона раздали «по чарке водки и пирогу»². Такая традиция свидетельствовала о заботе горожан о людях, которые несли нелегкое бремя воинской службы. Организация бесплатных обедов с непременной выдачей винной порции была призвана создавать праздничное настроение среди солдат в дни государственных праздников. С другой стороны, устройство бесплатных угощений для солдат являлось демонстрацией верноподданнических монархических настроений со стороны молодой сибирской буржуазии, а иногда и средством получить правительственную награду. Так, омский купец Корчемкин удостоился благодарности правительства за пожертвование в «высокоторжественные дни в 1856 и в настоящем 1857 году... нижним военным чинам в г. Омске вина 258 ведер, на сумму 1096 S руб. серебром»³.

Подобные мероприятия способствовали воспитанию и поддержке воинских традиций, чувства патриотизма, воинского братства. Воинские праздники играли большую роль и в общественной жизни сибирских городов, являлись частью праздничной культуры региона⁴.

¹ Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 41, 79.

² ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 139. Л. 218.

³ Куприянов А.И. Указ. соч. С. 117.

⁴ Гончаров Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного

Значительная роль военных в жизни региона, расположение в городах Западной Сибири многочисленных воинских частей и заведений отразилось и в городской топонимике. В Омске, например, существовали улицы: Лагерная, Штабная, Манежная, Полковая, Артиллерийская, Бригадная, Госпитальная, Солдатский переулок¹. В Томске были Солдатская слобода, Солдатская и Офицерская улицы, Лагерный сад². В Барнауле также была Солдатская слобода, Полковая улица, в Бийске – Крепостная улица³.

Особое значение в воинской среде имела этика общения начальника и подчиненного. В литературе уже отмечалось, что взаимоотношения офицеров и солдат во второй половине XIX в. изменялись в лучшую сторону. В армейской среде постепенно происходит осознание необходимости уважительного отношения к личности солдата, его потребностям, понимание, что такое отношение способствует повышению духа и боеспособности нижних воинских чинов. Так, в 1884 г. штабс-капитан Лоссовский писал: «Жизнь в армии, ее быт, условия, интересы, потребности, всестороннее развитие распадаются на две категории: формальную и общечеловеческую. В солдате два существа – казенное и свое собственное... Работать над развитием первого и быть крайне чутким ко второму существу – обязанность каждого военного, на которого подчиненный смотрит как на начальника и человека»⁴.

Для повышения интеллектуального и нравственного уровня солдат широко использовались различные просвети-

университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 135–138.

¹ Гефнер О.В. Военные и культура... С. 44.

² Лясоцкий И. Прошлое Томска. Томск, 1952. С. 12.

³ Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1980. С. 37.

⁴ Лоссовский. Забава и дело в казарме // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 257.

тельные мероприятия: «солдатские беседы», «чайные вечера», «унтер-офицерские клубы», литературно-музыкальные вечера, лекции, музейные экскурсии, театральные постановки. Лекции и беседы посвящались разным темам: религии, гигиене, истории, литературе, географии, природоведению, технике¹.

Еще в 1860-х гг. в российской армии законом были отменены телесные наказания. Их применение сохранялось только по отношению к нижним чинам, состоящим в разряде штрафованных, однако использовались нечасто. Например, в 1880 г. в Омской дисциплинарной роте телесным наказаниям подверглись всего 8 из 241 заключенного². В 1905 г. телесные наказания в армии были запрещены полностью.

Известны случаи существования т.н. «неуставных отношений» в военной среде, хотя они строго наказывались, если командованию становилось о них известно. Например, в 1903 г., во время осмотра Петропавловской местной команды дежурным штаб-офицером Омской местной бригады полковником Волчковским было установлено, что, как начальник команды, так и фельдфебель, бьют солдат, не выдают им заработанных денег, не разрешают носить мундирную одежду. В итоге начальник команды капитан Преин был отстранен от должности и предан суду³.

При этом если со стороны офицеров рукоприкладство по отношению к нижним чинам было достаточно редким явлением, то унтер-офицеры, занимавшиеся непосредственным обучением нижних чинов частенько «распускали руки», вымогали деньги. Так омская газета «Степной край»

¹ Гефнер О.В. Образовательная и просветительная политика государства в отношении нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах городов Западной Сибири) // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 90.

² Гефнер О.В. Военные и культура... С. 84.

³ Приказ по Сибирскому военному округу № 42. 18 февраля 1903 г.

в 1905 г. за подписью «Солдат» опубликовала статью, в которой писалось: «При поступлении на службу, солдата начинают обучать военному образованию старшие солдаты, так называемые «дядьки», и конечно, начинают его опаивать и обирать, а если он не станет давать водки или денег, то на него сердятся и посылают не в очередь на работы, в караул и пр., словом стараются «подставить ему ногу»¹.

Часто поведение нижних чинов – молодых людей, не обременённых семьёй и нередко оставляемых без пристального надзора начальства, – носило антисоциальный характер. Грабежи, драки, насилие со стороны солдат в отношении городских жителей были довольно распространённым явлением. Местная пресса неоднократно жаловалась на подобное поведение нижних чинов, призывала военное начальство дисциплинировать их. Так, газета «Акмолинские областные ведомости» информировала, что в 1881 г. в Омске рядовой местного батальона Алексей Константинов, встретив в крепостном рву жену топографа Анисью Гринберг с дочерью, напал на них и хотел ограбить, однако вовремя был остановлен подоспевшим на крик женщины городовым².

А вот как писал офицер, восемь лет командовавший ротой: «Положим, ротному командиру известно, что один из солдат его роты имеет на стороне любовницу. Солдат он трезвый, честный, умеет себя «соблюдать в аккурате». Внутреннему порядку роты не будет нанесен ущерб, если он и будет посещать ее, удовлетворяя этим настоятельную потребность молодого, крепкого организма»³.

О не всегда высоком моральном облике нижних чинов свидетельствует ряд источников. Так, нижние чины, случалось, проматывали казенное имущество, а иногда даже

¹ Степной край. 1905. 16 дек.

² Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 144.

³ Лоссовский. Забава и дело в казарме // Военный сборник. 1884. № 7. С. 92.

нападали на городских жителей. В политическом обзоре г. Барнаула за 1886 г. помощник начальника Томского губернского жандармского управления ротмистр Мозкевич сообщал: «В последнее время дурным своим поведением и нравственностью нижние чины возбудили недовольство мещан города, и вследствие этого при каждом удобном случае, между ними происходят одиночные уличные драки...». Достаточно серьезным пороком в армии было пьянство. В политическом обзоре Тобольской губернии за 1886 г. начальник жандармского управления отмечал, что в городе Кургане «нижние чины позволяли себе являться на задних улицах города не в воинском платье в пьяном виде с распутными женщинами, а также при встречах с подведомственными унтер-офицерами не соблюдали правила отдания воинской чести...»¹.

Иногда бесчинства солдат были настоящим бедствием для горожан и обращали на себя пристальное внимание жандармских органов. Так, в политическом обзоре Барнаула за 1886 г. помощник начальника Томского губернского жандармского управления ротмистр Мозкевич писал: «В последнее время дурным своим поведением и нравственностью нижние чины возбудили недовольствие мещан города, и, вследствие этого, при каждом удобном случае между ними происходят одиночные уличные драки»².

Тем не менее, несмотря на подобные случаи, в целом нельзя сказать, что нарушения дисциплины нижними воинскими чинами были массовыми. Так, Фукин в истории своей части отмечал, что среди нижних чинов Омского резервного батальона в разряде штрафованных состояло в 1875 г. – 1,2%, в 1880 г. – 1,2, в 1895 г. – 2%³.

¹ Цит. по: Гефнер О.В. Военные и культура... С. 96–97.

² Цит. по: Гефнер О.В. Повседневная жизнь... С. 144.

³ Фукин. Указ. соч. С. 305, 314, 335.

В целом, анализируя ценности и традиции русской армии второй половины XIX – начала XX в. можно прийти к выводу о действительно народной сущности армии. В этом плане авторы согласны с утверждением одного из ведущих историков России Б.Н. Митронова: «В литературе также распространено ошибочное мнение о кастовости царской армии, ее оторванности от народа... На самом деле можно без преувеличения сказать: в России народ и армия были едины»¹. И далее: «В результате военной реформы 1874 г. и других Великих реформ армия во многом изменилась и стала еще теснее, чем прежде, связана с обществом и могла успешно выполнять только те задачи, которые были поныны солдатам»².

Таким образом, нижние воинские чины являлись особой социально-профессиональной группой со своей специфической культурой, ценностями, традициями, нормами поведения и системой взаимоотношений. Для подавляющего большинства военных были характерны религиозность, патриотизм, монархизм. Жесткая иерархичная военная система поддерживала традиционность жизни нижних воинских чинов. Многие военные традиции становились неотъемлемой частью повседневной городской жизни региона.

¹ Митронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2015. С. 586.

² Там же. С. 594.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военные всегда на протяжении всей истории России играли значительную роль в жизни государства и общества. На протяжении столетий российской истории они формировали особую социокультурную общность, значительно отличавшуюся от других социальных страт, обладавшую специфическими чертами образа жизни, социальной роли, самосознания и корпоративности.

Особой группой военных в XIX – начале XX вв. являлись нижние воинские чины или, другими словами, «солдатское сословие». Эта категория состояла из солдат и унтер-офицеров российской армии, как состоящих на службе, так и бессрочноотпускных и отставных солдат с их семьями. Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в., когда при введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Нижние чины регулярной армии вплоть до 1874 г. набирались на службу из податных сословий.

Поскольку действительная служба была сначала пожизненной (впоследствии постепенно ограниченной 25 (1793 г.), 20 (1834 г.), 12 (1855 г.) годами, то люди, попавшие в солдаты, утрачивали связь со своим прежним сословием, переходили в состав «воинского сословия» и свой статус впоследствии передавали жене и детям. Военная служба для этой категории являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Вышедшие в отставку нижние чины считались лично свободными людьми

с правом на пенсионное обеспечение. Они составляли особую категорию отставных солдат.

Численность армии колебалась в отдельные годы, находясь в зависимости от международной обстановки, масштабов военных действий, соответственно изменялась и численность военного сословия. Однако общая тенденция состояла в уменьшении, как численности армии, так и доли военного сословия в населении.

Особым регионом России является Западная Сибирь. В военном плане — это тыловой район России, в котором осуществлялся призыв и подготовка войск.

Всеобщая воинская обязательная повинность, введенная в 1874 г., устранила сословный порядок, при котором некоторые сословия освобождались от несения военной службы. Служба в рядах армии признана была личной обязанностью каждого гражданина, что исключало освобождение от нее за деньги, обеспечила русскую армию значительным запасом для пополнения штата армии нижними чинами в военное время. Короткие сроки службы не лишали возможности на долгий срок отрывать значительную часть мужского населения от привычного экономического уклада жизни. Вместе с тем, обозначились некоторые проблемы, связанные с военной подготовкой нижних чинов, комплектованием армии качественным унтер-офицерским составом.

Новый порядок означал, что отдельное «воинское сословие», как иногда именовались нижние чины армии, перестало существовать. Однако вплоть до конца XIX в. продолжали бытовать многочисленные категории отставных солдат с членами их семей, что и отмечалось в материалах учета населения. Поскольку эти категории больше не пополнялись, к концу XIX в. они растворяются среди других групп населения.

Условия жизни различных категорий нижних воинских чинов в России 60-х гг. XIX – начала XX в. были достаточно сложными. Нижние чины, находящиеся на действительной воинской службе в это время образовали специфическую социальную общность.

Наиболее значительные изменения в быту и повседневной жизни солдат происходили в 1870-е гг. после Крымской войны, а также в начале XX в. после Русско-японской войны и первой русской революции.

Подготовка, обучение и воспитание личного состава в армии всегда представляла собой нелегкую задачу в военном строительстве. Ключевую роль в этом играли унтер-офицеры (старшие солдаты). Унтер-офицерский состав с момента своего появления сыграл важную роль в обучении нижних чинов военному делу, поддержании порядка и дисциплины, образовании, нравственном и культурном их воспитании. Значение корпуса унтер-офицеров в русской армии в период середины XIX – начала XX вв. трудно переоценить. В этот период ему пришлось решать двудединую задачу – помощника офицера и роль ближайшего командира для нижних чинов, особенно в годы суровых военных испытаний.

Одним из существенных институтов армейской жизни являлась система наказаний и дисциплинарных взысканий, необходимая для поддержания воинской дисциплины и, в конечном счете, боеспособности армии. Система наказаний выстраивалась в соответствии с общегражданским законодательством (принимая во внимание, конечно же, армейские особенности), с учетом тяжести правонарушений военных. Во второй половине XIX – начале XX в. наиболее опасными и распространёнными воинскими преступлениями в армии для нижних чинов считались посягательства, связанные с исполнением воинских должностей.

Военно-пенитенциарная политика характеризовалась в отношении рядовых – введением и развитием системы военно-пенитенциарных учреждений, в которых отбывались наказания, сопряжённые с прохождением военной службы. В целом состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях русской армии оценивалось как вполне удовлетворительное, а поддержание порядка в армии достаточно строгим.

Ближе к концу XIX в. наблюдается тенденция к снижению приговоров за воинские преступления, связанные с нарушением подчинённости. В то же время можно отметить увеличение совершения преступлений против собственности. Залогом же поддержания дисциплины в армии оставались работа офицерского и унтер-офицерского корпуса, желание нижних чинов служить честно и добросовестно своей Родине.

Санитарное состояние армии является одним из важнейших условий боеспособности войска. В силу этого, высшее военное командование прилагало усилия для улучшения санитарного устройства армии, охраны здоровья нижних чинов. Это стало не только проблемой военного ведомства, но и заботой всего государства. Однако предпринимаемые усилия не всегда были достаточны и нередко далеко отставали от современных потребностей и реалий военного строительства ведущих современных армий европейских государств.

Осознание военным командованием необходимости образования солдат в интересах развития военного дела, в условиях реформирования и перевооружения армии, в изучаемый период очевидно. Необходимость воспитания солдат в духе патриотизма, верности вере, царю и Отечеству, следовании требованиям законопослушного поведения по отношению к старшим начальникам в деле формирования

здорового духа войск прослеживается по всем использованным источникам. Стремление прогрессивно настроенных офицеров и представителей общественности к обучению солдат грамоте и повышению грамотности всего населения страны были основными точками опоры развития этого процесса.

Вместе с тем этой работе не хватало согласованности. В некоторых случаях мероприятия проводились бессистемно, что вероятно, было вызвано недостатками организации воспитательного процесса и управления им, в том числе отсутствием должной исполнительской дисциплины. Процесс воспитания и образования характеризовался отсутствием системы контроля, чётких критериев оценки состояния обучения и воинского воспитания, эффективности этой работы, а в ряде случаев – сознательным игнорированием и нарушением предписаний руководства округов.

Нижние воинские чины являлись особой социально-профессиональной группой со своей специфической культурой, ценностями, традициями, нормами поведения и системой взаимоотношений. Для подавляющего большинства военных были характерны религиозность, патриотизм, монархизм. Жесткая иерархичная военная система поддерживала традиционность жизни нижних воинских чинов. Многие военные традиции становились неотъемлемой частью повседневной городской жизни региона.

В целом, изучение образа жизни нижних воинских чинов российской армии 60-х гг. XIX – начала XX в. на материалах Западной Сибири позволило выявить основные черты социально-правового положения, повседневной жизни, культуры и ценностных ориентаций и традиций данной группы, в ряде моментов выявить особенности жизни нижних воинских чинов региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

КГКУ «Государственный архив Алтайского края» (ГААК):

Ф. 170 – Бийское уездное полицейское управление. Оп. 1. Д. 42, 67, 103, 109, 125, 181, 244, 919.

Ф. 174 – Бийская городская управа. Оп. 1. Д. 5, 8, 296, 337, 669.

Ф. 175 – Бийская городская дума. Оп. 1. Д. 34.

Ф. 176 – Бийская мещанская управа. Оп. 1. Д. 85, 86, 94.

Ф. 198 – Бийский уездный комитет. Оп. 1. Д. 1, 3, 5, 24, 33, 37.

ГУКНО «Государственный архив Новосибирской области» (ГАНО):

Ф. Д-75. – Томский горный кружок по оказанию помощи воинам, сражающимся на позициях, раненым и больным воинам, выходящим из госпиталей. Оп. 1. Д. 1., 2, 6.

Ф. Д-132. – 38-й Сибирский стрелковый запасной полк. Оп. 1. Д. 1, 5.

Ф. Д-135 – 11-я Сибирская стрелковая дивизия. Оп. 1. Д. 2.

Ф. Д-136 – 43-й Сибирский стрелковый запасный батальон. Оп. 1 Д. 2.

БУОО «Исторический архив Омской области» (ИАОО):

Ф. 19 – Сибирский кадетский корпус. Оп. 1. Д. 197, 213, 221, 228, 230, 234, 246, 296.

Ф. 99 – Степное окружное управление Российского общества Красного креста в г. Омске. Оп. 1. Д. 17.

Ф. 107 – 8-я дружина государственного ополчения управления Омской местной бригады. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 197 – 1-я Омская школа прапорщиков военного министерства. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 270. – Омское жандармское управление. Оп. 1. Д. 56.

ОГКУ «Государственный архив Томской области» (ГАТО):

Ф. 48 – Томское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 41, 46, 47.

Ф. 130 – Томская мещанская управа. Оп. 1. Д. 1, 3, 11, 19, 41, 145.

Ф. 233 – Томская городская управа. Оп. 1. Д. 31, 123, 177. Оп. 2. Д. 51, 207.

Ф. 234 – Томский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 5, 11, 21, 34, 39, 42, 65, 144, 172, 196, 211, 221, 253, 250, 346, 453.

Ф. 502 – Управление Томского губернского воинского начальника. Оп. 1. Д. 14, 22, 45, 48, 84, 136, 150, 180, 204, 211.

Научный архив Русского географического общества (НАРГО)

Разряд 61 – Тобольская губерния. Оп. 1. Д. 6.

ФКУ «Российский государственный исторический архив» (РГИА)

Ф. 1290 – Центральный статистический комитет. Оп. 4. Д. 557.

Законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. – СПб., 1830–1881.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – СПб., 1884–1916.

Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма – М., 1987; Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М., 1988; Т. 9: Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций. – М., 1989.

Сборник законоположений по отбыванию воинской повинности вольноопределяющимися и охотниками / Сост. М.В. Андрушкевич. – Кутаис: Тип.-лит. М.И. Гамрекели, 1899. 109 с.

Свод военных постановлений 1869 г. 2-е изд. Ч. 1–6. – СПб., 1879–1912;

Свод военных постановлений 1869 г. 3-е изд. Кн. 1–24. – СПб., 1900–1915.

Свод законов о состояниях / Изд. И.И. Зубкова. – СПб., 1911.

Свод законов Российской империи. – СПб., 1899. Т. IX: Свод законов о состояниях; Т. X: Свод законов гражданских.
Устав внутренней службы. – СПб., 1910.

Документальные публикации и статистические материалы

Ведомость о числе жителей Томской губернии по сословиям // Томские губернские ведомости. – 1861. – № 40, 41.

Военно-хозяйственный календарь на 1913 г. – СПб., 1913.

Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1872 г. – СПб., 1874.

Гагемейстер, Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / Ю.А. Гагемейстер. – Ч. II. – СПб., 1854. – 697, XI с.

Города России в 1904 г. – СПб., 1906. XIII, 410, 440, XVI с.

Города России в 1910 т. – СПб., 1914. III, 1157, XXXII с.

Дмитриев-Мамонов, А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. / А.И. Дмитриев-Мамонов // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884. – С. 351–408.

Ильин, В. Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии / В. Ильин // Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск, 1864. – С. 77–130.

Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / Сост. Е.Н. Тарновский. – СПб., 1899. – 407 с.

Квартирное расписание войск, военных учреждений и заведений Сибирского военного округа, исправленное к 1 февраля 1906 г. – Омск, 1906.

Костров, Н.А. Однодневная перепись города Томска 18 декабря 1866 г. / Н.А. Костров // Томские губернские ведомости. – 1867. – № 16.

Костров, Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии / Н.А. Костров. – Томск, 1872. – 117 с.

Костров, Н.А. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года / Н.А. Костров. – Томск, 1880. – 54 с.

Краткое расписание сухопутных войск, исправленное по 1 марта 1904 г. – СПб., 1904. – VI, 226 с.

Материалы военной статистики // Военный сборник. № 5–6. – СПб., 1889.

Население России за 100 лет (1897–1997): Статистический сборник. – М., 1998. – 222 с.

Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884. – С. 351–408.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 78: Тобольская губ. – СПб., 1905. – 247 с.; – Т. 79: Томская губ., – СПб., 1904. – 245 с.; – Т. 81: Акмолинская область. – СПб., 1904. – 145 с.

Приказы по военному ведомству за 1911 г. – СПб., 1911.

Приказы по войскам Омского военного округа № 1–200 за 1887 г. – Омск, 1887; ... № 1–248 за 1896 г. – Омск, 1896.

Путинцев, Н.Д. Статистический очерк Томской губернии / Н.Д. Путинцев. – Самара, 1892. – 135 с.

Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 мая 1873 г. – СПб., 1873. – XVI, 320 с.

Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – 416 с.

Словцов, И.Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. / И.Я. Словцов. – В 2 т. – Омск: Тип. Акмолин. обл. правления, 1880. – Ч. I. – 433 с.; – Ч. II. – 354 с.

Состав населения трех наиболее значительных городов Сибири // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. – Омск, 1880. – № 2.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882. – 310 с.

Мемуарная литература, дневники

Базедов, фон, Гейно. Путевые впечатления о военной России / Гейно фон Базедов // Быт русской армии XVIII – начала XX века. – М.: Воениздат, 1999. – С. 272–291.

Гиляровский, В.А. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни / В.А. Гиляровский. – М.: Изд-во «Федерация», 1928. – 303 с.

Бабков, И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. / И.Ф. Бабков. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – 575 с.

Белов, И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири / И. Белов. – М., 1852. – 107 с.

Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – М.: Вече, 2012. – 320 с.

Деникин, А.И. Старая армия. Офицеры / А.И. Деникин. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 512 с.

Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: Изд-во АПН, 1969. – 744 с.

Клевакин, Е.П. Очерки из бийской жизни / Е.П. Клевакин // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 114–127.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн.1. Путешествие в прошлое. – М.: Наука, 1964. – 461 с.

Никольский, Е.А. Записки о прошлом / Е.А. Никольский. – М.: Русский путь, 2007. – 288 с.

Серебрянский, о. Митрофан. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке / М. Серебрянский, отец. – М.: Отчий дом, 1996. – 352 с.

Справочная и библиографическая литература

Адрианов, А.В. Город Томск в прошлом и настоящем / А.В. Адрианов. – Томск, 1890. – XII, 433 с.

Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул, 2000. – 408 с.

Беловинский, А.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начала XX в. / А.В. Беловинский. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003. – 912 с.

Библиография трудов ученых Алтайского государственного университета. Вып. 1: Отечественная история (1973–2000) / Сост. В.А. Скубневский. – Барнаул, 2002. – 126 с.

Вибе, П.П. Омский историко-краеведческий словарь / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. – М., 1994. – 320 с.

Военная энциклопедия. – Т. I–XVIII. – СПб; Пг.: типография тов-ва И.Д. Сытина, 1911–1916.

Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г.: Издание Главного штаба. – СПб.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. – 519 с.

Военный энциклопедический словарь / под редакцией Н.В. Огаркова. – М.: Военное издательство, 1983. – 863 с.

Вся Сибирь: Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. – СПб., 1908. – XVI, 582, XXXIV с.

Литература об Алтайском крае: Библиографический указатель. – Барнаул, 1986. – 244 с.

Межов, В.И. Сибирская библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания / В.И. Межов. – Т. 1–3. СПб., 1891–1892. – Т. 1. – 485 с.; – Т. 2. – 470 с.; – Т. 3. – 303 с.

Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1897. – [2], 90 [43 с.]

Памятная книжка Акмолинской области на 1909 год. – Омск, 1909. – 249 с.

Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск, 1864, – 454 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884, – 408, 26, 60 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год. – Тобольск, 1912. – 164, 96 с.

Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. – Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1885. – 191, 94, 6 с.

Скубневский, В.А. История Алтая в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): Библиографический указатель / В.А. Скубневский, Н.В. Иванченко, З.И. Задонских. – Барнаул, 1992. – 126 с.

Исследования

Абрамов, Н.А. Город Тюмень / Н.А. Абрамов // Вестник РГО. 1858. – № 8. – С. 127–150.

Абрамов, Н.А. Город Семипалатинск / Н.А. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. 1863. – № 13–14, 16.

Авилов, Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. 2015. – № 4. – С. 3–10.

Алисов, Д.А. Городская среда и население Омска в конце XIX – начале XX вв. / Д.А. Алисов // Страницы исторического прошлого Омска (XX – начала XX в.): Краеведческий сборник. – Омск, 1994. – С. 40–52.

Алисов, Д.А. Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / Д.А. Алисов // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 60–73.

Алисов, Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. / Д.А. Алисов. – Омск, 2001. – 200 с.

Алисов, Д.А. Проблемы истории, культуры и условий жизни военных на «Катанавских чтениях – 98» / Д.А. Алисов, Н.А. Томилов // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. – № 3. – С. 164–165.

Алферов, Н.П. Записная книжка 12-го Сибирского стрелкового Его Императорского высочества Наследника цесаревича полка / Сост. Н.П. Алферов. – Брянск: тип. Л.И. Итина, 1914. – 32 с.

Арзамаскин, Ю.Н. Российские самодержцы и армия / Ю.Н. Арзамаскин, И.А. Шеин // Военно-исторический журнал. 1994. – № 9. – С. 72–76.

Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск: ГПНТБ, 1995. – 241 с.

Афанасьев, В. Дисциплинарные роты и батальоны / В. Афанасьев // Военный сборник. 1890. – № 7. – Ч. 1. – С. 120–122.

Баяндин, В.И. Военное управление Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В.И. Баяндин // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 1997. – Вып. 2. – С. 39–43.

Баяндин, В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. – С. 69–75.

Баяндин, В.И. Вооруженные силы дореволюционной России в историографии послереволюционного периода / В.И. Баяндин // Пишем времена и случаи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 31–33.

Баяндин, В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников

/ В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. – № 3. – С. 30–33.

Баяндин, В.И. Периодические издания дореволюционной России как источник по истории российской армии и флота (вторая половина XIX – начала XX в.) / В.И. Баяндин // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – С. 58–61.

Баяндин, В.И. Узаконенное уклонение от военной службы в русской армии в XIX столетии / В.И. Баяндин // Восток–Запад: проблемы взаимодействия: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – С. 99–107.

Баяндин, В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. – № 2. – С. 18–21.

Баяндин, В.И. Особенности принятия присяги в русской армии в XIX – начале XX в. / В.И. Баяндин // Военно-исторический журнал. 2011. – № 7. – С. 24–28.

Баяндин, В.И. О системе обучения нижних чинов в российской армии в XIX – начале XX вв./ В.И. Баяндин // Философия образования. 2011. – Т. 38. – № 5. – С. 304–310.

Баяндин, В.И. Официально-документальные источники по истории русской армии на Востоке страны (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В.И. Баяндин // Восток–Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – С. 7–14.

Баяндин, В.И. Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. – № 1. – С. 24–29.

Баяндин, В.И. «Разыскиваются мещане, состоящие в рекрутской очереди». Борьба с уклонистами от военной службы в XIX – начале XX века / В.И. Баяндин // Военно-исторический журнал. 2013. – № 3. – С. 58–63.

Баяндин, В.И. Обучение нижних чинов специальных частей Российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX века / В.И. Баяндин // Сибирский педагогический журнал. 2013. – № 1. – С. 31–36.

Баяндин, В.И. Московско-Сибирский тракт: организация передвижения ссыльных, рекрутов и новобранцев в XIX столетии / В.И. Баяндин // Московско-Сибирский тракт: история и современность, взгляд в будущее: Материалы региональной научно-практической конференции. – Куйбышев, 2016. – С. 76–88.

Баяндин, В.И. От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи) / В.И. Баяндин. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. – 245 с.

Библиотеки солдатские // Военная энциклопедия. – СПб., 1912. – Т. 4. – С. 537.

Бескровный, Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России / Л.Г. Бескровный. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 453 с.

Бескровный, Л.Г. Очерки военной историографии России / Л.Г. Бескровный. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 318 с.

Будина, О.Р. Город и народные традиции русских / О.Р. Будина, М.Н. Шмелева. – М., 1989. – 252 с.

Бурматов, А.А. Демографическая история Каинска–Куйбышева и его округа / А.А. Бурматов. – Новосибирск: НГПУ, 1997. – 160 с.

Бухараев, В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым / В.М. Бухараев // Социальная история. Ежегодник, 2000. – М., 2000. – С. 19–33.

Быт русской армии XVIII – начала XX века / С.В. Карпушенко – автор-составитель. – М.: Воениздат, 1999. – 366 с.

Валитов, А.А. Военная реформа 1874 года в Тобольской Губернии / А.А. Валитов // Катанаевские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006. – С. 64–68.

Виртшафтер, Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э.К. Виртшафтер. – М., 2002. – 272 с.

Военное дело в России в царствование Императоров Николая I и Александра II (1825–1873 год) // Русская военная сила. М., 1897. – 608 с.

Гаврилова, Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Гаврилова Н.И. – Иркутск, 2002. – 27 с.

Гефнер, О.В. Военные учреждения города Омска (конец XIX – начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 96–112.

Гефнер, О.В. Проблемы реформирования русской армии накануне Первой мировой войны в трудах военных специалистов 1920–1930-х гг. / О.В. Гефнер // Проблемы историографии, источниковедения, исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 1997. – С. 51–53.

Гефнер, О.В. Роль военных храмов в культурной жизни Омска / О.В. Гефнер // Общество и религия. – Омск, 1997. – С. 31–33.

Гефнер, О.В. Просвещение нижних чинов Омского гарнизона в конце XIX – начале XX вв. / О.В. Гефнер // Народная культура Сибири. – Омск, 1998. – С. 189–193.

Гефнер, О.В. Воинские праздники в Омске (конец XIX – начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Катанаевские чтения-98. – Омск, 1998. – С. 178–181.

Гефнер, О.В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. 1998. – № 1. – С. 46–50.

Гефнер, О. В. Военные библиотеки в культурной инфраструктуре Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / О.В. Гефнер // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 100–106.

Гефнер, О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в. / О.В. Гефнер. – Омск, 2004. – 222 с.

Гефнер, О.В. Патриотическое воспитание нижних чинов в русской армии (конец XIX начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Русский вопрос: история и современность. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2005.

Гефнер, О.В. Отношение гражданского населения к военным в Сибирской провинции второй половины XIX начала XX в. (на

материалах Западной Сибири) / О.В. Гефнер // Катанаевские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006.

Гефнер, О.В. Образовательная и просветительная политика государства в отношении нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах городов Западной Сибири) / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 85–96.

Гефнер, О.В. Дисциплинарная рота в Омской крепости (конец XIX – начало XX века) / О.В. Гефнер // Омская крепость: историко-культурное наследие: Сборник материалов Омской городской научно-практической конференции (Омск, 25 ноября 2010 г.). – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 47–50.

Гефнер, О.В. Солдатский досуг в гарнизонах Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) / О.В. Гефнер // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17 ноября 2011 г.). – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. – С. 143–148.

Гефнер, О.В. Военные в г. Тобольске во второй половине XIX – начале XX века: социальная и культурная деятельность / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. 2012. – № 2. – С. 308–314.

Гефнер, О.В. Военные оркестры в культурной жизни городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / О.В. Гефнер // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. – № 2. – С. 115–120.

Гефнер, О.В. Повседневная жизнь нижних чинов русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 138–147.

Головачев, П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П.М. Головачев. – М., 1902. – 300 с.

Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н.Н. Головин // Военно-исторический журнал. 1993. – № 1.

Голодников, К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К. Голодников. – Тобольск, 1882.

Голодников, К. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк / К. Голодников. – Тобольск, 1887. – 139 с.

Гончар, А.Е. Традиции русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: сущность, традиции, уроки.: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Гончар А.Е. – М., 1994.

Гончаров, Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Города Сибири XVIII – начала XX в. – Барнаул, 2001. – С. 36–64.

Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул, 2002. – 384 с.

Гончаров, Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. – Вып. 2. – Новосибирск, 2002. – С. 77–86.

Гончаров, Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) / Ю.М. Гончаров. – Новосибирск: ИД «Сова», 2004. – 358 с.

Гончаров, Ю.М. Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. – № 4/2 (80). – С. 135–138.

Гончаров, Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – 348 с.

Гончаров, Ю.М. Повседневная жизнь солдат в городах Западной Сибири во второй половине XIX в. / Ю.М. Гончаров, С.В. Скобликов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. – Т. 2. – № 3(87). – С. 50–52.

Гончаров, Ю.М. Обучение грамоте нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX века / Ю.М. Гончаров, С.В. Скобликов // Уральский научный вестник. 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 47–50.

Гончаров, Ю.М. Нижние чины российской армии в региональном социуме Сибири второй половины XIX – начала XX в.:

мировоззрение, бытовая культура и традиции / Ю.М. Гончаров // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. – Т. 21. – С. 89–95.

Горелов, Ю.П. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. – Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2014. – 238 с.

Город Томск. – Томск, 1912. – 348, 79, 73 с.

Горюшкин, Л.М. Изучение истории Сибири эпохи капитализма / Л.М. Горюшкин, Ф.А. Кудрявцев, В.Г. Тюкавкин // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 175–189.

Горюшкин, Л.М. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.) / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев. – Новосибирск, 1978. – 296 с.

Громыко, М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громыко, А.В. Буганов. – М.: Паломникъ, 2000. – 544 с.

Дегальцева, Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. / Е.А. Дегальцева. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 187 с.

Дмитриев, А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796) / А.В. Дмитриев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 528 с.

Дмитриенко, Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2000. – 284 с.

Драгомиров, М.А. Воспитание и образование войск / М.А. Драгомиров // Военный сборник. – СПб., 1866. – № 3.

Дубинин, В.О. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири: 1865–1906 гг.: дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Дубинин В.О. – Омск, 2006. – 246 с.

Дубинин, В.О. Особенности военной службы в Западной Сибири в период 1865–1906 г. / В.О. Дубинин, А.А. Печенкина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. – № 125. – С. 712–723.

Емельянов, Н.Ф. Город Курган. 1782–1917: Социально-экономическая история / Н.Ф. Емельянов. – Курган, 1991. – 256 с.

Еремин, И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / И.А. Еремин. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 276, [1] с.

Еремин, И.А. Степень готовности России к Первой мировой войне в оценках дореволюционных, советских и современных исследователей / И.А. Еремин // Известия Алтайского государственного университета. 2015. – Т. 2. – № 3. – С. 93–96.

Ермолович, Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX века (1867–1917 гг.) / Я.Н. Ермолович // Военно-исторический журнал. 2015. – № 3.

Ершов, М.Ф. Туринск в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX века. / М.Ф. Ершов. – Шадринск, 2000. – 22 с.

Завалишин, И.И. Описание Западной Сибири. Т. 1: Западная Сибирь – Тобольская губерния / И.И. Завалишин. – М., 1862. – 419 с.

Завалишин, И.И. Описание Западной Сибири. Т. 2: Западная Сибирь – Томская губерния / И.И. Завалишин. – М., 1865. – 277 с.

Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России / П.А. Зайончковский. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 375 с.

Зайончковский, П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.

Зайончковский, П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной / П.А. Зайончковский // Вопросы истории. 1981. – № 4. – С. 21–29.

Зверев, В.А. «Бравы ребяташки». Землякам в святцы / В.А. Зверев // Советский воин. 1993. – № 2. – С. 63–65.

Зверев, В.А. Влияние армейской службы на грамотность и образ жизни сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Зверев // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск, 1995. – С. 109–112.

Золотарев, О.В. Армия и культура / О.В. Золотарев. – М.: Знание, 1991. – 57 с.

Иванов, Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России / Л.М. Иванов // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 312–340.

Ивонин, А.Р. Население городов юга Западной Сибири в дореформенную эпоху по данным церковного учета православного населения / А.Р. Ивонин // Историко-демографические проблемы Сибири. – Барнаул, 1995. – С. 3–16.

Ивонин, А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования) / А.Р. Ивонин. – Барнаул, 2000. – 337 с.

История российского быта. – СПб., 1999. – 263 с.

Кабузан, В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. / В.М. Кабузан // История СССР. 1979. – № 3.

Карпущенко, С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан / С.В. Карпущенко // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. – С. 13–150.

Кехер, Ю. О военных врачах / Ю. Кехер // Военный сборник. – СПб., 1902. – № 10.

Клугин, Л. Русская солдатская артель / Л. Клугин // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. – С. 175–201.

Клюева, В.П. Структура городского населения по российскому законодательству (II-я половина XVII – I-я половина XIX в.) / В.П. Клюева // Россия и мировой исторический процесс. – Бийск, 1999. – С. 107–109.

Кожевин, В.Л. Монарх и монархия в системе ценностей российского офицера (конца начала XX вв.) / В.Л. Кожевин // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.) – Омск, 1994. – С. 61–69.

Колесников, А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска / А.Д. Колесников // История городов Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 231–252.

Колмогоров, Г. Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири / Г. Колмогоров // Северная пчела. 1859. – № 67.

Кондриков, Б.В. Революционные выступления солдат в Западной Сибири в годы первой русской революции / Б.В. Кондриков // Ученые записки Омского государственного педагогического института. – Омск, 1965. – С. 32–56.

Коновалов, И.А. Изменения в социальной структуре населения Омска в конце XIX – начале XX вв. / И.А. Коновалов // Омск,

XX век (вехи истории): Краеведческий сборник. – Омск, 2001. – С. 7–20.

Коняев, Р.В. Подготовка резервов для действующей армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Р.В. Коняев. – Барнаул, 2019. – 26 с.

Копылов, Д. Тобольск / Д. Копылов, Ю. Прибыльский. – Свердловск, 1975. – 224 с.

Копылов, В.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милюхин, Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 1995. – 220 с.

Корин, С.А. Подготовка унтер-офицеров сверхсрочной службы в военно-учебных заведениях русской армии в конце XIX – начале XX века / С.А. Корин // Военно-исторический журнал. 2012. – № 12. – С. 22–24.

Кочергин, П. Нужды русского солдата / П. Кочергин // Быт русской армии XVIII – начала XX века. – М., 1999. – С. 325–365.

Кренке, В.Д. Грамотность в армии / В.Д. Кренке // Военный сборник. – СПб., 1868. – № 12.

Крупина, Т.Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX вв. / Т.Д. Крупина // История СССР. 1971. – № 1. – С. 191–205.

Крылов. Памятка 43-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911 / Крылов. – Омск: Типография К.И. Демидовой, 1911. – 127 с.

Крылов, М.В. Формирование основ правовой культуры в русской армии во второй половине XIX – XX веков / М.В. Крылов // Военно-исторический журнал. 2011. – № 4.

Крылов, М.В. Правовое воспитание во второй половине XX века / М.В. Крылов // Военно-исторический журнал. 2010. – № 7.

Кузьмин-Караваев В.Д. Нижние чины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXI. СПб., 1897. С. 49.

Кузнецов, М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918) / М.Ю. Кузнецов. Дис. ... к.и.н. – Иркутск, 2020. – 339 с.

Куприянов, А.И. Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. / А.И. Куприянов // Культурно бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XIX в. – Новосибирск, 1985. – С. 53–62.

Куприянов, А.И. Празднично-общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. / А.И. Куприянов // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 23–33.

Куприянов, А.И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А.И. Куприянов. – М., 1995. – 160 с.

Куропаткин, А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии / А.Н. Куропаткин // Военное положение России в конце XIX века. – СПб, 1910.

Литягина, А.В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / А.В. Литягина // Вопросы истории. 2009. – № 11. – С. 157–163.

Литягина, А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.В. Литягина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 331 с.

Литягина, А.В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века / А.В. Литягина // Историческая психология и социология истории. 2013. – № 1. – С. 99–110.

Лишин, И. Образование рекрут / И. Лишин // Военный сборник. – СПб., 1866. – № 3.

Лоссовский. Забава и дело в казарме / Лоссовский // Военный сборник. 1884. – № 7. – С. 72–112.

Лукуянова, Л.С. Военные библиотеки Тобольской губернии / Л.С. Лукуянова // Армия и книга. Тезисы докладов межрегиональной конференции 18–19 апреля 1995 г. – Новосибирск, 1995. – С. 152–154

Лютов, С.Н. Книга в русской армии (конец XIX – начало XX в.) / С.Н. Лютов. – Новосибирск, 2001.

Лютов, С.Н. Военные библиотеки в России (XIX – начало XX века) / С.Н. Лютов, А.М. Панченко. – Новосибирск, 2007.

Лясоцкий, И. Прошлое Томска (в названиях его улиц, построек и окрестностей) / И. Лясоцкий. – Томск, 1952. – 52 с.

Малолетко, А.А. Воинство Алтайского горного округа (1726–1917) / А.А. Малолетко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 232 с.

Мамеев, С. Н. Краткий исторический очерк Тобольского резервного пехотного батальона (с 1711 г.) / С.Н. Мамеев. – Тобольск, 1886.

Миненко Н.А. Омск в панораме веков / Н.А. Миненко, С.В. Федоров. – Омск, 1999. – 352 с.

Мирзоев, В.Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В.Г. Мирзоев. – М., 1970. – 392 с.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. Т. 1–2. – СПб., 1999. – 550; 568 с.

Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России / Б.Н. Миронов. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.

Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну в 3 т. / Б.Н. Миронов. – Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 912 с.

Мошкин, А.В. Проблемы санитарно-гигиенической службы российской армии в годы Первой мировой войны / А.В. Мошкин, Я.В. Валяев // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8 (179). Вып. 30. С. 95–100.

Некрылова, А.Н. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XIX – начало XX в. / А.Н. Некрылова. – Л., 1988. – 215 с.

Никульченко, А. О средствах завести хороших унтер-офицеров / А. Никульченко // Ориентир. 2013. – № 7.

Новиков, П.А. Гарнизоны Сибирских стрелков в 1906–1914 гг. / П.А. Новиков // Вестник ИрГТУ. 2013. – № 9(80). – С. 301–308.

Оськин, М.В. Унтер-офицерский состав русской армии в период Первой мировой войны / М.В. Оськин // Военно-исторический журнал. 2014. – № 1.

Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск, 2000. – 693 с.

Очерки истории города Омска. – Т. 1: Дореволюционный Омск. – Омск, 1997. – 292 с.

Палопеженцев, Н. Народное образование в городе Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) / Н. Палопеженцев // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1895. – Вып. 3. – С. 4–9.

Потанин, Г.Н. Города Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь, её современное состояние и её нужды. – СПб., 1908. – С. 235–259.

Поткина, И.В. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) / И.В. Поткина, Н.Б. Селунская // История СССР. 1990. – № 4. – С. 194–206.

Пронин, В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) / В.И. Пронин // История СССР. 1981. – № 4. – С. 50–69.

Рашин, А.Г. Население России за 100 лет / А.Г. Рашин. – М., 1956. – 352 с.

Ремнев, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнев. – Омск, 1995.

Риттих, А.Ф. Русский военный быт в действительности и в мечтах / А.Ф. Риттих. – СПб., 1893. – VIII, 280 с.

Родин, И.В. Служба и быт нижних чинов Русской Армии перед Великой войной (конец XIX – начало XX вв.) / И.В. Родин. – Киев, 2002. – 138 с.

Романов, Н.Н. Очерки истории воинской дисциплины. Конец XIX – начало XX в. / Н.Н. Романов. – Сызрань, 2002. – 138 с.

Ростов, Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков / Н.Д. Ростов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 304 с.

Ростов, Н.Д. Алтай в военной истории России / Н.Д. Ростов // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 13–16.

Ростов, Н.Д. «Для производства практической стрельбы батарей округа...». Из истории создания Сергиево-Михайловского артиллерийского полигона Омского военного округа (1906–1913 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные

чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 64–65.

Ростов Н.Д. Влияние революционных событий в Сибири 1905–1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Манчжурии / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов // Мир Евразии. 2017. – № 1 (36). – С. 55–66.

Рубакин, Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы / Н.А. Рубакин. – СПб., 1912. – 216 с.

Русская военная сила. Вып. X: Период царствования Императоров Николая I и Александра II – до всеобщей воинской повинности. – М.: Типография И.Н. Кушнерев и К°, 1889. – 233 с.

Русская военная сила. Вып. XI: От введения всеобщей воинской повинности до настоящего времени. – М.: Типография И.Н. Кушнерев и К°, 1890. – 244 с.

Русские. – М., 1999. – 828 с.

Самосудов, В.М. Революционная пропаганда среди солдат Омского военного округа в 1907–1914 гг. / В.М. Самосудов // Ученые записки Омского государственного педагогического института. – Омск, 1970. – № 45. – С. 131–151.

Сигутов, П.Т. Население Омска в конце XIX в. / П.Т. Сигутов // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – Омск, 1966. – Вып. 8(15). – С. 31–39.

Скобликов, С.В. Быт солдат Западной Сибири во второй половине XIX в. / С.В. Скобликов // Тобольск научный – 2011: Матер. VIII Всерос. научно-практ. конф. – Тобольск: Полиграфист, 2011. – С. 212–214.

Скобликов, С.В. Хозяйственные занятия военных (нижних чинов) в Западной Сибири во второй половине XIX в. / С.В. Скобликов // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 123–123.

Скобликов, С.В. Социально-правовое положение воинского сословия в России во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2015. – Т. 2. – № 3(87). – С. 215–217.

Скобликов, С.В. Унтер-офицерский состав русской армии середины XIX – начала XX в. / С.В. Скобликов // Известия Алтайского государственного университета. 2017. – № 1. – С. 135–139.

Скобликов, С.В. Солдатское сословие (нижние воинские чины) во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Materiały XIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Naukowa przestrzeń Europy- 2017». – Tom 9: Filozofia. Historia. Politologia. – Przemysł: Nauka i studia, 2017. – С. 9–12.

Скобликов, С.В. Роль унтер-офицерского корпуса русской армии середины XIX – начала XX в. / С.В. Скобликов // Материали за XIII международна научна практична конференция «Ключови въпроси в съвременната наука – 2017». – Volume 1: Философия. Икономика. Закон. История. – София: «Бял ГРАД-БГ», 2017. – С. 41–44.

Скобликов, С.В. Система наказаний в русской армии для нижних воинских чинов во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Приднепровский научный вестник. 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 3–7.

Скобликов, С.В. Воинские праздники и церемониалы в жизни нижних воинских чинов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / С.В. Скобликов // Приднепровский научный вестник. 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 21–23.

Скобликов, С.В. Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX – начале XX века (по материалам Западной Сибири): Дис. ... к.и.н. / С.В. Скобликов. – Барнаул, 2017. – 194 с.

Скубневский, В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX в. / В.А. Скубневский // Актуальные вопросы истории Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 104–129.

Скубневский, В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии / В.А. Скубневский // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. – Томск, 1985. – С. 84–97.

Скубневский, В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. / В.А. Скубневский // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 98–119.

Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. – Барнаул, 2003. – 360 с.

Сметанин, С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. / С.И. Сметанин // Исторические записки. – Т. 102. – М., 1978. – С. 153–182.

Советская историография. – М., 1996. – 592 с.

Соколовский, М.К. Исторический очерк бывшего 12-го Сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711–1911 / М.К. Соколовский. – Барнаул: Паровая типография В. А. Шпунтовича, 1911. – 131, [1], 203, [1], 103, [1] с.

Состояние здоровья наших войск в 1887 году // Военный сборник. – СПб., 1889. – № 5–6.

Стефашов, А.Е. Расходная часть бюджета уездного города (на примере города Тюмени Тобольской губернии в 1895–1913 гг.) / А.Е. Стефашов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – С. 188–192.

Строевой. Опротестованные новобранцы и убыль в неспособные / Строевой // Военный сборник. – СПб., 1902. – № 9.

Сушинский, Ф. Унтер-офицерский вопрос в нашей армии / Ф. Сушинский // Военный сборник. – СПб., 1881. – № 8.

Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 1999. – 432 с.

Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков: Очерки истории и быта. – Омск, 2003. – 242 с.

Турчанинов, Н.В. Города Азиатской России / Н.В. Турчанинов // Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 285–360.

Ульянов, И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение / И.Э. Ульянов. – Назрань: АСТ, 1996. – 245 с.

Фабрика, Ю.А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири) / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: Новосибирский полиграфический комбинат, 2001. – 252 с.

Фабрика, Ю.А. Горя пламенной любовью къ Отечеству..., / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2012. – 300 с.

Фабрика, Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Ю.А. Фабрика. – Т. I. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – 608 с.

Фабрика, Ю.А. На прогнание всякого супостата / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2016. – 488 с.

Федоров, А.В. Русская армия в 50–70-е гг. XIX в. / А.В. Федоров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – 291 с.

Фукин. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907) / Фукин. – Омск: Типогр. К.И. Демидовой, 1907. – 131 с.

Худяковский, Д. К чествованию 50-летнего существования храма в Сибирском кадетском корпусе 6 дек. 1898 г. 1898 г. / Д. Худяковский. – Омск, 1898. – 14 с.

Цепляев, Л.Н. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма / Л.Н. Цепляев, Б.П. Шипилов // История городов Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1977. – С. 45–51.

Цибиков, В.А. Информационно-пропагандистская работа в военных округах России во второй половине XIX – начале XX века / В.А. Цибиков // Военно-исторический журнал. 2015. – № 10. – С. 21–28.

Чернобаева, К.В. Особенности архитектуры комплекса зданий воинских казарм в г. Барнауле / К.В. Чернобаева // Вестник ТГАСУ. 2016 – № 1. – С. 38–55.

Чиненный, С. Унтер-офицеры Русской армии / С. Чиненный // Ориентир. 2003. – № 12. – С. 60–63.

Шавров, К. Грамотность в войсках / К. Шавров // Военный сборник. – СПб., 1892. – № 5–6 (разд. 1).

Шейнфельд, М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.) / М.Б. Шейнфельд. – Красноярск, 1973. – 399 с.

Щербинина, Ю.В. Запасные и бессрочноотпускные солдаты русской армии в 70-е годы XIX в. / Ю.В. Щербинина // Катанаев-

ские чтения. Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Издательство дом «Наука», 2006. – С. 68–71.

Шишкина, С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917) / С.Ю. Шишкина. – Тюмень: ТОГИРРО, 2006. – 208 с.

Штейнфон, Б. Воин Христов / Б Штейнфон // Душа армии. Русская военная иммиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – М., 1997.

Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса 1813–1913. – Омск, 1913.

Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1892. – 720 с.

Bushnell, J. Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Expanding the Past: A Reader in Social History / P.N. Stearns (ed.)/ New York; London: New York University Press, 1988: – P. 93–104.

Duffy, Ch. Russia's Military Way to the West: Origins and Nature of Russian Military Power. 1700–1800 / Ch. Duffy. – London ; New York : Routledge, 2016. – 256 p.

Stone, D.R. A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya / D.R. Stone. – Praeger Publishers, 2006. – 280 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ – Военное ведомство

ГААК – Краевое государственное казенное учреждение
«Государственный архив Алтайского края»

ИАОО – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ГАНО – Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»

ГАТО – Областное государственное учреждение «Государственный архив Томской области»

НАРГО – Научный архив Русского географического общества

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

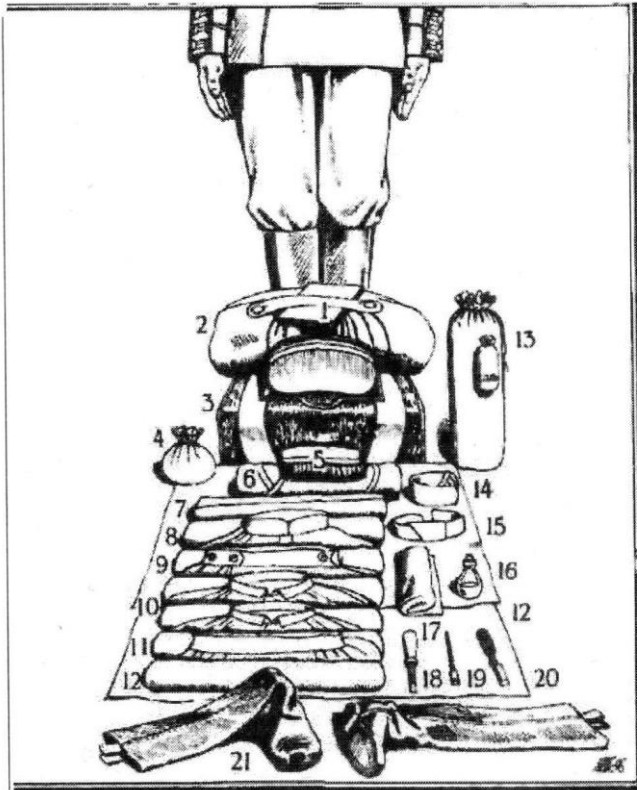
РГИА – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив»

СЗРИ – Свод законов Российской империи

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Выкладка солдатских вещей во время инспекторского смотра

Солдатская записная книжка (1), шинель (2), ранец с котелком (3), мешочек с мелкой принадлежностью (4), щетка (5), башлык (6), полотенце (7), гимнастическая рубашка (8), летние панталоны (9), две рубашки (10), холщовые брюки (11), две пары портянок (12), мешочек с сухарями и солью (13), наушники (14), галстук (15), пузырек с деревянным маслом (16), суконка, тряпка, деревяшка, перышко и сало в тряпке (17), отвертка (18), шпилька (19), промывальник (20), сапоги (21).

Приказ Военного ведомства № 167 1875 г.

Марш сибирских стрелков

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки
Молчаливой, грозной тучей,
В бой идут сибиряки.

Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала,
И сибирские снега.

Не усталости не страха,
Бьются ночь и бьются день,
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.

Эх, Сибирь, Сибирь родная,
За тебя мы постоим.
Волнам Рейна и Дуная
Твой поклон передадим.

Знай, Сибирь, в лихие годы
В память славной старины
Честь великого народа
Отстоят твои сыны.

Русь свободная воскреснет,
Нашей верою горя,
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.

В.А. Гиляровский, 1915 г.

Подписано в печать 25.01.2023.
Тираж 500 экз. Заказ 35.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, ул Мерзликина, 10
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@mail.ru